

С. В. Куланда

СКИФЫ: ЯЗЫК И ЭТНОГЕНЕЗ

Университет Дмитрия Пожарского

Институт востоковедения РАН
Университет Дмитрия Пожарского

С. В. Кулланда

СКИФЫ: ЯЗЫК И ЭТНОГЕНЕЗ

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2016

УДК 811.15, 94(395.1)
ББК 63.3(2)2-9, 81.2
К90

Подготовлено к печати и издано по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского
Ответственный редактор
И.С. Якубович

К90 Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 232 с.

ISBN 978-5-91244-141-7

В книге под историческим и этнокультурным углом зрения рассматриваются дошедшие до нас в иноязычных передачах остатки скифского языка, вычленяется слой исконной лексики и определяется его принадлежность, отождествляются заимствования в скифском и скифские заимствования в иных языках. Полученные сведения позволяют четко отделить скифов от соседних восточных иранцев, прежде всего сармат, выявить их языковые контакты с различными, в том числе и неиндоевропейскими этносами, а заодно дают пищу для размышлений относительно сюжетов, выходящих за рамки скифологии, вроде проблем формирования Младшей Авесты или греческой исторической фонетики. Автором составлен глоссарий скифских слов, в котором предлагается ряд новых этимологий скифских и общеиранских лексем.

ISBN 978-5-91244-141-7

© Кулланда С.В., текст, 2016

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Памяти Надежды Николаевны и Марии Николаевны Погребовых

ВВЕДЕНИЕ

Скифы – один из немногих бесписьменных народов древности, от которых до нас дошли и самоназвание, и достаточно подробные и в целом заслуживающие доверия сведения иноязычных нарративных источников. Это позволило считать их создателями богатейших памятников Северного Причерноморья соответствующего времени, чья материальная культура тем самым обрела этническую идентификацию, что можно сказать далеко не о каждой археологической культуре. Тем не менее происхождение скифов остается предметом споров.

Рассмотрение этногенеза любого народа естественно начинать с определения его языковой принадлежности, ибо язык – один из основных отличительных признаков этноса. Это тем более важно в отношении скифов, так как изучающие их исследователи, большинство которых по понятным причинам составляют археологи¹, при обсуждении проблем этнической истории лингвистическим вопросам почти не уделяют внимания². Однако в изучении скифского языка сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, все дошедшие до нас в той или иной передаче скифские слова и имена тщательнейшим образом

¹ Поскольку скифский язык был бесписьменным, сведения о скифах мы черпаем прежде всего из античных и – в меньшей степени – клинописных источников, число которых ограничено (хотя новые эпиграфические памятники и продолжают обнаруживать), и богатейшего археологического материала, на котором большей частью и основывается скифология. Это иногда приводит к курьезным высказываниям, объяснимым исключительно полемическим запалом: «скифологом невозможно быть, не будучи археологом. Причем, – полевым археологом. Это правило не имеет исключений» (Гаврилюк 2007: 119). Но, как справедливо отмечал О.Н. Трубачев, «[б]есписьменность» скифов – понятие относительное, и из него прямо не вытекает ведущая роль археологических источников... При несомненной ценности культурно-исторических материалов археологии лингвистическая аргументация остается определяющей в вопросах языка, а следовательно, и этноса» (Трубачев 1980: 117).

² А в тех случаях, когда неспециалисты пытаются прибегнуть к лингвистической аргументации, невольно думаешь, что лучше бы они этого не делали. Например, Л.А. Лелеков (1980: 126), усвоив, что индоиранский *s в иранском в большинстве позиций дал h, считал наличие s в словах «скиф», «сколот», «сармат» и т.п. свидетельством их неиранского происхождения, не зная ни того, что в консонантных сочетаниях s с глухим смычным исконный s в иранском сохранялся, ни того, что в большинстве иранских языков (в том числе, видимо, и в сарматском) имелся и вторичный s (из общеиранского s). Ср. также ниже, примеч. 7.

проанализированы и для подавляющего их большинства установлены надежные иранские параллели³, с другой – лингвисты (а вслед за ними и остальные скифологи), за редкими исключениями, игнорируют наличие фонетических особенностей, характерных именно для скифского, – в отличие, скажем, от сарматского, – что создает почву для необоснованных этимологий, на которых представители других дисциплин строят далеко идущие выводы. Господствующее мнение о скифском языке гласит, что «на современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» (Полин 1992: 88). В результате скифский язык предстает конгломератом разновременных фонетических явлений, характерных для разных подгрупп иранских языков, являя собой нечто похожее на знаменитого слона с заячьими ушами, изображенного на рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Некоторые скифологи идут еще дальше, прямо заявляя или имплицитно подразумевая, будто определение места скифского языка среди прочих иранских, если бы и было возможно, не имело бы никакого значения для исследования этнической истории: «Данные о языке скифов крайне скудны. Дошедшие до нас имена скифских царей, названия рек, топонимы и прочие подобные сведения позволяют лишь утверждать, что он принадлежал к числу иранских – хотя... в работах О.Н. Трубачева и этот вывод в определенной степени подвергается сомнению [о взглядах О.Н. Трубачева см. ниже – С.К.]. Впрочем, если исходить из того, что местное предскифское население (киммерийцы) и продвинувшиеся сюда с востока в VII в. до н. э. группы кочевников (протоскифы) были родственны по языку и, следовательно, приход последних не означал коренной смены языка у обитателей северокавказских и северопричерноморских степей (Абаев, 1965, с. 122), то, значит, располагай мы и более обширными

³ Толкование скифских слов из тюркского (см., например: Исмагил 2006) несостоятельно хотя бы потому, что фонетика засвидетельствованных скифских слов противоречит фонетическим характеристикам пратюркского (распад которого по глоттохронологическим данным относится к I в. до н. э., т. е. много позже появления на исторической арене скифов – соответственно, сравнивать скифские слова имело бы смысл только с пратюркскими, а не с их рефлексами в отдельных древних и современных тюркских языках). Так, пратюркское слово не могло начинаться на сонанты **m* и **l*, тогда как нам известны скифские имена Мадий и Липоксай; невозможными в пратюркском были и скопления согласных в анлауте (начале слова), засвидетельствованные в самоназвании скифов и таких именах, как, например, Спаргапиф (о пратюркской фонетике и фонотактике, т. е. закономерностях сочетания фонем, см. СИГТЯ 2006: 62–66; Дыбо 2007: 13–64). Одним словом, попытки объявить скифов тюрками представляют интерес разве что с точки зрения современной этнопсихологии.

сведениями о характере и развитии скифского языка, это мало бы что дало для понимания этногенеза скифов» (Мурзин, 1990: 30). В неявной форме ту же мысль проводят А.И. Тереножкин и И.В. Куклина, фактически ставящие знак равенства между понятиями «скифский» и «иранский»: «И.В. Яценко и Д.С. Раевский назвали дискуссионными следующие проблемы скифоведения: этнос, происхождение, социально-экономический строй, организация общества и идеология. Вероятно, лишь случайно в этот перечень попал вопрос о скифском этносе, рассмотренный в известном докладе А.И. Мелюковой и Б.Н. Гракова на скифоведческой конференции в Москве в 1952 г., когда они установили, что скифы были иранцами (с тех пор это никем не ставилось под сомнение)» (Тереножкин 1980: 119); «Геродот не считал скифами ни исседонов, ни массагетов, тогда как современные исследователи, опираясь на археологические, лингвистические и топонимические материалы и на свидетельства других античных источников... отмечают родство культуры этих азиатских племен со скифами и считают возможным говорить об их скифском (иранском) происхождении» (Куклина 1985: 7–8). Не говоря уже о неправомерности отождествления «скифский = иранский», нельзя не отметить, что автор последнего высказывания упускает из виду бесспорное лингвистическое свидетельство того, что скифский и массагетский языки относились к разным подгруппам иранских. Ведь общеиранское (и индоиранское) *ś (из индоевропейского *k) давало в большинстве иранских языков s, а в т.н. «югозападноиранских», т.е. прежде всего в древнеперсидском, а также в юговостокиранском скифском, θ – ср. авестийское *paēs-*, древнеперсидское *paith-* (<**paiś*) ‘красить, украшать’ (родственно русским словам ‘писать’, ‘пестрый’). Производное от этого корня со значением ‘вид, форма’ отразилось в скифском языке как -*πείθης*, с θ, а не с обычным для большинства иранских s. Массагетская форма того же слова, где *ś, в отличие от скифского, дала s, приведена Геродотом (I, 211, 213) в имени массагета *Σλαρυαλίσης*, соответствующем скифскому антропониму *Σλαρυαλείθης* (подробнее об этой фонетической особенности см. Абаев 1945; Грантовский 1970: 161–162 = 2007: 183–184; о соотношении терминов «массагеты» и «скифы» у Геродота см. Немировский 2005)⁴.

⁴ Разумеется, теоретически не исключено, что элемент -*πείθης* в скифских именах появился у Геродота по народноэтимологической контаминации с собственно греческим -*πείθης*, но в таком случае логично было бы ожидать того преобразования и в массагетском имени, чего мы, однако же, не видим. Кроме того, фонема, обозначаемая греческой тетой (а в более поздних записях и тау), встречается в скифском сравнительно часто, в том числе в тех случаях, когда ее появление

Разумеется, такое представление о скифском языке у нелингвистов обусловлено несовершенством лингвистических работ. Так, Фасмер и Абаев (в большей степени последний) не были уверены в том, следует ли разграничивать скифский и сарматский. Как писал первый (Vasmer 1923: 8), «[и]так, если вообще различать скифов и сармат, целесообразно относить к скифскому лишь то, что Геродот или еще более древние источники называют скифским» (Will man also überhaupt Skythen und Sarmaten auseinanderhalten, dann empfiehlt es sich für skytisch nur das zu halten, was Herodot oder noch ältere Quellen als skytisch bezeichnen). Руководствуясь этой максимой, а не звуковыми соответствиями, он считал сарматскими имена и этнонимы, демонстрирующие явно скифское фонетическое развитие (Сайтафарн, сайи, Скилур, Палак), в чем ему следуют и некоторые современные специалисты (см. ниже). В.И. Абаев пошел еще дальше, вовсе отказавшись от деления языкового материала на скифский и сарматский. По его словам, «у них был целый ряд общих черт, которые противопоставляли их остальным иранским наречиям и которые позволяют рассматривать все скифо-сарматские говоры как одно лингвистическое целое» (Абаев 1949: 149 = Абаев 1979: 273)⁵. В результате в его глоссарии, озаглавленном «Словарь скифских слов⁶», из почти двухсот тридцати лемм к скифскому можно отнести лишь десятую часть. О таком же подходе к соотношению скифского и сарматского свидетельствует и само название статьи Р. Шмитта (Schmitt 2012): Die Sprache(n) von Skythen, Sarmaten und Alanen («Язык(и) скифов, сармат и алан»). Труд Майргофера (Mayrhofer 2006) лингвистически более последователен, но в нем заметна склонность автора объяснять все фонетические особенности скифских лексем окказиональными отклонениями от нормы под влиянием постулируемых ad hoc ассимиляции, диссимиляции и прочих не засвидетельствованных в скифском явлений (ср. ниже s. v. **Παραλάται, Ταβίτι** и др.).

Тем не менее, как будет показано ниже, анализ материала опровергает пессимистическую точку зрения на возможность дальнейшей

нельзя объяснить влиянием греческого, и в начальной позиции, где ее вряд ли возможно возводить к индоиранскому **th*, зато вполне допустимо считать рефлексом общеиранского **s̥*, что обычно и делается. То же фонетическое развитие демонстрирует и ряд осетинских слов, скорее всего заимствованных из скифского (подробнее см. ниже). Все эти обстоятельства свидетельствуют скорее в пользу того, что греческая запись скифских имен с элементом -*πειθης* передает реальное скифское произношение.

⁵ Справедливую критику позиций Фасмера и Абаева см. в работе С.Р. Тохтасьева (2005: 61–66).

⁶ В работе 1949 года «основ».

детализации наших представлений о скифском языке и лишний раз демонстрирует, что «междисциплинарное исследование бесписьменного общества, каким по определению является скифское, предполагает овладение основами смежных профессий» (Кулланда, Раевский 2002: 225). Историкам (в широком смысле, включая археологов, социальных антропологов и представителей иных смежных дисциплин), как, впрочем, и лингвистам, занимающимся скифологией, не худо было бы иметь представление о твердо установленных рефлексах общеиранских фонем в скифском, отличающихся от рефлексов тех же фонем в сарматском, что заставило бы отказаться от многих остроумных и соблазнительных, но не выдерживающих научной критики гипотез. На практике же скифологи обычно довольствуются дежурным упоминанием об ираноязычии скифов, тогда как «изучение явлений скифской культуры, запечатленных античными авторами, а тем паче – материальных остатков деятельности скифов, полученных в ходе археологических раскопок, зачастую проводится без полноценного учета этнической принадлежности их создателей» (Там же: 213). Между тем, как нам с Д.С. Раевским уже случалось отмечать, скифология – одна из тех кажущихся периферийными ввиду отсутствия полноценных письменных источников областей науки, где от исследователя требуется хорошо ориентироваться в совершенно разных сферах, от чего избавлены специалисты в классических дисциплинах, лучше обеспеченных материалом. Если античник может иметь лишь самое общее представление об иранистике, а египтолог – об ассириологии, то скифологу – в идеале – необходимо профессионально разбираться в археологии (откуда происходит основная масса материалов), иранистике (поскольку отрывочные данные о языке, мифологии и социальной структуре скифов невозможно адекватно истолковать без учета иных иранских материалов), античной истории и источниковедении (ибо сколько-нибудь пространные и связные сведения о скифах дошли до нас в передаче античных авторов, и при их интерпретации приходится делать поправку на специфику античной традиции), ассириологии (поскольку сведения о пребывании скифов в Передней Азии содержатся в ассирийских текстах, и от их далеко не однозначной датировки зависит хронология раннескифской истории) и в ряде других дисциплин – этнологии, фольклористике и т. п. Каким бы тривиальным ни казалось это утверждение, в реальной жизни дело, как правило, обстоит иначе. Занимавшиеся скифологией знатоки классических языков и археологии (М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков и др.) не были иранистами; иранисты не

изучали профессионально археологического материала; большинство же современных скифологов составляют чистые археологи, в чьих работах письменные источники, по выражению Э.А. Грантовского, не исследуются, а лишь привлекаются (Грантовский 1980: 68)⁷.

Такая «самодостаточность» скифологии сильно ограничивает ее возможности⁸. Как правило, анализ лингвистических дискуссий в трудах историков – как, впрочем, и исторических, археологических и т. п. дискуссий в трудах лингвистов – сводится к следующему умозаключению: одни лингвисты (археологи, историки и т.п.) считают так, другие – эдак. Раз они сами не могут разобраться в своем материале и прийти к единому мнению, я вправе присоединиться к той точке зрения, которая более соответствует моим выводам. Позиция, что и говорить, удобная, но для научного исследования неприемлемая. Ведь не столь уж часто аргументы сторонников всех имеющихся гипотез одинаково убедительны. Обычно, проанализировав систему доказательств, можно разобраться, кто из спорящих более корректен в обращении с источниками, а чьи положения невозможно принять без насилия над материалом.

Отдельные соображения относительно специфических особенностей скифского языка, отличающих его от прочих древних и современных иранских языков Северного Причерноморья и юга России специалисты высказывали неоднократно (Brandenstein 1953⁹; Грантовский 1960: 20, примеч. 28; Cornillot 1981a), а в начале 90-х гг. прошлого

⁷ К примеру, в высокопрофессиональных археологических работах можно встретить утверждения, порожденные исключительно небрежностью в обращении с письменными источниками и лингвистическими данными. Так, В.Ю. Мурзин (1990: 29–30) пишет, что, согласно переданной Геродотом скифской легенде, от «сыновей первочеловека Таргитая – Липокса, Арпокса и Колокса [так в цитируемой книге, правильно Колаксы; В.Ю. Мурзина, видимо, ввела в заблуждение единичная опечатка на странице 21 книги Б.Н. Гракова «Скифы»: при прочих упоминаниях имя у Гракова приводится, естественно, правильно. – С.К.]» произошли «паралаты, катиары и траспины», тогда как по Геродоту паралаты произошли от Колаксы, катиары и траспины от Арпокса, а от Липоксы – авхаты. А.Ю. Алексеев (2003: 162 и примеч. 123), хотя и с оговоркой («возможно»), сопоставляет этноним Гёррой с нем. *Heer* ‘войско’, начальный согласный которого соответствует иранскому *k* (ср. древнеперсидское *kāra* ‘войско»), а никак не *g*, французским *guerre* ‘война’, заимствованным из германского **werra* (ср. англ. *war* ‘война’, нем. *Wehr* ‘оборона’) с закономерным развитием **w > *γw > g* (как в слове *Gascon* ‘гасконец’ из *Vascon* ‘баск’), а также словами разных современных языков, восходящими в конечном счете к греческому ἦρως ‘герой’, которое также никоим образом не может быть родственным слову Гёррой.

⁸ Об этом неоднократно писал Э.А. Грантовский; см. Грантовский 1980; Он же. 1981: 59–61.

⁹ Бранденштейн первым предпринял важный шаг в определении специфики скифского языка, попробовав этимологизировать имена персонажей скифской генеалогической легенды с учетом спе-

века польский лингвист Кшиштоф Томаш Витчак сформулировал сугубо лингвистические (а не основанные на географии, хронологии или сведениях античных авторов) критерии вычленения собственно скифского пласта из общего массива иранской лексики Северного Причерноморья. К сожалению, ни опередившие свое время наблюдения Бранденштейна, Грантовского и Корнильо¹⁰, ни пионерская работа Витчака не встретили должного отклика в научной среде, да и сами авторы, за исключением Корнильо, насколько мне известно, впоследствии не возвращались к проблеме скифского языка – В. Бранденштейн скорее всего потому, что, как уже отмечалось, его интерпретация легенды о происхождении скифов не получила поддержки, Э.А. Грантовский потому, что, будучи историком, писал прежде всего об истории, К.Т. Витчак, видимо, потому, что, будучи индоевропеистом широкого профиля, переключился на исследование других (в частности, кельтских) языков. В результате пишущие о скифском языке либо не знают о существовании отличных от традиционных взглядов на его генетическую принадлежность¹¹, либо пытаются их оспорить, идя при этом на явные, пусть и неосознанные, натяжки (Dzitstsojty 2007)¹². К счастью, в последнее

цифических фонетических особенностей скифского, прежде всего перехода $d > \delta > l$ (см. ниже). К сожалению, его опыт исторической привязки легенды оказался не слишком удачным (он, например, считал, что скифские $\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\alpha$ связаны со сменявшими друг друга в Северном Причерноморье народами: трипольскими земледельцами /потомками старшего брата/, носителями культуры боевых топоров /потомками среднего брата/ и собственно скифами /потомками младшего брата/), что представляется, мягко говоря, маловероятным), а потому плодотворная лингвистическая идея не получила развития.

¹⁰ Во избежание недоразумений, подобных высказыванию А.И. Иванчика о французском ученом Корнильо, якобы «ошибочно именуемом Кулландой Корнильо» (Иванчик 2009: 79), напомню, что передача по-русски французского буквосочетания *-ill-* как *ль* – старая традиция (ср. такие заимствования как *портфель*, *бульон*, *бильярд* и пр.), ориентировавшаяся на реальное произношение XVIII века (господствовавшее в речи образованных слоев до Революции, а в ораторской речи до середины века XIX – последним его видным приверженцем был знаменитый лексикограф Эмиль Литтре, умерший в 1881 г.; см. Доза 1956: 98, 102–103), которую предпочитает современной сам Франсуа Корнильо, русист по образованию.

¹¹ Например, такой энциклопедически образованный ученый, как Вяч. Вс. Иванов, в одной из сравнительно недавних работ пишет, что «для скифской группы... восстанавливается язык, отнесенный к согдийско-аланской подгруппе восточноиранских языков» (Иванов 2004: 56). А.И. Иванчик, автор нескольких книг о скифах, строит свои выводы о языке, мифологии и социальной структуре скифов на устаревших этимологиях (см. об этом Кулланда 2008; Тохтасьев 2008: 203), не подозревая, что за время, прошедшее со дня выхода соответствующего раздела книги В.И. Абаева (Абаев 1949), переизданного в семидесятые годы почти без изменений (Абаев 1979) и остающегося для большинства скифологов истиной в последней инстанции, представления о скифском языке существенно изменились (продолжает он цепляться за эти явные ошибки и после того, как на них указали рецензенты – ср. Иванчик 2009).

¹² Разбор аргументов Ю.А. Дзищойты см. ниже.

время дело сдвинулось с мертвой точки. Во всяком случае, некоторые специалисты уже не сомневаются в том, что скифский, вопреки укоренившемуся мнению, не образует единого языкового пространства с сарматским, отличаясь от него, а также от аланского и осетинского, рефлексами ряда общеиранских фонем, и, таким образом, не является прямым предком двух последних¹³ (Blažek 2003; Тохтасьев 2005а; Кул-ланда 2005; Он же 2006; Kullanda 2006 и др.)¹⁴.

Уточнение наших представлений о скифском языке позволяет по-новому взглянуть и на происхождение и этническую принадлежность скифов, и на локализацию их прародины. Нам представляется случай не только проследить на основании иранских заимствований в иных языках и иноязычных заимствований в общеиранском, где жили иранцы в общеиранский период и восточные иранцы до разделения на северных и южных (что уже предпринималось прежде – см. Грантовский 1970: 355–360 = 2007: 406–412; Он же 1998: 60–123), но и попытаться проделать то же для собственно скифов.

Прежде чем приступить к анализу материала, необходимо рассмотреть, что было сделано в этой области предшественниками. Работ, непосредственно посвященных этногенезу скифов, крайне мало. Не в последнюю очередь это связано с опорой на археологический материал, этническая атрибуция которого возможна лишь в самом общем виде¹⁵. С высокой долей вероятности определяется принадлежавшая скифам материальная культура и ее локальные и временные особенности. Однако последние по определению невозможно сколько-нибудь достоверно отождествить с этническими группами, поскольку археологический материал не содержит языковой инфор-

¹³ Так, Вацлав Блажек пишет о “the East Iranian dialects where Iranian *d > d/δ (Sarmatian-Alanic, Ossetic, Khotanese, Choresmian, Sogdian, Yaghnoobi, Wakhi, Yazghulami, Shugni group, Sanglich-Ishkashimi) and not *d > l (Scythian, Bactrian, Pashto, Yidgha, Munji) (Blažek 2003: 98).

¹⁴ Более осторожную позицию занимает Т.Т. Камболов (Камболов 2006: 89–100), но и он считает, например, переход *d > δ > l специфической чертой скифского языка, отличающей его от сарматского.

¹⁵ Единственная попытка рассмотреть происхождение скифов прежде всего на лингвистическом материале (Петров 1968), к сожалению, оказалась неудачной. Ее автор на том основании, что слова, родственные скифским, обнаруживаются не только в иранских, но и в других индоевропейских языках, объявил скифский неиранским языком, занимающим особое место среди индоевропейских. В тексте книги сказано, что скифский язык не был иранским, а относился к восточной группе индоевропейских языков (Ibid.: 32–33), а в аннотации – что «скифська мова не була іранською... Це була одна з індосвропейських мов, що перебувала в найближчих зв'язках зі спорідненими мовами суміжних народів: з іранською на сході, фракійською на заході й балто-слов'янською на півночі» («скифский язык не был иранским... То был один из индоевропейских языков, находившийся в наиболее тесных связях с родственными языками соседних народов: иранским на востоке, фракийским на западе и балто-славянским на севере»).

мации. Отчасти поэтому исследование этногенеза скифов сплошь и рядом подменяется анализом формирования их материальной культуры¹⁶. Антропологические материалы по ранним скифам практически отсутствуют, хотя более поздние данные можно использовать для характеристики этнического состава скифов (см. подробнее ниже). Еще один путь изучения скифского этногенеза – этническая трактовка легенд о происхождении скифов, сохранных Геродотом и Диодором. Отраженное в этих легендах тернарное или бинарное деление общества и/или этноса при таком подходе трактуется исключительно как результат смешения различных этносов¹⁷, с чем едва ли можно согласиться. Если обратиться к наиболее ранним и оттого более надежным по сравнению с прочими свидетельствам Геродота, легенда, охарактеризованная им как собственно скифская (IV 5–6)¹⁸, явно повествует о делении, подобном варновому (Грантовский 1960), чьи истоки прослеживаются в индоевропейской древности (Kullanda 2002; Кулланда 2006 b). Вторую Геродотову версию легенды (IV 8–10)¹⁹, которую Отец истории приписывает причерноморским грекам, вроде бы можно понимать как этногенетическую, поскольку в ней имена

¹⁶ Ср. высказывание М.И. Артамонова: «... исторические скифы ведут свое происхождение от народа срубной культуры... вытеснившего из Северного Причерноморья большую часть отожествляемого с киммерийцами народа с катакомбной культурой» (Артамонов 1974: 23).

¹⁷ Ср. в недавней работе В.Ю. Мурзина (впрочем, то же самое уже было опубликовано по-русски в работе Мурзин 1990: 73, 79): «Триадна організація виникала внаслідок підкорення іноплемінних груп населення та ставала знаряддям панування правлячої верхівки («центру»), що спиралася на «природних» підданих, над щойно підкореними групами населення... Не викликає сумніву, що формування скіфської триадної військово-політичної організації сталося внаслідок завоювання прийдешню ордою протоскіфського тубільного та близького їм за мовою та способом життя кімерійського населення Східної Європи» (Триадная организация возникла вследствие покорения иноплеменных групп населения и служила орудием господства правящей верхушки («центра»), опиравшейся на «природных» подданных, над недавно покоренными группами населения... Не вызывает сомнения, что формирование скифской триадной военно-политической организации стало следствием завоевания пришлой ордой протоскифского туземного, близкого им по языку и образу жизни киммерийского населения юга Восточной Европы) (Мурзин 2013: 27–28).

¹⁸ «Как утверждают скифы... первым появился на этой земле... человек по имени Таргитай... У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай... От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них – цари, которые именуются паралатами» (пер. И.А. Шишовой по изданию Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 101).

¹⁹ «Когда Геракл прибыл... в страну, называемую ныне Скифией..., то... заснул, а кони из его колесницы... были таинственным образом похищены по божественному предопределению. Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну... он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехиду, наполовину деву... Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену... Наконец она... сказала: «Я сохранила для тебя этих коней... а ты дал награду – ведь у меня от тебя три сына. Ты мне скажи, что нужно делать с ними... он, как говорят, на это ответил: «... как увидишь, что кто-

сыновей Геракла соответствуют этнонимам, но фраза, что от Скифа, сына Геракла, произошли все сущие цари скифов, заставляет думать, что и этот вариант изначально повествовал о возникновении социального членения²⁰. Одним словом, вывод об отражении в скифских легендах этнического смешения – и, соответственно, вытекающие из него рассуждения об особенностях этногенеза скифов – трудно считать обоснованными, хотя сама гетерогенность скифского этноса весьма вероятна (ср. ниже). В то же время авторы работ по скифскому языку обычно отделяются лишь самыми общими – да и то не слишком убедительными – замечаниями относительно предполагаемого происхождения скифов²¹. Я в своей работе постараюсь проанализировать прежде всего (хотя и не только) лингвистический материал под историческим и этнокультурным углом зрения. Неизбежный при таком подходе некоторый «перекос» в сторону лингвистических данных, учитывая почти полное отсутствие последних в подавляющем большинстве работ о скифском этногенезе, сам по себе вряд ли способен поставить под сомнение надежность выводов (которые, разумеется, могут и должны быть оспорены в случае некорректного обращения автора с материалом). В конце концов, еще Г.Ф. Миллер

то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны...» ... Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них – Агафирс, следующему – Гелон и Скиф – самому младшему... И вот двое ее детей – Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них – Скиф, – выполнив все, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов» (пер. И.А. Шишовой).

²⁰ Прежде, в советское время, противники такой трактовки прибегали к квазимарксистской аргументации, выставляя себя защитниками «единственно верного учения» от ревизионистских посягательств. Так, Е.В. Черненко в рецензии на книгу о скифском обществе писал: «...при реконструкции многих сторон скифской социальной организации А.М. Хазанов намеренно прибегает к методу этнографических аналогов – частному проявлению сравнительно-исторического метода, одного из основных инструментов марксистской исторической науки... Таким образом, автор исходит из марксистского тезиса: близость социально-политического бытия определяется близостью социально-экономических и исторических условий жизни... а не внешнеисторическим “национальным духом”» (Черненко 1978: 148). Современные их последователи соответствующей терминологии по понятным причинам избегают, но логика рассуждений от этого не меняется. Анализ данных Геродота, подкрепленных индоиранским материалом, во внимание не принимается, а скифской социальной организации приписываются те же черты, что и более поздним кочевым обществам. Это, однако, тот самый случай, когда *comparaison n'est pas raison* (сравнение – не довод).

²¹ Например: “The Scythians are a group of peoples speaking an Iranian dialect which, originating from Inner Eurasia, made their appearance in the Ancient World in the 7th century B.C.” (Скифы суть группа народов, говоривших на одном из иранских диалектов, которые, происходя из Внутренней Евразии, явились Древнему Миру в VII веке до н. э.) (Humbach and Faiss 2012: 1). Непонятно, почему разные народы должны были говорить на одном диалекте, и что подразумевается под «Внутренней Евразией».

писал: «Различие, изображающее точное свойство народов, не состоит во нравах и обычаях, в пище и промысле, ниже в образе богослужения; ибо все сие может разным народам быть общим, а в одном и том же самом народе отменным; единственный же и необманчивый знак есть язык, который буде где сходен, там нет разности в народах, а где оный отменен, там никакого союза между ними полагать не можно. Язык показывает нам происхождение народов» (Миллер 2006 [1773]: 57)²². Необходимо, впрочем, иметь в виду, что при обращении к бесписьменному языку, от которого до нас дошли лишь отрывочные сведения, поневоле приходится прибегать к догадкам, умозрительным рассуждениям и слабо подкрепленным материалом гипотезам, от чего в значительной мере (хотя и не полностью) избавлены специалисты по лучше документированным древним языкам. Мне думается, однако, что лучше высказать не вполне обоснованное суждение (стараясь, конечно, чтобы аргументы в его поддержку не противоречили твердо установленным фактам; ср. примеч. 7), которое, даже если оно окажется неверным, может подтолкнуть коллег к поиску иного решения, чем обойти проблему молчанием из боязни совершить ошибку.

Я считаю своим долгом поблагодарить коллег, прочитавших работу в рукописи и сделавших ряд ценных замечаний: мою маму †Марию Николаевну Погребову, научного редактора Илью Сергеевича Якубовича и Андрея Юрьевича Алексева.

²² Ср. также выше, примеч. 1. Разумеется, лингвистический признак, как и любой другой, не стоит абсолютизировать: всем известны примеры различных народов, говорящих на одном языке, или одного народа, включающего носителей разных языков.

Глава I. ПРЕДЫСТОРИЯ СКИФОВ

Прародины индоиранцев и иранцев

Непосредственное отношение к истории скифского этноса имеет расселение носителей индоиранского и общеиранского праязыков. Ведь один из ключевых вопросов происхождения скифов – откуда скифский этнос пришел в места распространения архаической скифской культуры, а именно на Северный Кавказ. Значительная часть скифологов полагает, что скифы пришли с территории, где, в частности, был возведен курган Аржан I (современная Тува) и из сопредельных районов (что, впрочем, как отметил в письме автору А.Ю. Алексеев, не обязательно означает, что оттуда происходили и сами скифы). Аржан I они по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным датируют концом IX – первой половиной VIII вв. до н. э., что, по мнению их оппонентов, противоречит анализу археологического материала, согласно которому погребальный инвентарь кургана относится к VII в. до н. э. (Членова 1997). В связи с этим важно представлять, где обитали предки скифов и, соответственно, насколько вероятно появление скифов в Центральной Азии в начале I тыс. до н. э. Недаром немногочисленные исследования этногенеза скифов непременно включают и рассмотрение проблемы индоиранской прародины (и наоборот – при попытках локализовать прародину иранцев учитываются скифские материалы) (Абаев 1972; Артамонов 1974: 9–12; Мурзин 1990: 9–12).

Как уже говорилось, материалы более поздних письменных источников и лингвистические данные, прежде всего о контактах ариев, индоиранцев²³, иранцев и восточных иранцев с носителями иных, как родственных (греческий, латинский), так и неродственных (финно-угорские, северокавказские) языков, но не только, позволяют приблизительно очертить ареалы обитания предков скифов. Судя по

²³ В традиционном научном узусе употреблялись как синонимы слова «индоиранцы, индоиранский» и «арии, арийский». Есть, однако, основания полагать, что арийская языковая общность распалась сначала на нуристанскую и индоиранскую ветви (последняя, в свою очередь, разделилась затем на

существованию армяно-греко-арийского единства, будь то генетического или ареального, но так или иначе неоспоримого (см. подробно Martirosyan 2013), праарии обитали на смежной с праармянами и прагреками территории, т. е., видимо, в пределах если не Восточной Европы, то во всяком случае Циркумпонтийской зоны. Что до индоиранцев, экстралингвистические аргументы свидетельствуют в пользу их расселения в евразийской степной зоне. При ознакомлении с данными древнеиндийских источников, посвященных описанию ритуалов, бросается в глаза, что посуда, изготовленная на гончарном круге, не считалась у древних индийцев ритуально чистой (подборку соответствующих текстов с их анализом см. в работе Rau 1972). Так, в Майтграяни-самхите говорится: «он (сосуд, *sthālī*) сделан арием (*āryakṛtī*) с идущими вверх [горизонтальными] налепами (*ūrdhvākapālā*) ради единения с божественностью (*sadevatvā*); он воистину един с богами (*sādevā*). Но тот сосуд (*pātra*), что сделан гончаром (*kūlālakṛta*), кружальный (*cakravṛtta*) – асурический (*asuryā*)» (*āryakṛtī bhavaty ūrdhvākapālā sadevatvāya sã hí sādevāsuryām vā etat pātram yat kūlālakṛtam cakravṛttam* – MS 1, 8, 3). О том же говорит Катхака-самхита: «кружальный (*cakravṛtta*) один, некружальный (*acakravṛtta*) другой; тот, что кружальный – асурический, тот, что некружальный – божественный сосуд (*devapātra*)²⁴. Поэтому для агнихотры [жертвенного возлияния Агни] следует изготовить некружальный горшок (*tapanī*)» (*cakravṛttam anyad acakravṛttam anyad yac cakravṛttam tad asuryām yad acakravṛttam tad devapātram tasmād acakravṛttām agnihotratapanīm kurvīta* – KS 6, 3). Именно для степных скотоводческо-земледельческих культур характерна лепная, а не кружальная керамика – последнюю использовали носители оседлых протогородских земледельческих культур Ближнего Востока, юга Средней Азии и Индостана, у которых ее и заимствовали индоарии и иранцы по мере своего продвижения в эти регионы. Но, как видно из приведенных отрывков, она все равно оставалась для них чуждой, несвойственной предкам и оттого ритуально нечистой (толкование этих данных применительно к истории индоиранцев см. в книге Грантовский 1998: 60–62; см. также Kuzmina 2007).

Индоиранцы тесно контактировали с финно-уграми. Среди заиндоарийскую, дардскую и иранскую), и потому представляется целесообразным обозначать словом «арии» более широкую общность, включавшую и предков носителей нуристанских языков, а более узкое определение «индоиранцы» сохранить для предков индоариев, носителей дардских языков и иранцев (см. Эдельман 1992; 1999; 2009: 88, схема 2; Коган 2005: 202).

²⁴ Или «божественная субстанция», если принять чтение *devamātra*.

измствованных в финно-угорский слов²⁵ имеется значительное число таких, которые по своему фонетическому облику скорее всего являются именно индоиранскими. Это, в частности, ФУ **śarsa/śasra* ‘тысяча’ (удм. *śurs, śurās*; коми *śurs*; хант. *t’ōrəs, t’ārəs, śārəs* ‘тысяча’) < ИИР **z^h/j^hasra-* ‘id’ (др.-инд. *sa-hāsra*, авест. *ha-zanra*, где *sa-* и *ha-* означают ‘один’, т.е. ‘одна тысяча’; осет. *aerzæ* ‘несметное число’; пашто *zər* ‘тысяча’ и пр.); ФУ **asδrз* ‘господин; князь’ (морд. эрзя *azoro, azor*, мокша *azor* ‘господин’, удм. *uzjr, uzār* ‘богатый’, *uzjr* ‘богатый’, ‘богатство’, коми *ozjr, ozjr* ‘богатый’, манси *ātər, ōtər, ɔtər* ‘князь’) < ИИР **asura-* ‘господин’ (др.-инд. *āsura-* ‘бог’, ‘господин’, авест. *ahura-* ‘господин’), ФУ **mekše* ‘пчела’ (фин. *mehi-läinen, mehi-äinen* ‘медоносная пчела’, морд. эрзя *mekš, mäkš*, мокша *meš*, мар. *mükš*, венг. *méh* ‘пчела’ и пр.) < раннеарийского **mekš-* (др.-инд. *mākṣ-*, авест. *maxšī-* ‘муха’ и пр.) и др.

Все приведенные слова не демонстрируют характерных иранских фонетических переходов (**s* > *h*²⁶, **kš* > *xš*) и потому не могут

²⁵ Примечательно, что в прауральском индоиранских заимствований нет, следовательно, контакты начались в финно-угорскую эпоху. От заимствований следует отличать исконную ностратическую лексику, общую для уральских и индоевропейских языков, напр., уральское **kälz* ‘свойственница’ – индоевропейское **ǵōu* ‘золотка’; уральское **nime* – индоевропейское **h₁neh₂mi* ‘имя’. Правда, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов считают эти уральские слова заимствованиями соответственно из какого-то «древнеевропейского» индоевропейского языка (Гамкрелидзе и Иванов 1984: 940–942) и из раннетохарского (Там же, 937–938), что представляется маловероятным, поскольку в прауральскую эпоху индоевропейцы и уральцы явно не контактировали.

²⁶ Некоторые лингвисты утверждают, что переход **s* > *h* произошел в иранском достаточно поздно, уже после того, как иранцы в начале I тыс. до н. э. появились на территории современного Ирана. В доказательство сторонники этой точки зрения приводят прежде всего древнеперсидское название Элама – (*Huṣa*), которое считают передачей названия его столицы, Суз – эл. *Šu-ša-an*, полагая, что заимствованная инициаль впоследствии перешла в персидском в ларингальный *h* (Szemerényi 1966: 192 f.; Idem 1968; Mayrhofer 1989: 7), а также имя божества (или божества, учитывая, что соответствующий детерминатив стоит перед обоими именами) ^D*as-sa-ra* ^D*ma-za-ās* в новоассирийском ритуальном тексте III R 66, которое считают передачей имени Ахурамазды до перехода **s* > *h*. Однако переход **s* > *h* в иранских языках предшествовал переходу **ś* > *s*, отразившемуся в иранских именах, засвидетельствованных в 829 (*Artasari*) и между 821 и 819 (*Artasirari*) гг. до н. э. Следовательно, в середине IX в. до н. э., когда давались эти имена, перехода **s* > *h* уже не происходило. Учитывая, что закономерность **s* > *h* явно не была одномоментной, а действовала в течение определенного времени, после чего некоторое время продолжала существовать фонема **ś* (давшая впоследствии югозападноиранскую фонему *θ* и северозападноиранскую *s*), иранцы, чтобы название Суз в их языке приобрело начальное *h-*, должны были бы заимствовать его самое позднее на рубеже XI–X вв. до н. э. (а реально, видимо, еще раньше), что представляется маловероятным. Куда более правдоподобно мнение, что древнеперсидское название Элама не имеет отношения к Сузам, чье название передавалось в древнеперсидском как *Čūšā-*. Вряд ли один и тот же топоним был заимствован дважды в разные исторические периоды, как предполагал Семереньи. Вероятнее всего древнеперсидское (*Huṣa*) восходит к этнониму, передававшемуся по-гречески как *Ὀῤῥυα*, поскольку земля уксиев была первой областью, находившейся под влиянием Элама, которую персы встретили на пути в Персиду (Henkelman 2011: 10–11 and n. 26; на эту работу обратил мое внимание И.С. Якубович). Да и передачи **Asura-* через *as-sa-ra* и *Mazdā-* через *ma-za-ās* нехарактерны для аккадского (см. Грантовский 1970: 97–98 = 2007: 110). Подробно проблема иранского перехода **s* > *h* рассматривается в работе немецкой исследовательницы Альмут Гинце (Hintze 1998). Ср. также [Напольских 2010: 234 и примеч. 1].

быть иранскими²⁷. Теоретически они могли бы оказаться заимствованиями из праиндоарийского или из какой-либо не оставившей потомков подгруппы индоиранских языков, где, как в индоарийском, сохранились и индоиранское *s в подавляющем большинстве позиций, и индоиранское *kš. На такую возможность указывал Е.А. Хелимский, отметивший предположительно характеризующую эту ветвь палатальную артикуляцию гласного *a (на том основании, что в обско-угорских языках многие индоиранские заимствования «сохраняют *ā/*ā̄ на месте и.-ир. *a») (Хелимский 2000 [1998]: 510; см. также Живлов 2013). Но его объяснение применимо к более поздним заимствованиям – скажем, в праугорский или прафинно-пермский. Приведенные же выше лексемы, учитывая их прафинноугорскую древность, скорее следует считать заимствованиями из праиндоиранского. Никаких лингвистических аргументов в пользу того, что финно-угры контактировали исключительно с иранцами, – если, конечно, не считать таковыми употребление терминов «древнеарийский» и «иранский» в качестве синонимов²⁸ и введение в научный

²⁷ Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов считают их «раннеиранскими», заимствованными в финно-угорский до того, как в иранском произошли соответствующие переходы («до перехода иран. *s→h» – Гамкрелидзе и Иванов 1984: 926; «до изменения комплекса *kš > xš» – Там же: 923). Но при подобном подходе, когда отсутствие характерных общеиранских черт без какой бы то ни было аргументации объявляется нерелевантным для отнесения той или иной лексемы к иранским, единственный аргумент в пользу иранской принадлежности приведенных выше (и ряда других) слов – умозрительные представления авторов о том, что индоиранцы не могли находиться в контакте с финно-уграми, которые якобы имели дело исключительно с иранцами. Эти представления, в свою очередь, основаны на гипотезе о прародине индоиранцев в Передней Азии, где и произошел распад индоиранского единства (Там же: 920). Последнее утверждение понадобилось Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванову для того, чтобы дополнительно аргументировать предложенную ими ближневосточную локализацию индоевропейской прародины. Но такая, весьма правдоподобная, судя по контактам праиндоевропейского с прасеверокавказским, пракартвельским и прасемитским (Starostin 2007 a; Idem 2007 b), локализация индоевропейской прародины отнюдь не означает, что в том же регионе должны были находиться и прародины всех ветвей индоевропейской семьи на момент их распада, и потому не нуждается в такого рода аргументации. В самом деле, вряд ли кому-либо придет в голову утверждать, скажем, будто уральская и алтайская прародины располагались в Передней Азии, поскольку там находилась ностратическая прародина (уральские и алтайские языки, напомним, относятся к ностратическим). Отсутствие лингвистических критериев отнесения соответствующих лексем к иранским подтверждает и то, уже отмеченное в литературе, обстоятельство, что в других разделах своего труда те же авторы, анализируя этнонимы синды и дасы, относят их к общеиндоиранскому (или индоарийскому, но во всяком случае не иранскому) словарному фонду, обосновывая подобный вывод следующим образом: «Большая архаичность этих форм по сравнению с соответствующими иранскими проявляется в сохранении в них... сибиланта s-, переходящего в иранском в h- (в оригинале опечатка – š – С.К.)» (Там же: 916–917 и примеч. 1). Как едко, но справедливо заметил Э.А. Грантовский, «в этом случае – где предполагается присутствие неиранцев – в сохранении s “проявляется” общеиндоиранский или индоарийский характер таких слов, но он почему-то не проявляется на границах с финно-угорским миром (где иные арии, кроме иранцев, авторам как раз не требуются)» (Грантовский 1998: 78).

²⁸ «Маргиана (Гонур), для которой предположен также древнеарийский (иранский) пласт населения» (Иванов 2004: 50).

оборот понятия «скифы-аланы» (?!)²⁹, – не содержится и в сравнительно недавней статье Вяч.Вс. Иванова (Иванов 2004).

Собственно, признания того, что индоиранская прародина находилась неподалеку от финно-угорской, достаточно, чтобы локализовать первую в не слишком большом отдалении от тайги, где явно обитали прафинно-угры. Ведь общефинно-угорская лексика включает обозначения (часто восходящие к прауральскому) таких реалий, как пихта (ПУ **ńulks*: мар. в. *nũɣo*, ур. и б. *nulyo*; удм. сар. *ńil-pu*, каз. *ńal-pê*, глаз. *ńal-pu*; коми сьс. *ńil*, перм. *ńiv*, язьвинский *ńol*, хант. вах. *ńalkj* и пр.), лиственница (ФУ **nãŋV*₃: коми уд. *ńia*, хант. вах. *nãŋk* и пр.), кедровая сосна (ПУ **so/a/eks*₃: коми *sus-pu*, манс. ср.-конд. *têt* и пр.), кедровый орех (ФУ **nakr*₃: фин. *nauris*, диал. *nakris*, эст. *nairis*, диал. *nagr*, *nakr* и др. ‘репа’, лив. *na'ggâr* ‘картофель’, манс. тавд. *nêr*, пел. *nêr*, хант. вах. *naɣâr*, верхнедем. *naɣâr* ‘кедровый орех’³⁰)³¹, глухарь (ФУ **me[n]čs*: фин. *metso*, эст. *metsis*, манс. сос. *mansin* ‘глухарь’, ниже-конд. *mãñšæt* ‘старая глухарка/старый глухарь’, и пр.), соболь, куница (**ńukše*: эст. *nugis* ‘куница’, коми *ńiž*, манс. тавд., пел. *ńoks*, хант. вах. *ńõɣs* ‘соболь’, венг. *nyuszt* ‘куница’ – UEW 326) и т.п.

С другой (в том числе и географически) стороны, индоиранцы явно вступали в соприкосновение (хотя и менее тесное, чем с финно-уграми) и с носителями северокавказских, точнее, восточнокавказских (Старостин 1988: 113–114)³² и картвельских (Климов 1994) языков³³. Так, древнеиндийское *kéśa-* «волосы» и авестийское *gaēsa-*

²⁹ «Можно предположить, что иранцы могли уже в этот ранний период разделиться на две группы, из которых одна двинулась в волго-донские степи, а затем и дальше на запад, где их потомки выступают как скифы-аланы...» (Иванов 2004: 56). Понятно, что Вяч.Вс. Иванов не сам изобрел данный этноним, а позаимствовал его из «Географии» Клавдия Птолемея (III, 5, 7), но все же вряд ли стоило воспринимать всерьез явно искусственный конструкт позднеантичного ученого.

³⁰ В ареале прибалтийско-финских языков, где кедровая сосна не растет, произошел перенос названия на появившиеся позже клубневые растения. Первичное значение сохранилось в обско-угорских языках.

³¹ Подробный разбор финно-угорских названий растений в связи с проблемой прародины см. в работе Норманская 2008.

³² Как отмечал С.А. Старостин, попытки обнаружить индоиранизмы в западнокавказских языках, предпринимавшиеся, в частности, Н.С. Трубецким [Troubetzkoï 1921] и Ж. Дюмезилем [Dumézil 1963], вряд ли можно считать успешными, и «пока надежные индоиранские этимологии каких бы то ни было западнокавказских корней отсутствуют» (Старостин 1988: 114).

³³ Контакты с северокавказцами и картвелами существовали и раньше, на праиндоевропейском и греко-армяно-арийском уровнях (на последнем, например, было заимствовано северокавказское слово для обозначения хищной птицы: вед. *ɣjryá-*, авест. *ərəzifya-*, греч. αἰγυλιός из северокавказского этимона, похожего на прапахское **šārčiw*) (Дьяконов и Старостин 1988: 184; подробный анализ северокавказских форм см. в NCED: 370–371; см. также Грантовский 1970: 291–295 = 2007: 333–339).

«курчавые волосы» явно восходят к одной праформе, а нерегулярное соответствие авестийского *g-* древнеиндийскому *k-* объясняется, по Лубоцкому, заимствованием из субстратного языка³⁴. Источником заимствования могло быть пранахское **qēs* «грива» (чеч., инг. *qes*, в кириллическом написании *кхес*) (к правосточнокавказскому **GwēžV* – см. NCED: 468³⁵). Тот же этимон, но с показателем косвенных падежей (ср. чеч. косв. основу *qēsar-*), видимо, заимствован латинским: *caesariēs* «пышные кудри». Заманчиво было бы возводить к той же косвенной основе древнеиндийское *kēsara-* «волосы; грива»³⁶, но ввиду наличия суффикса **-ra* в индоиранском я на этом не настаиваю. Так или иначе, нерегулярный перебой *ś/s* в древнеиндийском – еще один аргумент в пользу одновременного заимствования. Во всех случаях, т.е. в иранском, индоарийском и латинском пранахский долгий **ē* был воспринят как дифтонг (древнеиндийский *e*, не являющийся результатом подъема *i* в среднюю ступень, может восходить только к дифтонгу – в индоарийском, как известно, праязыковые дифтонги подверглись стяжению). Что касается латинского слова, то оно считается производным от основы **caesar*, возможно, давшей также имя Цезарь, *Caesar*, где интервокальный *s* сохранился (а не перешел в *r*) из-за наличия *r* в конечном закрытом слоге (хотя есть и возражения против такого объяснения – см. Pinault 1998: 16–17, с литературой)³⁷. Сюда же может относиться и когномен Цезон (*Kaesō*), также не подвергшийся соответствующему фонетическому преобразованию (ввиду древности и престижности, как и в случае с начальным *K-*?). Индоевропейскую этимологию латинского *caesar* предложил Ж.-Ж. Пино (Pinault 1998), реконструировавший праиндоевропейское

³⁴ Нужно отметить, что речь вряд ли может идти о одновременном заимствовании в индоиранский праязык – в таком случае рефлексy в дочерних языках были бы регулярными. Скорее слово было заимствовано уже разошедшимися праиндоарийским и праиранским по отдельности (на это обстоятельство обратила мое внимание А.В. Дыбо).

³⁵ Авторы северокавказского этимологического словаря приводили в качестве параллели восточнокавказским формам осетинское *qīs/gesæ* (< иранского **gaisa-*) и отмечали, что если бы не огубленность, отраженная в праиндийском **ewisV*, было бы заманчиво рассматривать кавказские формы как старое заимствование из иранского (NCED: 468). Рассматриваемые здесь языковые факты свидетельствуют, что не только восточнокавказская лабиализация, но и собственно индоиранский материал указывает на обратное направление заимствования

³⁶ Нерегулярный *-s-* вместо *-š-* традиционно объясняют через предполагаемую промежуточную форму **kesra-* (Wackernagel 1896 I: 232; Pokorny 1959: 520), но см. возражения Пино (Pinault 1998: 17–18).

³⁷ Имя Цезаря обычно считают этрусским по происхождению (Ermout et Meillet 2001: 84), что небезынтересно в свете гипотезы о северокавказской принадлежности этрусского (Иванов 1988; Orël and Starostin 1990 [переиздано в Старостин 2007]).

**kaikro*³⁸-*kseh*₂-*es*³⁹- «с причесанными волосами» с последующим развитием > **kaikerksās*- > **kairksās*- > **kairsās*- > *caesār*-, однако предполагаемые фонетические переходы, прежде всего упрощение **kaikerksās*- > **kairksās*-, чересчур многоступенчаты и потому не вполне убедительны, да и семантика оставляет желать лучшего (см. об этом De Vaan 2008: 81–82). Основное же возражение состоит в том, что этимология Пино никак не объясняет авестийских форм, которые невозможно отделить от древнеиндийских и латинских. Древнеиндийское *késara*- и латинское *caesariēs* возводил к северокавказскому С.А. Старостин (1988: 118; переиздано в Старостин 2007: 319–320), но он привлекал к сравнению другой северокавказский корень, восстанавливаемый в виде **k(w)išwi/ə/a* (NCED: 709) и дающий в разных языках рефлексy со значением «веревка из конского волоса», «шерсть», «петушинный гребень», «коса», «грива» и пр., что фонетически и семантически менее правдоподобно, чем предложенная выше этимология, и думал о заимствовании на праиндоевропейском уровне, едва ли возможном ввиду упомянутых нерегулярных соответствий.

К числу выделяемых в индоиранском по нерегулярным соответствиям (др.-инд. *ar* ~ авест. *ərə*, т. е. *r*; и др.-инд. *vá* ~ авест. *βa* вместо регулярного *uua*) субстратных заимствований относятся и древнеиндийское *gandharvá*-, авестийское *gandərəβa*-. Как пишет Майргофер (EWAia I: 462), приводя индоарийские и иранские формы, “Weiteres bleibt unklar”. Гипотеза о заимствовании объяснила бы и нерегулярность соответствия анлаутного согласного в индийских и иранских формах, с одной стороны, и греческом Κένταυροι «горное племя в Фессалии (Гомер), впоследствии мифические существа, полулюди-полукони», с другой. Вторую часть греческого слова уже очень давно сопоставляли с ταῦρος «бык» (см., например, Alexandre 1872: 776), но в научной литературе это сравнение признания не получило и в современных этимологических словарях даже не упоминается. Вернулись к нему лишь в самое последнее время (Клейн 2010: 441; Николаев 2012: 48, примеч. 19). Л.С. Клейн высказал предположение, что вторая часть слова подверглась народной этимологизации, возможно, под влиянием образа Минотавра (Клейн 2010: 441) – объяснение остроумное и правдоподобное. Гандхарву Л.С. Клейн считает божеством инициации, что

³⁸ К индоевропейскому **kaik* «чесать; причесывать», контаминированному с гипотетическим **kais* «волосы» (Pokorny 1959: 520).

³⁹ К индоевропейскому **ks-es*-, нулевой ступени корня **kes*- «чесать; причесывать», с расширением *-es*- (Pokorny 1959: 585–586).

весьма вероятно, учитывая, что древнеиндийские гандхарвы были мифологическим воплощением социовозрастных мужских союзов: подобно молодежи индийских племен нового и новейшего времени, обитавшей в «мужских домах», гандхарвы занимались пением, музыкой и танцами (Васильков 2010: 165), а также совершали набеги на соседей (как в известном мифе о Пуруравасе и Урваши), в том числе и для похищения невест, именовавшегося *gandharvavivāha-*, «браком по обряду гандхарвов», и считались, подобно иницируемым юношам, «духами, пребывающими в промежутке между двумя рождениями» (Васильков 2010: 194, ср. также 117)⁴⁰. Если гандхарва – член половозрастного класса юношей, слово для его обозначения могло быть заимствовано из нахского **kan(a)t* (чеч., инг. *kant*, бацб. *ḱnat* – NCED: 714) «мальчик; юноша; молодец, удалец» (откуда осет. *kaentæ* и кабардинское *Synt* – эпические персонажи, враги нартов) + **vāri* «шайка, банда» (чеч. *vēre*, инг. *vār*, бацб. *vajrī* – NCED: 475) в значении «ватага юношей» (с озвончением **t* и развитием придыхания в индоарийском под влиянием звонкого увулярного фрикативного **v*). Такие сложные слова типа татпуруша обычны в нахских языках, ср. чеч. *cerḡkow* «щербина» (где *cerḡ* «зуб», *kow* «ворота»), *husamdā* «домохозяин; pater familias» (*husam* «дом», *dā* «отец; хозяин»), бацб. *juḡmatt* «полдень» (*juḡa* «середина», *mott* «место») и т.п. (Дешериев 2006: 387).

Фонетический облик индо-иранского **uarāz^h/j^ha* ‘вепрь’ (др.-инд. *varāhā-*, авест. *varāza-* ‘id.’, etc.), трехсложного имени с долгим гласным во втором слоге, также нехарактерен для индоевропейского (Lubotsky 2001: 303). Слово может быть заимствованием из ПВК **wHār^zwə* ‘кабан, свинья’ (бацбийское *buruḱ*, цезское *beḷo*, лакское *burḱ* ‘id.’, и т.п. (NCED: 1047). Подробнее о предположительных северокавказских заимствованиях в индоиранском см. Кулланда 2012b; Kullanda 2014a.

Из индоиранского – ПВК **u^haran/l-* ‘верблюд’ (ав., лак. *warani*, дарг. *walri*, лезг. *lawar* – ср. др.-инд. *varana* ‘верблюд’, *vāraṇā* ‘дикий, неистовый’), ПВК **wēřšē* ‘бычок; самец’ (авар. *basi* ‘теленоч’, чеч., бацб. *borš* ‘бычок’, чеч. *bōrša* ‘самец’, арч. *boš-or* ‘муж; мужчина’ – ср. др.-инд. *vṛṣan-*, авест. *varəšna-* ‘самец’), ПВК **māldwV* ‘вид напитка’ (лезг. *med*, таб. *med*, дуб. *malj* ‘патока’, год. *medi*, багв. *mer* ‘пиво, буза’ – ср. др.-инд. *mādhu-* ‘сладкий напиток, мед’, авест. *mađu-* ‘ягод-

⁴⁰ Превращение этого божества в кентавра Л.С. Клейн объясняет тем, что «конь у всех индоевропейских народов связан с божествами воды и загробным миром», миром предков, а иницируемые воспринимались как умирающие и возрождающиеся к новой жизни, благодаря чему бог инициации и обрел облик кентавра, получеловека-полукозня, но подчеркивает, что вопрос требует дальнейшего исследования (Клейн 2010: 459).

ное вино’, согд. *mḍw* ‘вино’ и пр.⁴¹) (Старостин 1988: 113–114). Из индоиранского заимствованы грузино-занское **rdo-* ‘время, срок’ (груз. *dro*, мегр. *rdo-*; ср. др.-инд. *ṛtú-* ‘определенное время, срок’, авест. *ratu-* ‘временной промежуток’), грузинско-занское **bandy-* ‘связывать, сплести’ (груз. *bandy-* ‘связывать [сеть, ткань, паутину]; мегр. *bondy-* ‘id’; ср. др.-инд. *bandh-*, авест. *band-* ‘связывать, соединять’) и пр. (Климов 1994: 176–177; 94–95).

К сожалению, это мало что дает для локализации индоиранской прародины, поскольку нельзя с уверенностью судить о том, где именно в интересующую нас эпоху, в III–II тыс. до н. э., обитали носители восточнокавказских и картвельских языков. По крайней мере северокавказские языки были распространены куда шире, чем в настоящее время – в частности, к ним относились (или по крайней мере были им родственны) переднеазиатские урартский и хурритский (Дьяконов, Старостин 1988; Diakonoff and Starostin 1986; Старостин 1995; Касьян 2011; Kassian 2010/2011).

Время распада индоиранского единства можно определить как методом глоттохронологии, так и посредством сравнения лингвистических данных об индоиранских реалиях с археологическим материалом.

Так, в общеиранский период явно существовала верховая езда, поскольку именно в иранском индоевропейский корень **b^her-* ‘нести’ (др.-инд. *bhar-* ‘нести’, греч. φέρω, лат. *ferō*, арм. *berem* ‘несу’, алб. *bie* (< **bherō*) ‘несу; приношу’, гот. *baíra* ‘несу; рожаю’, ст.-слав. *berq* ‘беру’, др.-ирл. *berid* ‘несет’ и пр.) (Pokorny 1959: 130–132; Cheung 2007: 7–10) приобрел специфическое значение ‘ездить верхом’ (ср. др.-перс. *asa-bāra* ‘всадник’, где *asa* ‘конь’, пашто *spor* ‘всадник, верховой’, осет. *baræg* ‘всадник’ и пр.) (ЭСИЯ 2: 101–102; о важности этого культурно-исторического феномена для изучения древнейшей истории иранцев см. Грантовский 1998: 80–81). Следовательно, атрибутировать как общеиранскую можно лишь ту археологическую культуру, где можно предполагать развитие всадничества. Распад общеиранского по глоттохронологическим данным относится ко второй половине XI в. до н. э., следовательно, носителей общеиранской культуры следует искать среди существовавших в конце II тыс. до н. э. культур, для которых есть данные об использовании лошади под верх. В связи с этим представляет интерес гипотеза К.Ф. Смирнова о том, что стержневидные трехдырчатые костяные псалии, появившиеся в ареале срубной культу-

⁴¹ Хотя индоевропейский корень, к которому восходят приведенные индийские и иранские слова, сам заимствован из северокавказского – см. об этом Старостин 1988: 134–135.

туры в XII в. до н. э., использовались при взнуздывании верховых лошадей (Смирнов 1961). Новые данные в поддержку этой гипотезы привела в последнее время Е.Е. Кузьмина (Kuz'mina 2007: 131, 138, 317–318, 358). Продолжались и контакты иранцев с северокавказцами. Интересна в этом отношении этимология слова «акинак», Περσικὸν ξίφος, 'персидский меч', по Геродоту (VII 54), как Отец истории называет также скифские мечи (IV 62; 70)⁴². Оно не может быть исконно иранским, поскольку в иранском **ki* дало бы *ci*. Вероятнее всего, иранское слово происходит из праианского **hāhki* ('железо') -*in*- (суффикс прилагательных) -*nekV* ('нож') 'железный нож' (подробнее см. ниже, в Глоссарии s.v. ἄκινάκης)⁴³. Таким образом, можно с высокой долей вероятности предполагать, что прародина иранцев находилась в поволжско-уральских степях. Вместе с тем уже после распада праиранского, т.е. не ранее рубежа II–I тыс. до н. э., восточноиранские языки контактировали с северокавказскими, о чем свидетельствуют северокавказские заимствования в восточноиранских, отсутствующие в западноиранских. В качестве примера можно привести такие культурные термины как 'седло' и 'вино': пашто *sary*, согдийское *s'yr* 'седло', хорезмийское *saym* 'верблюжье седло', ваханское *sirekh*, сарыкольское *siregh* 'стеганое шерстяное одеяло; матрац'⁴⁴ < прасеверокавказского **cirqā* 'ковер; покрывало' – лакское *ciqa*, лезгинское *cirχ* и пр. – NCED: 366; скифское **sana* в глоссе Гезихия σάναλτιν' τὴν οἰνώτην. Σκύθαι (в рукописи)/σάναλτην' τὴν οἰνοπότιν. Σκύθαι (в издании Латте – Хансена)/σάναλτιν' τὸν οἰνοπότιν. Σκύθαι (в издании Шмидта) («σάναλτις/σάναλη [называют] пьяницу скифы») (вторая часть слова, видимо, восходит к корню со значением 'пить'), осет. *sæn/sænæ* 'вино' < празападнокавказского **s*^(w)*ana* 'виноград, вино' < прасеверокавказ-

⁴² Именно в связи с последним обстоятельством в литературе отмечалось, что возражения против применения названия «акинак» к скифскому мечу (Черненко 1979: 90; Он же 1980: 30) неосновательны (Алексеев 1991; Погребова, Раевский 1992: 231, примеч. 20). Можно еще добавить, что слово «акинак» существовало в восточноиранском согдийском (согд. *kyŋk*), и по этой причине его также нельзя считать исключительно персидским.

⁴³ Относительно семантики ср. Граков 1971: 96: «...к концу VIII в. до н. э. какие-то экономические и социальные сдвиги сделали мужчину и степных и лесостепных территорий гиппотоксотом [конным лучником. – С.К.]. Лук и стрелы, пара копий, иногда прямой, короткий колошый меч из железа, последний, впрочем, очень редко, одна или две-три наборные узды – вот его полное снаряжение, перешедшее к меотам, скифам и другим их однокультурным соседям...»; «Как и кинжалы, все скифские мечи только железные» (Горелик 2003: 30); «Вхождение в широкий обиход железа (железного оружия, в частности кинжалов-акинаков...) – характернейшая черта культур скифского мира» (Членова 1993: 49).

⁴⁴ Арабское и персидское *sarj*, видимо, заимствованы из какого-то восточноиранского языка (согдийского?) – см. ИЭСОЯ III: 34–35.

ского **swñē* ‘барбарис; смородина’) (ср. также ниже, s.v. **σανάπη*, и Кулланда 2012а; Kullanda 2014а). Судя как по форме, так и по семантике, восточные иранцы заимствовали слово **sana* у западнокавказцев. У адыгов слово ‘вино’ было важным культовым термином: день «винопития» (адыг. *sānas*^вэ, кабард. *sānafə*) считался священным, в этот день нельзя было убивать врага (Кумахов, Кумахова 1998: 133–136). Интересно, что именно на Западном Кавказе, в Северной Абхазии, на территории распро-

Фигурка с Бамборской поляны.

Рис. Т. П. Удымы

странения колхидской археологической культуры, в составе комплекса раннего железного века была обнаружена известная статуэтка, изображающая нагого мужчину, пьющего из рога (Лукин 1941: 62, 64 и табл. XVIII, 2) (хотя похожие изображения обнаружены и в ареале тесно связанной с колхидской восточнокавказской кобанской культуры, в частности, в составе Казбегского клада, где они представляют собой детали т. н. «штанدارтов» – см. Цитланадзе 1976: 39 и табл. IX, 2). Можно ли считать это аргументом в пользу западнокавказской языковой принадлежности носителей колхидской культуры? Так или иначе, восточные иранцы уже после их выделения из общеиранского массива по-прежнему находились в зоне контакта с северокавказцами, то есть не так уж далеко от своей прародины, видимо, не восточнее Каспийского моря и реки Урал, и уж во всяком случае не в Центральной Азии, откуда выводят скифскую культуру многие археологи, опирающиеся прежде всего на ранние дендрохронологические датировки кургана Аржан I в Туве и предполагаемое происхождение определенных элементов скифской материальной культуры (разбор их взглядов см. подробно в работе Погребова 2006). Возникающее противоречие, вопреки встречающимся иногда категоричным высказываниям, далеко от разрешения.

Можно с большой долей вероятности утверждать, что восточные иранцы на раннем этапе своего существования, во всяком случае до создания яштов «Авесты», населяли область Нижнего, а возможно и

Среднего Поволжья. Ведь в «Авесте» упоминается мифическая река Раха (*Raḥā*), в которой распознается упомянутая Клавдием Птолемеем (Geogr. VI, 14, 1, 4, 9) Р̄ā – крупнейшая река, впадающая в Каспийское море с севера (см. Пьянков 1997: 55, 284)⁴⁵. О такой локализации прародины по меньшей мере восточных иранцев свидетельствует, как отметил Р. Гиршман, и то, что священным животным богини иранского пантеона Ардвиг Суры Анахиты, покровительницы вод и плодородия, был бобр, недаром «Авеста» представляет ее облаченной в одежду из бобровых шкур⁴⁶. Бобров нет ни на Аму-, ни на Сыр-Дарье, реках, орошающих территории, на которых мы застаем восточных иранцев в историческое время⁴⁷, зато эти животные водятся в бассейне Волги (Ghirshman 1977: 75; об ареале бобра см. также Mallory & Adams 1997: 57; Крюкова 2013: 57 и примеч. 27).

К сожалению, не удается с уверенностью проследить отдельные контакты юговостоочноиранских (или, скажем осторожнее, языков, разделяющих специфические фонетические черты скифского) с северокавказскими или финно-угорскими. Когда-то В.И. Лыткин (1951: 388, 390) предполагал, что в финно-пермском имеются заимствования из юговостоочноиранских языков, но приводимые им примеры предполагаемого отражения в финно-пермских словах специфического юговостоочноиранского фонетического развития могут объясняться и иначе. Так, озвончение интервокального *-š- в -ž- в иранских заимствованиях в финно-волжских и финно-пермских языках (коми *mež* ‘баран’, марийское *mež* ‘руно, овечья или козья шерсть’ < иранского **maiša-* ‘баран’), действительно характерное для юговостоочноиранских (ср. пашто *maž* ‘баран’), свойственно и самим финно-волжским и финно-пермским,

⁴⁵ Г. Шрамм на основании мордовского названия Волги, *Rav(o)*, счел невозможным отождествлять греческое Р̄ā с иранским **Raha*, предпочитая возводить обе формы к авестийскому *ravan-* ‘река’ (Шрамм 1997: 22 и примеч. 43). Но мордовский *v* может восходить, в частности, к *y/x* (этим разъяснением я обязан М.А. Живлову), а именно так и мог восприниматься в мордовском иранский интервокальный *-h-*.

⁴⁶ *Baḥraini vastrā vaḥata arduui sūra anahita* («Бобровые одежды носит Ардвиг Сура Анахита») (Yt V 129).

⁴⁷ Не случайно составители дошедшего до нас текста «Авесты» сочли необходимым вставить прямо в текст посвященного Анахите яшта пояснение, что представляет собой бобр (*baḥri-*): *baḥriš bauiiiti urāro* – «бобр есть [некое] водяное [животное]» (Yt V 129). Пояснение, возможно, связано и с тем, что у западных иранцев этот корень стал обозначать тигра: как отмечает В.Ю. Крюкова, «Большой Бундахишн 14 относит бобра (?) и выдру к собакам, причем подчеркивается принадлежность первого к водным творениям (*ābīg*, «водный»)». Смысл... уточнения понятий исходя из того, что среднеперсидское слово *babrag* ‘бобр’ (?) омонимично слову *babr* ‘тигр’... Возможно, такая же ситуация наблюдается и в Йаште 5. 129, где описывается одяние Ардвиг Суры Анахиты...» (Крюкова 2013: 56). Однако само возникновение подобной омонимии свидетельствует, что большинству иранцев в историческое время бобр был слабо знаком.

где оно происходит не только в ранних заимствованиях из общеиндоиранского, в котором озвончения не было, но и в исконных словах – «[в] марийском, мордовском и пермских языках интервокальные сибиланты озвончились» (Лыткин, Гуляев 1970: 16). Так, заимствованное из индоиранского **aiša* ‘дышло’ финно-пермское **ajša* ‘id.’ дает следующие рефлексy: мордовское эрзя *ažija*, мокша *ažjä* ‘дышло’, удмуртское (сарапульский диалект) *vajiž*, *vajiž*, (казанский диалект) *vajiž*, *vaiž* ‘оглобля’, коми *vož*, верхнесысольский диалект *ož* ‘оглобля’ (Хелимский 2000: 193). Тот же феномен наблюдается и в исконной лексике: ср. коми *vež* ‘зеленый; незрелый; светлый’, удмуртское *vož*, марийское *užár* ‘зеленый’, мордовское эрзя *ožo* ‘желтый’ (< **wišz-*, ср. финское *vihreä* ‘зеленый’) (Лыткин, Гуляев 1970: 49). Марийское *lüštás* и коми *lištinj* ‘доить’ В.И. Лыткин возводил к иранскому **dauχš-/duxš-* ‘доить’ (ЭСИЯ 2: 405–409; Cheung 2007: 69–70, ср. также 66–67) в юговостоичноиранской форме, с переходом *d > l*. Однако по альтернативной гипотезе марийское и коми слова восходят к исконному финно-пермскому этиму **lüps-tV* и родственны мордовскому эрзя *lovso*, мордовскому мокша *lofca* ‘молоко’, финскому *lypsää* ‘доить’ (в коми закономерно выпадает **p*, в марийском упрощается кластер **pst*) (по устному сообщению Ю.В. Норманской, которой я признателен за консультацию).

Глава II. СКИФСКАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

Критика источников по истории и языку скифов

Что касается письменных памятников, упоминания и описания скифских реалий содержатся прежде всего в ближневосточных и античных традициях. При использовании данных любой из них (ассирийской, эламской, древнеперсидской, греческой и пр.) необходим источниковедческий и лингвистический анализ, позволяющий избежать грубых ошибок и составить по возможности адекватное представление о том, что скрывается за иноязычной передачей скифских лексем. Так, сравнение передачи самоназвания скифов в ассиро-вавилонской (*ašguza*, *asguza*, *iškuzāia*) и греческой (Σκῦθαί, впоследствии Σκόλοτοι) традициях позволило О. Семереньи установить, что в скифском в период появления его носителей в Передней Азии существовала специфическая восточноиранская фонема *ǰ*, впоследствии перешедшая в *l* (подробнее см. ниже), что важно для датировки различных событий скифской истории. Точно так же передача названия Ассирии (аккадское *Aššur*) древнеперсидским *Aθura* свидетельствует, что к моменту знакомства персов с Ассирией в их языке еще сохранялась фонема **š*, впоследствии перешедшая в *θ*, что опять-таки позволяет определить относительную хронологию ряда исторических событий (подробности и альтернативные объяснения см. ниже). Анализ эламских передач иранского кластера *xš-* в анлауте показывает, что в эламской традиции, в отличие от ассиро-вавилонской, стечения согласных в начале слова избегали не путем вставки протетического или эпентетического гласного, а посредством передачи кластера сибилантом, и, соответственно, эламские написания не передают в данном случае реального звучания иранских слов и не могут использоваться для

реконструкции их произношения (подробнее см. ниже). Нерегулярное фонетическое развитие в мидийском, зафиксированное написанием древнеперсидской клинописи (*Bāxtri*- вместо ожидавшегося **Bāxθri*-, с общеиранским переходом **tr* > *θr*), может содержать информацию о происхождении соответствующего слова и способах передачи иноязычных фонем в западноиранских языках (подробнее см. ниже). Специально о закономерностях передачи иранских фонем средствами аккадского и эламского языков см. Грантовский 1970: 67–102 = Грантовский 2007: 78–115.

В античной традиции самые ранние сведения о скифах сохранились у Аристея (Hdt. IV 13–15), творившего либо в первой половине VII, либо во второй половине VI в. до н. э.⁴⁸, и Гекатея Милетского (ок. 560 – ок. 480 г. до н. э.) (Hdt. II 143; VI 137), двух из тех авторов, на которых прямо ссылается (хотя в случае с Гекатеем и не в связи со скифами) Геродот⁴⁹. Гекатей был одним из ранних «логографов», именуемых так «по почину Фукидида» (Мищенко 1888: XIX)⁵⁰, т.е., в принятом понимании, авторов, писавших прозой, в отличие от эпичес-

⁴⁸ О времени жизни Аристея см., например, Иванчик 1989; Ivantchik 1993 а; Тохтасьев 1993: 24–29 (склоняются к поздней датировке), Hinge 2006; Мусбахова 2011 (придерживаются ранней датировки). Дж. Хенге (во избежание недоразумений оговорюсь, что датский ученый на своей страничке в Интернете отмечает, что его имя следует произносить на английский манер, а фамилию – по-датски) считает решающим доводом в пользу ранней датировки аллюзии к «Аримаспее» у Алкмана. В.Т. Мусбахова, помимо прочих аргументов, напоминает о трактовке изображений на знаменитом келермесском зеркале как иллюстрации к одному из эпизодов «Аримаспеи», а Келермесские курганы и, соответственно, находки в них теперь датируются серединой – второй половиной VII в. до н. э.

⁴⁹ Как писал Ф.Г. Мищенко, «[и]з поэтов он хорошо знает Гомера, Гесиода, кикликов, Аристею проконнеского, Архилоха, Сапфо, Ахея, Солона, Ласа, Симонида, Пиндара, Фриниха, Эсхила, знает и тот вид стихов, который выдавался за творения Мусея и Олена, а по мнению нашего историка был гораздо более позднего происхождения» (Мищенко 1888: СХХII). Утверждение, что «Г[екатей] – единственный из его [Геродота] источников, на которого он ссылается с упоминанием имени» (“H.[ecataeus] is the only one of his [Herodotus] sources he cites by name”) (New Pauly 6 [2005]: стб. 36) справедливо лишь в том отношении, что Гекатей – единственный из цитируемых (в широком смысле слова, включая упоминания о том или ином произведении) авторов, писавший «научную» прозу, а не поэтические произведения. Ср. у Ф.Г. Мищенко (Там же): «Из прозаиков он называет по имени одного Гекатея подобно тому, как Фукидид называет одного Гелланика. Очевидно сочинениями прозаиков историки пользовались тем же способом и по тому же праву, как и устными показаниями свидетелей, которые также не называются по именам, не наделяются присущими им признаками, хотя показания их то принимались на веру историком, то подвергались сомнению или отмечались, как не заслуживающие веры».

⁵⁰ Имеется в виду высказывание Фукидида (I.21): «И все же не ошибется тот, кто рассмотренные мною события признает, скорее всего, в том виде, в каком я сообщил их на основании упомянутых свидетелей, кто в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевшим эти события с преувеличениями и прикрасами, ни прозаикам (λογογράφου), сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха...» (пер. Ф.Г. Мищенко под редакцией С.А. Жебелева). Другим термином для обозначения прозаика было слово λογοποιός, которым Геродот (II 143; V 36; 125) называл Гекатея, а Ктесий (Phot. Bibl., cod. 72, ed. Bekker: 35) – самого Геродота (см. Мищенко, цит. соч.: XIX, примеч. 1).

ких поэтов⁵¹. К сожалению, его труды дошли до нас лишь в изложении более поздних авторов, примерно в 370 фрагментах, причем географические сведения в подавляющем большинстве в изложении Стефана Византийского, автора VI в. н. э., поэтому нет уверенности в том, что в них нет анахронизмов. К числу последних могут, например, относиться сведения о «скифскости» того или иного народа: так, к «скифским» отнесены, скажем, меланхлены, которых Геродот, специально изучавший скифов, таковыми не считал (см. ниже). Вместе с тем в ряде случаев Геродот явно заимствовал сообщаемые им сведения у Гекатея, о чем писали еще в древности. С.Я. Лурье в своей книге (Лурье 2010, перепечатка издания 1947 г.: 142 и примеч. 1) приводит, в частности, мнения на сей счет Гермогена Тарсского и Суды: «Гекатей же Милетский, у которого много заимствовал Геродот» (Εκαταῖος δὲ ὁ Μιλήσιος παρ' οὗ δὲ μάλιστα ὠφέληται ὁ Ἡρόδοτος... – Hermog. Περί ἰδεῶν II, 12, 6); «Гекатей. Геродот Галикарнасский, будучи моложе, у него заимствовал» (Εκαταῖος. Ἡρόδοτος ὁ Ἀλικαρνασεὺς ὠφέληται τούτου, νεώτερος ὢν – Suid. s.v.)⁵². Гекатей, впрочем, был не первым из прозаиков, собиравших географические сведения. Хотя он, по свидетельству Агафархида (Geogr. I, 1), много путешествовал, опирался он в своих трудах не только на собственный опыт, но и на труды предшественников, прежде всего Анаксимандра. В трудах логографов содержатся и другие ценные сведения о скифах. Так, Климент Александрийский со ссылкой на Ферекида приводит отличную от Геродотовой форму имени скифского царя, что важно независимо от того, кому на самом деле принадлежит соответствующий фрагмент (о его атрибуции и датировке см. подробно Иванчик 2005: 29–30). В числе трудов Гелланика упоминается и Σκυθικά (к сожалению, описание Скифии, как и прочие труды Гелланика, до нас не дошло). Встречаются у логографов и передачи скифских слов, пусть и через иноязычное посредство: так, Гекатей пишет, что у фракийцев пьяницы называются σαύλαι, что можно сопоставить с приводимым Гезихием созвучным скифским словом с тем же значе-

⁵¹ Не так давно И.Е. Суриков выдвинул иную трактовку термина λογογράφος, указав, что, «если исходить из наиболее естественного для геродотовского времени словоупотребления», το λόγιον, на которые Геродот делил свой труд, суть «не что иное, как речи... А сам Геродот, таким образом, выступает как “сочинитель речей”, λογογράφος» (Суриков 2008: 36 = Суриков 2011: 176). Соответственно предлагается понимать «лексему “логограф” не в смысле “раннего историка”... а в ...смысле “сочинителя речей”». Правда, как отмечает сам И.Е. Суриков, хотя от первой трактовки следовало бы отказаться, «вряд ли это когда-нибудь произойдет – велика сила традиции» (Суриков 2008: 36 = Суриков 2011: 177).

⁵² Подробно о заимствованиях из Гекатея у Геродота см. Лурье, цит. соч.: 142–146.

нием, о котором см. выше. Учитывая, что среди названий фракийских племен имеются иранские, причем в специфически скифской фонетической форме, а наименование фракийцев в древнеперсидских надписях, *Skudra*, явно связано с самоназванием скифов (см. ниже), можно предполагать, что и слово 'пьяница' фракийцы заимствовали у скифов. Примерно к тому же времени, что и труд Гекатея, относятся приводимые в гесиодическом «Перечне женщин» (fr. 150) сведения, бесспорно относящиеся к скифам, поскольку упоминается их этноним: «К скифам кобылодоильным...» (Σκύθας ἰτημολγούς) (пер. О.П. Цыбенко, цит. по изд. Гесиод 2001: 137). Скифы же, скорее всего, имеются в виду и в следующем пассаже из того же произведения (fr. 151): «В край млекоедов, имеющих дома свои на повозках» (γλακτοφάγων ἐς γαῖαν ἀτήνας οἰκί' ἐχόντων) (пер. О.П. Цыбенко, цит. по изд. Гесиод 2001: 138)⁵³.

Из ранних авторов скифские реалии: Колаксаев конь (Fr. I, 59), Рипейские горы (Fr. 90), исседоны (Fr. 156) встречаются (правда, без прямого упоминания скифов) у Алкмана, творившего во второй половине VII в. до н. э.

Важнейший источник сведений о скифах – труд Геродота, дошедший до нас в четырех с лишним десятках рукописей (некоторые из них, правда, неполны или включают лишь фрагменты текста). В них часто встречаются разночтения, в том числе и при передаче скифских имен. Именно поэтому для определения более близкой к скифскому оригиналу формы равно необходимы и привлечение данных иранистики, и источниковедческий анализ рукописной традиции. Нельзя не отметить, что в некоторых случаях именно иранистические сведения позволяют предпочесть форму, которую считают испорченной издатели Геродота (ср. ниже об имени Интаферна/Интафрена; см. также Кулланда 2011с).

Приведем перечень основных рукописей «Истории» Геродота и попытаемся аргументировать, чтения каких из них и почему должны приниматься во внимание. Вначале приводится условное сокращенное обозначение, если таковое имеется, затем название кодекса и краткие сведения о нем⁵⁴.

1) A Laurentianus LXX, 3, конец IX (Hemmerdinger 1981: 29, 86) или X (Hude I³: V; Rosén I: XXV) в. Пергамен, хранится в Biblioteca Laurenziana во Флоренции.

⁵³ Подробный разбор приведенных пассажей из «Перечня женщин» см. в работе Иванчик 2005: 26–29. О датировке Гесиода см. Кбів 2011.

⁵⁴ Понятно, что этот список субъективен и неполон, и в него можно было включить и другие рукописи и/или исключить некоторые из упоминаемых.

- 2) В Romanus Angelicus graecus 83, XI (Hemmerdinger 1981: 34, 94; Hude I³: V), XI или начало XII (Rosén I: XXVI) в. Пергамен, хранится в Biblioteca statale Angelica в Риме.
- 3) С Florentinus Laurentianus Badius Conventuum Suppressorum 207, 1, X (Hemmerdinger 1981: 30, 102) или начало XI (Hude I³: VI; Rosén I: XXVI) в. (разделы I, 41, 1 – I, 73, 5 на листах 9–14 написаны в XV в. для заполнения лакуны). Название отражает тот факт, что рукопись хранилась в бенедиктинском монастыре Девы Марии, известном под названием La Badia («Аббатство» по-итальянски), закрытом французскими оккупационными властями в 1808 г. Пергамен, хранится в Biblioteca Laurenziana во Флоренции.
- 4) D Vaticanus graecus 2369, X (Hemmerdinger 1981: 32, 123) или XI (Hude I³: V; Rosén I: XXXV) в. Акроним дан в честь Карла Дильтея (Karl Dilthey, 1839–1907), немецкого филолога-классика и археолога. Пергамен, хранится в Biblioteca Vaticana в Риме.
- 5) E Excerpta Parisina = Parisinus supplementi Graeci 134, XIII в. (Hude I³: VI; Rosén I: XLV⁵⁵) (в издании Rosén 1987 обозначен как ꝥ, т.е. Р готическое). Как явствует из названия, содержит лишь выдержки из труда Геродота (а также Плутарха и Диогена Лаэртция), в том числе и повествующие о скифах и массагетах (I 212; IV 3–4; 131–132; VII 10). Пергамен, хранится в Bibliothèque Nationale в Париже.
- 6) Marcianus 366 (= 919) (в Hemmerdinger 1981 обозначен как M), ок. 1340 г., судя по водяным знакам (Hemmerdinger 1981: 37, 113–115). Бумага, хранится в Biblioteca di San Marco в Венеции.
- 7) M Mutinensis Estensis graecus 221 (обозначается также II. H. 6 или α. 04.2), XVI в., судя по водяным знакам (Hemmerdinger 1981: 37, 113–115; Rosén I: XXIX). Бумага, хранится в Biblioteca Estense в Модене.
- 8) P Parisinus graecus 1633, XIV в. (Hude I³: VII; Hemmerdinger 1981: 39, 148–151; Rosén I: XXVII–XXVIII). Пергамен, хранится в Bibliothèque Nationale в Париже.
- 9) R Vaticanus 123, XIV в. В этом кодексе отсутствует книга V. Бумага, хранится в Biblioteca Vaticana в Риме.
- 10) S Sancto Croftianus (Cantabrigiensis Collegii Emmanuelis 30), XIV (Hude I³: VII) или XV (Hemmerdinger 1981: 44, 136; Rosén I: XLI, apud Powell) в. Назван в честь Уильяма Сэнкрофта (William Sancto Croft, 1616–

⁵⁵ В Hemmerdinger 1981 excerpta не рассматриваются: «Рукописи excerpta исключены из данного списка» (Les manuscrits d'excerpta sont exclus de la présente liste) (Ibid : 27, note 1).

1693), архиепископа Кентерберийского, который в 1691 г. подарил Эммануэлю колледжу Кембриджского университета свою библиотеку, где и находилась рукопись труда Геродота.

- 11) T Laurentianus LXX. 6 (в Hemmerdinger 1981 обозначен как N), переписана в марте 1318 г. Николаем Триклинисом (Hemmerdinger 1981: 29, 106–107; Rosén I: XXXIV–XXXV). Пергамен, хранится в Biblioteca Laurenziana во Флоренции.
- 12) U Urbinas 88, начало XV в. (Hemmerdinger 1981: 34, 146–147). Принадлежала герцогу г. Урбино в Центральной Италии Федерико да Монтефельтро (Federico da Montefeltro, 1444–1482), откуда название и акроним (Ibid., 146). Пергамен, хранится в Biblioteca Vaticana в Риме.
- 13) V Vindobonensis graecus LXXXV (Graec. hist. profan. 1), XIV (Hude I³: VII; Rosén I: XLII) или рубеж XIV–XV вв., судя по водяным знакам (Hemmerdinger 1981: 44; 131–134). Бумага, хранится в Österreichische Nationalbibliothek в Вене, от латинского имени которой происходят название и акроним.

Традиционно все рукописи Геродота считаются восходящими к двум рецензиям, условно, по месту хранения наиболее авторитетных рукописей, A и R⁵⁶, называемым соответственно флорентийской (*stirps Florentina*) и римской (*stirps Romana*) ветвями⁵⁷. К первой относятся рукописи A, B и C, ко второй – рукописи D, R, S и V. Издатель Геродота Х. Розен (Rosén I: X) выделяет также ‘третью’ (в кавычках) ветвь (*‘tertius’... ramus*), а именно рукописи T, M и P из приведенного выше списка⁵⁸. Условность выделения вызвана тем, что все эти рукописи – «смешанные». Так, о рукописи T Розен пишет: “*codex T illustrissimum est exemplum codicum... qui in Musarum parte alia in alio sunt ponendi loco stemmatis. Est enim usque ad libri II cap. 132 stirpis Romanae affinis, a II 133 usque ad finem operis Florentinae...*” («Рукопись T – замечательный пример рукописей..., которые относительно разных частей труда Геродота должны быть помещены в разные места стеммы; ведь до

⁵⁶ Хотя в настоящее время наиболее авторитетной рукописью римской ветви справедливо считается D.

⁵⁷ Разумеется, излагаемые здесь общие сведения тривиальны, но им, увы, не уделяют должного внимания даже в трудах, специально посвященных Геродоту – только небрежностью можно, например, объяснить утверждение, что все рукописи римской ветви относятся к XIV в. (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 11), тогда как принадлежащий к ней кодекс D датируется X или XI в. (см. выше). Именно поэтому я счел необходимым привести соответствующие данные в своей работе.

⁵⁸ Эммерденже (Hemmerdinger 1981: 113–114) сближает с ними также Marcianus 366 (и ряд рукописей, не включенных в приведенный выше список).

главы 132 книги II она сближается с римской ветвью, а начиная с II 133 и до конца труда – с флорентийской...») (Ibid.: XXXIV). Отличие смешанных рукописей от «переписанных», т.н. *codici descripti*, состоит в том, что последние механически переписывались с дошедшего до нас оригинала, а их расхождения с ним обусловлены исключительно ошибками и описками переписчиков. Переписчики же смешанных рукописей, хотя и ориентировались в основном на какой-либо более ранний сохранившийся манускрипт, сверялись по крайней мере с еще одним не дошедшим до нас образцом, следуя по каким-то своим соображениям то одному, то другому⁵⁹, и могли донести до нас в том числе и правильные чтения, не сохранившиеся в более авторитетных кодексах. Как пишет автор труда, специально посвященного рукописям Геродота, «верно, что следует исключать из рассмотрения некоторые смешанные рукописи: отсеивать следует любой манускрипт, текст которого смешивает тексты двух сохранившихся рукописей. Но рукопись N⁶⁰, чей текст смешивает тексты сохранившейся рукописи (A) и утраченного «унциала», не следует огульно исключать из рассмотрения: вначале нужно извлечь из нее чтения утраченного “унциала”» (il est vrai qu’il faut éliminer certains manuscrits mixtes : il faut éliminer tout manuscrit dont le texte contamine celui de deux manuscrits conservés. Mais N, dont le texte contamine celui d’un manuscrit conservé (A) et celui d’un « oncial » perdu, ne doit pas être éliminé de façon sommaire : il faut d’abord en extraire les leçons de l’« oncial » perdu) (Hemmerdinger 1981: 113); «Отметим, что не всякую смешанную рукопись следует исключать из рассмотрения *ipso facto*. Свидетельство тому – рукописи C N⁶¹ M⁶², архетип которых, α^2 , копия A, был сличен с утраченным “унциалом”» (On notera que tout manuscrit mixte ne doit pas être éliminé *ipso facto*. Témoins les manuscrits C N M, dont l’archétype α^2 , une copie de A, avait été conféré avec un « oncial » perdu) (Ibid.: 125). К сожалению, даже специалисты-античники не всегда различают «смешанные» и «переписанные» рукописи, чохом объявляя их чтения ненадежными⁶³, что, как я постараюсь показать ниже, не соответствует действительности. Кроме того, до нас дошел ряд папирусов, содержащих фрагменты труда Геродота (Paar 1948;

⁵⁹ Я благодарен С.Р. Тохтасьеву, обратившему мое внимание на это обстоятельство.

⁶⁰ В настоящей работе обозначается акронимом T. – С.К.

⁶¹ См. предыдущую сноску.

⁶² В настоящей работе Marcianus 366. – С.К.

⁶³ Так поступает, например, А.И. Иванчик (Иванчик 2009) (см. подробнее ниже).

Hemmerdinger 1981: 175–179), которые иногда позволяют уточнить чтения рукописей, в том числе подтверждая некоторые из принятых конъектур. Уточнить чтения трех из приводимых Геродотом греческих надписей становится возможным благодаря наличию в одном случае (Hdt. V, 77) оригинала (точнее, копии середины V в. до н. э.), а в двух других (Hdt. I, 47; 65) – копий, снятых Кириаком Анконским (Чириако д'Анкона) (1391–1452) с утраченных впоследствии оригиналов (Hemmerdinger 1981: Ibid.). Правда, для скифологии эти надписи ничего не дают.

Из вышеизложенного ясно, насколько сложные проблемы связаны с использованием важнейших для скифологии сведений Геродота в научном исследовании. Но и когда дело, казалось бы, должно обстоять проще, как в случае с трактатом (Псевдо-)Гиппократа «О воздухе, водах и местностях», все сохранившиеся рукописи которого восходят к одной, Codex Vaticanus graecus 276 (еще одна рукопись, представляющая иную традицию, сохранилась лишь в выписках), возникает ряд текстологических затруднений, в том числе и непосредственно в пассажах, где речь идет о скифах. Об этом будет подробно сказано ниже, при рассмотрении наименования социальной группы *Katíaroi*.

Скифы и их язык

Данные письменных источников и археологии о ранней истории скифов

Письменные источники содержат не так уж много сведений о ранней истории скифов. Геродот (IV 11) и Диодор (II 43) сходятся на том, что скифы пришли в Восточную Европу из Азии (Геродот), перейдя реку Аракс (Геродот), близ которой они до этого жили (Диодор), и, изгнав киммерийцев (Геродот, Аристей *apud* Hdt. IV 13), заняли горные земли вплоть до Кавказа и равнины у Океана (Черного моря⁶⁴) и Меотийского озера (Азовского моря) вплоть до Танаиса (Дона) (Диодор)⁶⁵. Для оценки достоверности этой традиции важно, что сообщение Диодора о том, что скифы владели страной в горах до Кавказа, подтверждаются археологическими данными, а именно сосредоточением наиболее ранних памятников, в которых представлен скифский культурный комплекс, в Предкавказье. Затем скифы, преследуя киммерийцев, прошли через Кавказ и вторглись в Мидию (Hdt. IV 12). Пребывание скифов в Передней Азии также подтверждается независимыми данными клинописных источников, в которых упоминается их самоназвание (см. ниже), и археологии (находки ближневосточных вещей на ранних скифских памятниках Северного Кавказа и скифских артефактов на переднеазиатских памятниках). Разумеется, отрывочные

⁶⁴ Об отождествлении Океана и Черного моря ср. у Страбона: (I 2, 10): «И вообще тогдашние Понтийское море воспринимали как некий другой Океан...» (*ἀπλῶς δ' οἱ τότε τὸ πέλαγος τὸ Ποντικὸν ἴσταν ἄλλον τινὰ Ὠκεανὸν ὑπελάμβανον...*) (подробно разбор соответствующих представлений см. в Иванчик 2005: 67–109).

⁶⁵ Ср. изложение рассказа Геродота в книге М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского (1992: 30): «...расчленим повествование Отца истории на элементарные звенья:

А. Скифы не являлись автохтонным населением Причерноморья.

Б. Область их первоначального обитания локализуется в одном из регионов Азии, у реки, именуемой Араксом.

В. Оттуда они переместились к северному побережью Понта.

Г. Предшественниками скифов на этой территории были киммерийцы.

Д. Появление скифов в Причерноморье сопровождалось тотальным вытеснением киммерийцев».

сведения античной традиции о ранней истории скифов можно трактовать по-разному, тем более, что неясно, какой Аракс имеется в виду: под этим названием в древности могли выступать разные реки (историю вопроса об идентификации Аракса см. подробно в Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 181–182, примеч. 37, 183–185, примеч. 308, 216, примеч. 169 и 270, примеч. 308). Так, Л.С. Клейн предположил, что рассказ Геродота о приходе скифов в Северное Причерноморье из-за Аракса есть реминисценция их временного отступления из Передней Азии, где их пребывание засвидетельствовано клинописными источниками (под Араксом он при этом предложил понимать современный Аракс в Закавказье), а Геродот просто спутал рассказ о возвращении из похода с легендой о первоначальном вторжении скифов в места их последующего обитания (Клейн 1975). Вопрос о том, откуда скифы появились в Передней Азии, Л.С. Клейн в этой работе специально не рассматривал, но высказал мнение, что косвенные данные скорее свидетельствуют об их автохтонности в Северном Причерноморье. Принимая, однако, во внимание, что версия Диодора, видимо, независимая от Геродота⁶⁶, также повествует о постепенном подчинении скифами земель сначала от Кавказа до Танаиса, а затем от Танаиса до Фракии, можно предполагать, что автохтонами Северного Причерноморья скифы, согласно античной традиции, опирающейся на их собственные предания, все-таки не были. Задаваясь вопросом о том, откуда они туда пришли, мы вновь сталкиваемся с проблемой идентификации Аракса. Теоретически Араксом, из-за которого пришли скифы, мог быть и современный Аракс, и Волга, и Урал, и Аму- или Сыр-Дарья, но учитывая, что ближайшие родственники европейских скифов, саки, обитали в Средней Азии, первых, видимо, следует выводить из-за Волги (в широком смысле), а не из Передней Азии.

О том же, насколько можно судить, свидетельствуют и археологические данные. Во всяком случае, из приблизительно дюжины категорий артефактов, характеризующих раннескифский культурный комплекс, самая значительная часть происходит из Приаралья. Оттуда,

⁶⁶ Ср. у Д.С. Раевского (1985: 54 = 2006: 325): «...в его [Диодора. – С.К.] рассказе имеется целый ряд мотивов, вполне, как показывает реконструкция, закономерных в скифской мифологии и в то же время у Геродота не представленных (указание на брачную связь Зевса со змееной богиней земли, иная номенклатура родов, возводимых к братьям-прародителям; несколько расходятся и “исторические” данные). Вследствие этого рассказ Диодора должен рассматриваться как самостоятельный источник для изучения скифского фольклора; тем ценнее его близость во многих отношениях к Геродоту, подтверждающая исконно скифские корни сохранившейся обоими авторами традиции».

по-видимому, берут начало парные культовые бронзовые ножи, грибовидные застежки и застежки-палочки, биметаллические чеканы, т.е. «короткое древковое оружие ближнего боя с узким, горизонтально расположенным клинком, заканчивающимся острием» (Горелик 2003: 46), стремчовидные удила, зеркала с петельчатой ручкой и каменные блюда. Эти категории неоднократно анализировались в археологической литературе (Членова 1993; Алексеев 2003: 38–60; Погребова 2006, и др.), так что здесь можно ограничиться их кратким обзором.

Первичную форму культовых парных бронзовых ножей видят в находках из раннесакских могильников Приаралья (Алексеев 2003: 53). Подобное предположение основывается на относительной древности приаральских могильников, где пласт ранних захоронений датирован их исследователями VII–VI (Вишневецкая 1973) или концом VIII–VII вв. до н. э. (Яблонский 1996; Итина, Яблонский 1997). К востоку от Аральского моря такие ножи вообще не представлены.

Сакское происхождение предполагается и для грибовидных застежек и костяных столбиков, аналогии которым в бронзе А.Ю. Алексеев (Алексеев 2003: 55) усматривает в памятниках Приаралья, датируемых несколько раньше европейских, а именно VIII–VII вв. до н. э. Надо отметить, что оговорка А.Ю. Алексеева о том, что для Приаралья характерны только бронзовые, а не костяные столбики, излишня, поскольку и в ранних скифских памятниках, например, в Краснознаменском могильнике, наряду с костяными встречаются и бронзовые (а однажды – железная) палочки-застежки (Петренко 2006: 78; Табл. 59, № 165; 60, № 224; 61, № 129; 36, №№ 12–13 и пр.), а смена материала при сохранении формы изделия – явление естественное и вполне распространенное.

Маркером продвижения кочевников с востока на запад считаются биметаллические клевцы, или чеканы, о заимствовании которых в Предкавказье-Причерноморье из ареалов ананьинской или даже тагарской культур писали многие авторы (Егоров 1955: 60; Крупнов 1960: 205; Виноградов 1972: 125; Курочкин, Субботин 1993). В настоящее время ряд исследователей подчеркивает роль Приаралья как вторичного центра, откуда клевцы-чеканы распространялись по всему скифскому миру (Горелик 2003: 48–49; Дударев 1998: 89; Алексеев 2003: 50–51, с литературой). А.Ю. Алексеев определяет клевцы как «одну из немногих категорий», характеризующих исходную территорию, направление и маршрут ранней волны кочевников (Алексеев 2003: 50).

Видное место в раннескифской материальной культуре принадлежит элементам конской узды. Н.Л. Членова восстанавливает линию развития стремечковидных удилов от экземпляров с внутренним колечком в окончании, характерных для восточных районов степи (Членова 1993: 58). Исследовательница указывает, что ареал удилов со стремечковидными концами простирается от Монголии до Причерноморья, и хотя место их первоначального сложения определить пока точно нельзя, наиболее вероятный претендент – район Приаралья (там же).

Не вызывает сомнений и восточноазиатское происхождение дисковидных зеркал, во всяком случае их разновидности с петелькой на обратной стороне (Кузнецова 1988 и др.), хотя узкий район их первоначального формирования продолжает оставаться дискуссионным (Алексеев 2003: 46–47). На Северном Кавказе и в Причерноморье такие зеркала представлены не слишком обильно, но зафиксированы в ранних памятниках собственно скифской культуры (Членова 1993, рис. 8). Подобное зеркало найдено, в частности, в кургане 16 Нартанского могильника, отнесенном и В.М. Батчаевым, и В.Г. Петренко к наиболее древнему слою некрополя, независимо от разных представлений этих авторов о его периодизации (Батчаев 1985: 45; Петренко 1989: 219). Подобное же зеркало находилось в погребении 27 грунтового могильника Келермеса (Галанина 1985: 163, рис. 4, 3). Зеркала с петельчатой ручкой распространялись на запад, скорее всего, из Приаралья (Кузнецова 2002: 41–42). Основанием для такого заключения служит не только их более частая встречаемость там по сравнению с другими регионами (только из Уйгаракского могильника происходит четыре экземпляра), но и то, что, согласно наблюдениям Н.Л. Членовой, приаральские зеркала относятся к наиболее раннему типу (Членова 1993: 58).

Категорией восточного происхождения являются и каменные блюда (подставки, жертвенники). В раннескифское время в центральноазиатских областях, таких как Тува и Южная Сибирь, подобные блюда неизвестны (Погребова, Раевский 1992: 67). На Алтае они встречены в единичных экземплярах (Мошкова 2000: 206). Абсолютные даты приаральских могильников, содержавших такие блюда, позволили предположить приаральский генезис этой формы (Зуев 1996: 11; Мошкова 2000: 204; Алексеев 2003: 55).

Таким образом, есть основания полагать, что носители материальной культуры, легшей в основу раннескифского комплекса, пришли в Предкавказье из Средней Азии, точнее, из Приаралья.

К сожалению, антропологические материалы по ранним скифам весьма скудны, чтобы не сказать больше. Как пишет А.Г. Козинцев, «[н]аселение... эпохи архаической Скифии, известной в основном по материалам из лесостепи, к сожалению, почти не представлено; отсутствуют и архаические материалы с Северного Кавказа... Наиболее ранней, видимо, является лесостепная группа из Медвина (VI–V вв. до н.э.)» (Козинцев 2007: 144). В результате пока невозможно определить антропологический облик и связи более всего интересующих нас ранних скифов. Степные скифы, чья материальная культура отличается от раннескифской, антропологически весьма близки носителям окуневской, или чаахольской археологической культуры Тувы (Козинцев 2013: 35; Ковалев 2014). Это может свидетельствовать об их приходе в Северное Причерноморье с территории нынешней Тувы и прилегающих районов, но, вопреки мнению А.Г. Козинцева и А.А. Ковалева, не распространяется автоматически на ранних скифов.

Посмотрим, какие выводы об этногенезе скифов позволяет сделать лингвистический материал. Для этого приведем по возможности все известные нам скифские лексемы, как реально засвидетельствованные в произведениях классических авторов, так и предположительно реконструируемые на самых разных основаниях.

Скифский глоссарий

ἀβί По Гезихию (s.v.), ὑλό, Σκύθαις εἴρηται («‘под, при’, говорится у скифов»). По форме, включая ударение, зафиксированное в древнеиндийском, полностью соответствует индоиранскому наречию-префиксу **abhi*, иранскому **abi* (ср. др.-инд. *abhi*, староавест. *aibī*, младоавест. *aīβi*, др.-перс. *abiy*) ‘к, навстречу, напротив’, но не совпадает семантика, что заставляет осторожно отнестись к данному сопоставлению.

ἄβιε По Гезихию (s.v.), ἔβαλλον. Σκύθαι («бросал(и), [как говорят] скифы»). Бёттихер (Boetticher 1851: 54) сопоставлял с др.-инд. *vī-* ‘бросаться, нападать, приводить в движение’ (ср. авест. *vā(y)-* ‘охотиться’ и пр.; см. подробно ИЭСОЯ IV: 44–45; EWAia II: 509–510). Этимология приемлема, учитывая, что слово могло быть зафиксировано поздно, когда бета уже передавала звук, близкий к иранскому *v*, а ожидаемое вторичное окончание в третьем лице имперфекта единственного и множественного чисел в скифском могло произноситься неотчетливо (как в древнеперсидском, где оно не обозначается на письме). Таким образом, можно предполагать, что в скифском, как и в других древнеиранских языках, имперфект образовывался при помощи префикса *a-* и вторичных окончаний.

Ἀγάθουροι Этноним (Hdt. IV 48, 76, 78, 102, 104, 125, а также 119, где упоминается Агафирс в значении ‘царь агафирсов’), якобы от имени старшего сына Геракла и змееногой богини Агафирса (Ἀγάθουρος) (Hdt. IV 10), брата Гелона и Скифа. Может и не быть скифским. Фасмер сравнивал с авестийскими *aya-* ‘злой’ и *darəs-* ‘видеть, зреть’ {Vasmer 1923: 14, s.v. Ἰδάνθουρος), считая иранским обозначением татуированных фракийцев (поскольку Геродот [IV 104] отмечает, что обычаи агафирсов похожи на фракийские, и из их земли течет река Марис [IV 48], видимо, совр. Муреш; устрашающий внешний вид агафирсов подчеркивает и Плиний [IV 88]: *caeruleo capillo Agathyrsi*, «агафирсы с синими волосами»). О.Н. Трубочев (1999: 182) считал, что греч. *ἀγα-* (ср. ниже) – дорийский элемент, который возможно возводить к палеобалканскому, герп. дакскому, и связывал этот элемент в

имени агафирсов с албанским *agóĵ* ‘светать’, *agute* ‘утренняя заря’, трактуя его значение (с вопросительным знаком) как ‘светлый металл’, а весь этноним целиком как **aga-trša-* ‘жадные до золота’, напоминая о свидетельстве Геродота (IV 104), что агафирсы очень любят носить золотые украшения. По мнению Р. Шмитта, лексема испытала влияние греческой лексики (греч. усилительный префикс ἄγα-, засвидетельствованный в ряде архаических и поэтических сложных слов, например, ἄγα-κλεής ‘достолавный’ у Гомера, и θύρσοϛ ‘тирс, вакхический жезл’), так что восстановить ее первоначальную форму невозможно, и все попытки этимологизации умозрительны (Schmitt 2003: 2–3).

Ἄγαρος Имя скифского царя у Диодора (XX 24, 3–4). Возможно, от иранского **ā-garH¹* ‘прославлять’ (ЭСИЯ 3: 177–179; Cheung 2007: 107) (ср. авест. *ā-gar* ‘id.’) «Прославляющий», или от иранского **ā-garH²* ‘натягивать тетиву’ (ср. пашто *aġar* ‘натягивание тетивы’ – Morgenstierne 2003: 8) «Натягивающий тетиву». Поскольку значение неизвестно, non liquet.

ἄγλυ По Гезихию, скифское наименование лебедя (ὁ κύκνος, ὕλδ Σκυθῶν). Поскольку в сочетании **γδ* второй элемент в восточноиранских языках не переходил в *l*⁶⁷, приходится предполагать либо метатезу из **δy*, либо искажение в рукописи, при котором дигамма была заменена гаммой (ср. s.v. ***Ἀρβυμῆσα**). Правда, в обоих случаях осмысленного истолкования из иранского не получается. К.Т. Витчак, исходя из предположения о метатезе, вынужден предложить еще одну эмендацию: *μάγλυ* вместо *ἄγλυ*. Полученное таким образом слово он сравнивает с др.-инд. *madgū-* ‘водоплавающая птица’ и среднеперсидским *māy* ‘id.’. Гипотеза о нигде более не засвидетельствованной метатезе и заодно неверном чтении вызывает естественное недоверие (см. Maqrhofer 2006: 21), хотя ничего лучшего пока не предложено. С другой стороны, еще в середине позапрошлого века Бёттихер сравнил слово, приведенное Гезихием, с древнеармянским *angl* ‘стервятник’ (Boetticher 1851: 54), которое обычно возводят к индоевропейскому **h₂enk-u-l-*, производному от **h₂enk-* ‘сгибать’, ср. греч. ἀγκύλος ‘кривой, согнутый’, древневерхненем. *angul* ‘рыболовный крючок, шип, (дверная) петля’, перс. *angal(a)*, *angīl*, *angīl(a)* ‘пуговица, петля для пуговицы, петля’ (Martirosyan 2010: 70–71). Здесь настаивает расхождение в значе-

⁶⁷ Казалось бы противоречащая этому утверждению передача названия Согда в китайском языке эпохи Восточной Хань – в современном произношении Сули – только подтверждает его справедливость, поскольку в западноханьскую эпоху инициаль соответствующих слогов произносилась как фрикативный **z*, т.е. китайская передача названия Согда звучала примерно как **sok-žak* (Старостин 1989: 469).

нии, тогда как отсутствие ротацизма (как и в слове μέσπλη, q.v.) демонстрирует и персидский. Non liquet.

ἀδιγόρ По Гезихию, скифское наименование саранчи (τροξάλλις [в рукописи τροξάλλις], ὑλὸ Σκυθῶν). В. Томашек объяснял как **andi-kara* ‘делающая (т.е. откладывающая) яйца’ (Tomasek 1881: 63), К.Т. Витчак как **ādi-gar-* ‘(насекомое), пожирающее траву’ (скифское слово ‘трава’ он видит в тохарском *A āti* ‘id.’, которое считает заимствованием из скифского) (Витчак 1992: 56). Еще одна возможность – возводя вторую часть слова, как поступает большинство современных исследователей, к одному из вариантов иранского корня **garH⁴-* ‘есть, глотать’ (возможно, **gurH-*, что объяснило бы омикрон в греческой передаче) (о корне **garH⁴-* и его вариантах см. ЭСИЯ 3: 156–160; Cheung 2007: 109) видеть в первой предлог или наречие с усилительным значением **ati-* (ср. авест. *aiti-* ‘so viele’, согласно Бартоломе), трактовать его как ‘прожорливый’. Слабость всех перечисленных этимологий в том, что для принятия любой из них приходится постулировать озвончение смычных в интервокальной позиции, чего в скифском не наблюдалось по крайней мере при Геродоте. Правда, слово зафиксировано поздно, и, возможно, к этому времени озвончение уже произошло, как это имело место в языке азиатских скифов (ср. имя *Spalagadama* и пр.). Если принять этимологию О.Н. Трубачева: **adi-gar* ‘пожиратель пищи’ (**adi-* от корня *ad-* ‘есть’) (Трубачев 1999: 220 = 1977: 18), слово придется признать заимствованием из некоего языка, иранского или арийского, в котором индоиранский **d* отражался как *d*, а не переходил в *l*, как в скифском.

ΑΔΟΥΞΗΣ имя из надписи на свинцовой пластине из Фанагории III в. до н. э. С.Р. Тохтасьев трактует его (с вопросительным знаком) как **hadā-uxšan-* ‘богатый быками’ (отмечая и возможность возведения второй части к иранскому **uxša-* ‘рост’) (Тохтасьев 2015: 890, с литературой). При такой интерпретации имя не может быть ни исконно скифским (поскольку в скифском иранский **d* закономерно давал *l*), ни меотским (поскольку в меотском, насколько можно судить, не было иранского перехода **s > h*), и приходится предполагать его заимствование из некоего иранского языка. Non liquet.

Ἀθύρας Афира, река в Скифии (Стефан Византийский со ссылкой на Нимфодора). Из **āsu-* ‘быстрый’ (< **HaHsu-*) со скифским переходом **s > θ* и суффиксом *-ra?* Фракийская этимология (из **ḡ-dhu-r-* от корня **d^heu(H)-* ‘бежать, течь’ – Pokorny 1959: 259–260) менее правдоподобна фонетически.

ΑΙΛΙΟΣ (родительный падеж, поскольку в грекоязычных легендах на чеканенных греками монетах встречается в сочетании со словом «царь» в родительном падеже: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΛΙΟΣ; в именительном, следовательно, **ΑΙΛΙΣ**). Имя царя Малой Скифии, известное из легенд на его монетах (Тарасюк 1956: 22, рис. 13–8, 28; Тохтасьев 2005а: 92). Предложенное Тарасюком возведение к иранскому *arya-* не может быть принято, поскольку в скифском кластер *ri/ry* не переходил в *l* (ср. ниже s.v. **Κολάξαϊς**). Этимология С.Р. Тохтасьева – к иранскому **(H)āli-* < **Hādi-*⁶⁸ как краткой форме имен с первым элементом **hada-* ‘с, вместе с’ – также неубедительна, поскольку предполагает эпентезу *i* перед последующим слогом, содержащим этот гласный (или соответствующий глайд), как в письменном авестийском. Но в авестийском это феномен чисто графический, никак не представленный в фонетике иранских языков (недаром Бартоломе в своем словаре дает для слов типа *hāiti-* ‘раздел Ясны’, *rāiti-* ‘дар; щедрость’ и пр. словарные формы *hātay-*, *rātay-* и т. п.), и распространять его на скифский нет оснований. Скорее это имя можно возводить к иранскому корню **Hai-/i-/ja* ‘провозглашать’, ‘учить’ (хотя его реконструкция не бесспорна) с наращением *-d* или к **Haid-/Hid-* ‘гореть, жечь, светить(ся)’ (ЭСИЯ 1: 119–121; Cheung 2007: 157), хотя любые этимологии имени, значение которого неизвестно, по необходимости умозрительны.

Αἰόρπата см. Οἰόρπата

ἀκινάκης Περσικὸν ξίφος, ‘персидский меч’, по Геродоту (VII 54), который, впрочем, называет так и скифские мечи (IV 62; 70). Существовало это слово и в согдийском (*кун’к*) (ср. выше). Неисконное, поскольку в иранском **ki* дало бы *ci*. В греческом признается заимствованием, обычно иранским (Frisk 1960–73, I: 53; Chantraine 1999: 47) или субстратным догреческим (Beekes 2009, I: 51), этимологии не предлагается. Видимо, заимствование из пранахского **hāhki* (‘железо’; ср. бацбийское *ʃajhki* ‘id’; прочие нахские формы, пранахскую реконструкцию и прасеверокавказскую этимологию см. в NCED: 851–852) + *-in* (суффикс прилагательных) + *nekV* (ср. бацбийское *nek* ‘нож’) ‘железный нож’⁶⁹. Сложение **hāhki-in* объясняет долготу йоты, на которую в заимствованном из греческого *acīnacēs* указывает латинская просодия: в оде Горация

⁶⁸ Правильнее было бы **hadi-*, поскольку заглавным **H* обозначается индоиранский ларингал, а не иранский *h*, восходящий к индоиранскому **s*, как в данном случае (ср. др.-инд. *sahá* < **sadha*), и никаких признаков долготы гласного в первом слоге в родственных словах нет (как нет долготы и в реконструкции Гинца, на которого ссылается Тохтасьев).

⁶⁹ По фонетическим соображениям менее вероятно (хотя и возможно) заимствование из пранахского суффиксального образования **hāhkin-ig* ‘железный’, ‘сделанный из железа’ или из пранах-

(Hor. Od. I, 27, 5) это слово стоит на последнем месте в первой строке Алкеева одиннадцатисложного стиха, в котором третий от конца слог может быть только долгим (ср. Chantraine 1999: 47; Beekes 2009, I: 51). **АКРОСА** Имя царя Малой Скифии II в. до н. э. (Тарасюк 1956), представленное в этом виде в легендах на его монетах. По справедливому замечанию Л.И. Тарасюка, все царские имена на монетах стоят в родительном падеже ([монета] такого-то), но приведенная форма родительным падежом быть не может (Тарасюк 1956: 24–25). Следовательно, мы имеем дело с сокращенным написанием генитива (Ibid.), и потому противопоставление генитива и сокращения в работе Тохтасьева («ген. или сокращение» [Тохтасьев 2005а: 105]) неправомерно. Тарасюк предположил, что сокращенным оказался элемент *-ko[v]*, засвидетельствованный, в частности, в имени другого царя Малой Скифии, Сариака (ср. ниже s.v. **Σαριακος**), и обычно опускавшийся в его легендах, а полностью имя в именительном падеже звучало *Ἀκροσάκης* (*-ας, -ος*) и могло передавать иранское **Agra-sāka* ‘Первый из саков (скифов)’ (ср. авест. *agra-*, др.-инд. *ágra-* ‘первый, высший’) (Тарасюк 1956: 26). Такая трактовка возможна, поскольку иранские звонкие могли передаваться греческими глухими (ср. др.-перс. *Vīⁿdafarna* > греч. Ἰνταφέρνης); кроме того, Тарасюк отметил, что на греческую передачу могло повлиять греческое *ἄκρος* ‘верхний, главнейший, знатнейший’ (Ibid. и примеч. 7). Менее вероятны предлагавшиеся Тарасюком (Ibid.) альтернативные этимологии: **Ugra-sāka* ‘Сильный сак (олень, скиф)’ или *Āpra-sāka* ‘Сак [с берегов] Днепра’, который скифы якобы называли просто *āpra-* ‘водная глубь’ (ср. ниже s.v. **Ἄρπῶσις**). Фонетически может также восходить к иранскому **a-xrauša-ka* ‘Некричащий; Невзывающий’ (ср. авест. *xraoša-* ‘кричать, гикать, взывать’, др.-инд. *kruś/kroś-* ‘кричать, плакать’ – см. подробнее Cheung 2007: 448–449 + суффикс *-ka*) (детское имя?) или **a-kṛsa-ka* ‘Неистощенный, Неослабленный’ (ср. авест. *kərəsa-* ‘худой’). Non liquet.

Ἀμόδοκι Согласно Гелланику (apud St. Byz.), скифский народ, Σκυθικὸν ἔθνος. Томашек (Tomasek 1889: 8ff.) выводил из иранского **āmādaka* ‘сыроядцы’, из *āma-* ‘сырой’ и *ad-* ‘есть’ (ср. др.-инд. *āmād* с тем же значением), но, как справедливо отметил С.Р. Тохтасьев (2005: 96), «греческая форма предполагает *ῥика-*». Кроме того, непонятно сохранение иранского **-d-*, который в скифском должен был дать *-l-*. Исходя из этих фонетических особенностей, я предложил

ского **=šāχ-in* (где = указывает на классный показатель, ср. баббийское *d-aχē*, чеченское *d-eχa*, ингушское *d-šāχa* ‘длинный’) *nekV* ‘длинный нож’.

восстанавливать исходную форму как **a-mantu-ka* ‘не имеющие правителей’, производное при помощи *a*- привативного и суффикса *-ka* от *mantu-* ‘правитель’ (ср. авест. *mantu-*, др.-инд. *māntu-* ‘id.’) с характерным юговостоочноиранским переходом *-nt-* > *d* (Кулланда 2005: 221, примеч. 19). М.Д. Бухарин возразил, что при передаче иранской основы на *a*- ожидалось бы греческое *-αι* (Бухарин 2013: 64, примеч. 229), что справедливо, но омикрон в греческом мог появиться под влиянием огубленного гласного в предыдущем слого. Не исключено, впрочем, что этноним этот не скифский: С.Р. Тохтасьев (Ibid.) приводит фракийское имя Ἀμάδοκος и еще несколько фракийских имен на *-δοκος*. Non liquet.

Ἀνάριεῖς (Hipp. De aër. XXII) Наименование скифских жрецов-андрогинов. Принятая конъектура, в рукописи V, протографе всех сохранившихся манускриптов этого труда (Псевдо-)Гиппократа – Ἀνάριεῖς; видимо, в маюскульном письме *альфа* (Α) была заменена на сходную по очертаниям *дельта* (Δ) в том числе и под влиянием греческих слов и имен с элементом *ανδρ-* (см. Jouanna 1996: 238, 335–337, примеч. 3)⁷⁰. Первоначальная форма восстанавливается прежде всего на основании сопоставления с Геродотовыми Ἐνάριες (IV 67, вар. Νάρες, ἐνάρες (I, 105, в тексте во всех основных рукописях в форме винительного падежа мн. числа ἐναρέας, в которой издатели исправляют ударение: ἐνάρες). Давно трактуется как передача иранского **a-narya* ‘немужественные’ (см. Zeuß 1837: 294; Müllenhoff 1866: 554 = 1892: 104; Миллер 1887: 132; Vasmer 1923: 13; Mayrhofer 2006: 12, с литературой).

Ἀνάχαρσις Легендарный мудрец, отпрыск скифского царского рода. Наиболее правдоподобной представляется этимология В.И. Абаева: из **Ana-xⁿarati* ‘Неуязвимый’, ср. авестийское *xⁿara-* ‘рана’ и *ana* ‘без’ (ср. нем. *ohne*) (Абаев 1949: 153, 169, 206 = Абаев 1979: 278, 292, 326). Справедливо отмечалось, что нет оснований постулировать для скифского аланско-осетинский переход **ti* > *či* (> совр. осет. *c* (*u*)) (см., например, Лома 2000: 94–95, примеч. 13), как это делал В.И. Абаев, но само по себе это обстоятельство не ставит под сомнение предложенную им этимологию, поскольку иранское *ti* также могло передаваться греческим *σι* – ср. др.-перс. *Harauvati* – греч. Ἀραχωβία. Разумеется, в греческом для передачи скифского *-xⁿa-* скорее ожидалось бы *-χο-*, но трудно при записи в древнем языке заимствованных слов рассчитывать

⁷⁰ В комментарии к изданию Доватур, Каллистов, Шишова 1982 (305, примеч. 423): «Точнее это слово передано у Псевдо-Гиппократа – ἀνάριεῖς (Гомперц даже исправлял в своем издании трактата на ἀνδριεῖς...)» перепутаны рукописное чтение и конъектура.

на стопроцентную регулярность фонетических соответствий. Прочие же этимологии, как-то: к индоарийскому *maharṣi* ‘Великий мудрец’ (старая этимология Лео Мейера ‘Незлюбивый мудрец’, **an-arya-rṣi* [Meyer 1856: 162, Anm. *], модифицированная О.Н. Трубачевым (по предположению которого, *A*- привативное есть «вторичное наращение имени... уже после осуждения скифами Анахарсиса за следование обычаям греков» – Трубачев 1999: 110 = 1979: 35) или к **a-nāfa-ərəši* ‘Мудрец-выродок’, ‘Мудрец, враждебный (обожествленному) Роду’ (Лома 2000: 90), с предполагаемым переходом *f* > *χ* в скифском, ср. авест. *nāfah-* ‘род’, еще более уязвимы и фонетически, и семантически. Правда, Р. Шмитт (Schmitt 2003: 4), утверждая, что уже Геродот не считал скифское происхождение Анахарсиса твердо установленным (что из текста Геродота никак не следует: по Геродоту [IV 76–77], скифы говорят, что не знают Анахарсиса в отместку за его следование иноземным обычаям, а сам он в скифском происхождении Анахарсиса не сомневается, не будучи уверенным лишь в его принадлежности к царскому роду), и напоминая о мнении Али (Aly 1921: 127), согласно которому история Анахарсиса не имела никакого отношения к Скифии, возводит его имя, по аналогии с греческим ἑλί-χαρισ ‘злорадство’ (от ἑλί-χαίρω ‘радоваться’), к незасвидетельствованному греческому глаголу *ἄνα-χαίρω.

ἄνор По Гезихию, ‘ум, разум’ по-скифски (νοῦς, ὑπὸ Σκυθῶν). Гумбах и Файсс (Humbach and Faiss 2012: 18) считают это слово намеренным искажением иранского **onar*/**honar* (которое реконструируют на основе новоперсидского *hunar* ‘добродетель; умение’) во избежание смешения с греч. ὄναρ ‘сновидение’ и/или из подражания скифскому произношению. Однако новоперсидское слово восходит к древнеиранскому **hunara* (ср. авестийское *hunara* ‘умение, искусство’) (Horn 1893: 247–248), а среднеиранское отпадение конечного гласного едва ли могло иметь место в древнеиранском скифском. Поэтому я предпочитаю сравнивать скифское слово с авестийским *nurəm* ‘коварно, изощренно’, которое Бартоломе (Bartholomae 1904: Sp. 1089) интерпретировал как наречие от прилагательного со значением ‘умный’ (*klug*), родственного греческому νόος/νοῦς, передающему скифское ἄнор у Гезихия. Относительно спорадического появления неэтимологического начального *a*- в древнеиранских языках (ср. др.-перс. *Asagarta* – греч. Σαγάρτια и т.п.) см. Zeuß 1837: 289, Anm. *); Грантовский 1970: 74–75 = 2007: 86–87.

ἀντακῖος (Hdt. IV 53) По Геродоту, огромная бескостная рыба, ви-

димо, из семейства осетровых, водящаяся в Борисфене (Днепре). О.Н. Трубачев (1999: 64–65, впервые опубликовано в Трубачев 1977), сравнивая с др.-инд. *ánta-* ‘край’ (есть и в иранском – ЭСИЯ 1: 173–175) и *kāya-* ‘тело’, толковал как «что-то вроде ‘остротелый’». Нет прямых указаний на то, что название скифское. К сожалению, мы не знаем, передает ли греч. -*vt-* -*nt-* или -*nd-* (последнее возможно, ср. др.-перс. *Vīⁿdafarna* > греч. Ἰνταφέρνης) языка-источника. В первом случае можно предполагать, что слово нескифское (по нашей гипотезе, в скифском иранское -**nt-* дало -*d-* – ср. выше, s.v. **Амáдокои**), судя по ареалу, возможно, синдское или меотское (или и то и другое, если синды были частью меотов, ср. ниже). О.Н. Трубачев обратил внимание на любопытные отражения древнего *ántakaĩos* в языках, распространенных на черноморском побережье Кавказа. Так, итальянский путешественник конца XV – начала XVI в., генуэзец Джорджо Интериано в своем описании черкесов писал: «Водится в этих краях рыба античеи, которая так у них зовется, так же как в древности она называлась у Страбона, род осетров...» (Кавказ 2010: 29). Правда, в современных западнокавказских языках этого слова не сохранилось, а его фонетический облик для них нехарактерен. Соотечественник Интериано Арканджело Ламберти, бывший миссионером в Мегрелии с 1635 по 1653 гг., отмечал, что «здесь осетр бывает трех видов: один называется “Zùtchi”, другой “Angiachia”, а третий “Pogònci”» (Ламберти 1913: 207). Оба автора добросовестно передавали названия местных реалий (ср. хотя бы приводимое Ламберти *Zùtchi* и современное грузинское и мегрельское *zutxi* ‘осетр’), так что сомневаться в достоверности их сведений нет оснований, тем более что слово *anžakia* есть в мегрельском словаре Кипшидзе (Кипшидзе 1914: 195) (этим сообщением я обязан Я.Г. Тестельцу). Картвельской (и мегрело-чанской) этимологии у мегрельского слова нет, а его фонетическая и семантическая близость к приводимому Геродотом и Страбоном названию рыбы несомненна. Видимо, адыги и мегрелы заимствовали название одного из видов красной рыбы у некоего древнего народа, населявшего кавказское побережье Черного моря (синдов или меотов?). Non liquet.

ἄξεινος πόντος см. **Εὔξεινος πόντος**

ἄξενος πόντος см. **Εὔξεινος πόντος**

Ἀπί (вар. **Ἀπία**) Согласно Геродоту (IV 59), скифское имя греческой богини земли Геи. К иранскому *āp-/ap-* ‘вода’ или **ap-īā* ‘водная’. Вопреки сомнениям Фасмера (Vasmer 1923: 11 – “...die Bedeutung weicht zu sehr ab” [«слишком уж расходится значение»]), связь хтонической

богини с водой вполне естественна (ср. Humbach 1960: 324). Относительно иранских параллелей скифской Апи ср. богиню Ардви Суру Анахиту, которую в Авесте прямо именуют «Водой» (*Āp-*): *nətō are dāitiiaiiā nətō arəduiiā āpō anāhitaiiā* («поклон воде Датьи, поклон [воде] Ардви Воды Анахиты – Yt I, 21); *yazāi āpəm arduuim sūrəm anāhitəm* («Да почту я жертвой Воду Ардви Суру Анахиту» – Y. 65, 1). Ср. также s.v. **Βορυσθένης**.

Ἀργιπλαῖοι (вар. **Ὀρυζπλαῖοι**, который предпочитает в своем издании Розен, **Ὀρυεπλαῖοι**, **Ὀρυεπλαῖοι**). По Геродоту (IV 23) – название мифического (?) народа, в описании которого есть явно фольклорные черты (их никто не обижает, у них нет оружия). Кроме того, Геродот отмечает, что они говорят на особом языке, так что их этноним может и не быть скифским. Иранские этимологии все же предлагались: **argin* ‘достойный, уважаемый’ (от **arga-* ‘цена’, ‘ценность’) + **paya-* ‘пастбище’ (Tomaschek 1889: 63); **argind-* ‘защищающий’ + предполагаемый скифский Nom. pl. **pāyah* ‘пути’ < **pawayah*, восстанавливаемый на основании топонима Ἐξαπλαῖός, который Геродот переводит Ἱεροὶ ὁδοί, ‘Священные пути’ (предполагается, что в скифском интервокальный **-θ-* > *-ϕ-*) (Marquart 1896: 89 ff.), но, учитывая изложенные обстоятельства, считать их надежными трудно.

Ἀρυίπλασα см. ***ἈρΓιήσα**

Ἀρυότας Знатный скиф (царь?), упомянутый в том числе в надписи на перстне Скила (Виноградов 1980). Этимология В.с. Миллера (к причастию от глагола с примерным значением ‘рецитировать, произносить обрядовый текст’, – ср. осет. дигор. *argawun* – *argud*, – семантически близкому к лат. *Benedictus*) скептически воспринятая Фасмером (Vasmer 1923: 32), но принимавшаяся В.И. Абаевым (1949: 154 = 1979: 279), неубедительна, поскольку осетинское слово возводится к **ā-grā* (< **garH-*) с метатезой *gr* > *rg* (ИЭСОЯ I: 65–66), а никаких свидетельств существования такой метатезы в скифском нет. Фонетически более убедительна предложенная В.А. Лившицем этимология **argauta-* ‘(Обладающий) ценным (*arga-*, ср. др.-инд. *arghá* ‘цена, стоимость’) знанием’ (*uta-*, ср. авест. корень *aot/vat* ‘постигать’, употребляющийся только с превербами). Возможен и вариант ‘(Обладающий) ценной поддержкой’, если возводить второй элемент к иранскому **HauH/HuH* ‘заботиться, помогать’, ср. др.-инд. *ūtī* ‘помощь, покровительство’ (ЭСИЯ 1: 253–256; Cheung 2007: 168–169). См. также Тохтасьев 2005а: 92–93.

***ἈρΓιήσα** Согласно Геродоту (IV 59: οὐρανίη δὲ Ἀφροδίτη

Ἀρτιήσα) и Гезихию (Ἀρτιήσασαν. Οὐρανίαν Ἀφροδίτην ὑπὸ Σκυθῶν), скифское имя греческой богини Афродиты Урании. Анализ затруднен обилием вариантов написания: Ἀρίπλασα (ABCT), Ἀρύπλασα (PDRV^{ac}), Ἀρτίπλασα (SV^c), Ἀρίπλασα (M), Ἀρτιήσα (Гезихий). Чтение Ἀρτιήσα как исходное восстанавливает Розен, основываясь на Гезихии и полагая, что содержащаяся в рукописи последнего форма Ἀρτιήσα (в форме аккузатива Ἀρτιήσασαν) произошла из Ἀρτιήσα, а варианты, представленные в рукописях труда Геродота, обусловлены тем, что переписчики старались подогнать это «верное, но труднейшее чтение» (*illam veram sed difficillimam lectionem*) под греческие имена (Rosén 1987: 384) (о возможности использования дигаммы в рукописях Геродота см. ниже, примеч. 78 s.v. *Γοιτόσυρος). Если придерживаться этого чтения, можно думать об иранской форме **Arvimāyāsā/ū-* (< **Arvi-Māya-Āsā-/Asū-*) (ср. авест. *auriua-* ‘быстрый, храбрый’, в т.ч. как эпитет божества или мифологического персонажа, здесь с окончанием женского рода; авест. *māiīā-* ‘волшебная сила’; третий элемент можно предположительно сравнивать с авест. *asu-* ‘быстрый’ или с древнеиндийским *āsā-* ‘надежда’, в том числе как личное имя). Если принимать чтение с Ἀρτι-, первый элемент можно сопоставлять с именем авестийской богини *Aṣi-* (< *Arti-*). Чтение с Ἀρύ-, согласно Гумбаху (Humbach 1960: 324 f.) возникло под влиянием этнонима аргипеев. См. также Vasmer 1923: 14; Mayrhofer 2006: 11, с литературой. Так или иначе, любые этимологии остаются гадательными, и важнее тот факт, что в имени богини, как и в имени другого божества, Гойтосира (см.), отражен интервокальный *-s-*, который в иранском восходил к **s̄*, давшему в скифском *θ*. Видимо, эти имена (и образы их носителей) были заимствованы скифами у других иранцев, с которыми они контактировали в Северном Причерноморье.

Ἀριάντας Скифский царь (Hdt IV 81). Первый элемент имени, видимо, передает иранское **ar(i)ya* ‘арий, арийский’ (ср. ЭСИЯ 1: 222–223). Сложнее обстоит дело со вторым. Фасмер, считая его суффиксом *-vant*, образующим имена с посессивным значением, предположительно восстанавливал форму *Ariyavant-* ‘Обладающий арийскими свойствами’ (Vasmer 1923: 12). Такое объяснение не учитывает, что в номинативе и вокативе имен на *-ant-* конечный *t* в индоиранских языках отпадал, а косвенную основу греки вряд ли заимствовали бы. Сохранение *t* объясняют тематизацией основы, т.е. ее переходом в продуктивный тип основ на *-a* (Schmitt 1967: 129, примеч. 74; Idem 2003: 4), забывая при этом, что то же объяснение приходится давать и для древ-

неперсидских имен, а в древнеперсидском, хотя тенденция к тематизации основ на согласный и существовала (ср. родительный падеж ед. числа от *tunuvant-* ‘сильный, мощный’: *tunuvantahya*, по образцу основ на *a-* – DNb, 9), в Nom. sg. такого вроде бы не было; ср. именительные падежи уже упомянутого *tunuvant-* (*tunuvā*, DNb, 10), имени Ксеркса *Xšayāršān-* (*Xšayāršā*) и др. Кроме того, возможно, что в скифском **-nt-* > *-d-* (см. выше). Учитывая, что греческим *-vt-* могло также передаваться иранское *-nd-* (ср. передачу древнеперсидского *Vīⁿdafarnah-* греческим *Ἰνταφέρνης/Ἰνταφρένης*), что элемент *-ant-* в именах типа *Ἀριάντας* мог передавать скифское **-anda-* (ср. s.v. *Κολανδάκης*, а также имя персидского сатрапа *Ἀρυάνδας* у Полиена [VII 11, 7; VII 34; VIII, 47]). Относительно значения этого гипотетического элемента остается только гадать. Он может быть родствен древнеиндийскому *ándhas*, греч. *ἄνθος* ‘росток; цветок’ (ср. s.v. *Σπαργαλείθης* (Hdt. IV 76, 78) или греч. *ἄθρη* (вар. *ἄνθέρηξ*) ‘ость; сечка; острие’.

Ἀριαπίθης (Hdt. IV 76, 78) Ариапиф, имя скифского царя, отца Скила и Октамасада. Первый его элемент, как и в предыдущем имени, передает иранское **ar(i)ya* ‘арий, арийский’, а второй представляет собой рефлекс общеиранского **paiša-* ‘вид’, ‘обличье’ с переходом **ś > θ*, а не с регулярным для прочих восточноиранских развитием **ś > s*⁷¹ (отраженным в имени массагета *Σπαργαπίσης* [Hdt. I 211, 213]) (Грантовский 1970: 162 = Грантовский 2007: 184). Правда, Фасмер (Vasmer 1923: 12) предположил, что *-θ-* в этих именах у Геродота появился под влиянием греческих имен с элементом *-πείθης* (*Διοπείθης* и т.п.), и с ним согласились Э. Швицер (Schwyzer 1968: 206) и Р. Шмитт (Schmitt 2002: 149; 2003: 5) (я не даю ссылок на посвященную скифам работу Пино, так как ее автор не предлагает собственных этимологий, ссылаясь на труды Майргофера и Шмитта: *La plupart des mots qui suivent sont empruntés aux bilans qui ont été dressés récemment par R. Schmitt «Die skythischen Personennamen bei Herodot», Annali. Università degli Studi di Napoli «L'Orientale»* 63, 2003, p. 1-31, et M. Mayrhofer, *Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben*, Vienne, 2006. Ma liste constitue un choix des termes les plus remarquables et les mieux établis – Pinault 2008: 108, note 10). Но поскольку слова, в которых праиранская фонема **ś* дает **θ* (и далее *t*), без какого бы то ни было греческого посредства вошли в осетинский (*færaet* ‘топор’ из **paraθu-* < **paraśu-* и пр.) (Абаев 1949: 138–143), где их, видимо, следует трактовать как скифские за-

⁷¹ Грантовский 1970: 162 = Грантовский 2007: 184.

имствования (регулярным рефлексом *ś в осетинском является *s*), объяснение *-θ-* в именах Ариапифа и Спаргапифа как регулярного скифского рефлекса общеиранского *ś представляется более вероятным.

Ἀριμαστοί (Hdt. III 116, IV 13, 27). Название мифического народа одноглазых людей (Ἀριμαστοὺς ἄνδρας μονοφθαλμοὺς – Hdt. IV 13). Согласно Геродоту, слово это скифское: ἄριμα по-скифски означает ‘один’, а στοίθ ‘глаз’ (IV 27). Первую часть сравнивали с иранским **arima-* с предположительным значением ‘одинокий’ (на основании авестийского *airime-*, понимавшегося как ‘одинок’, и осетинского *aermæst* ‘только, лишь’), а вторую – с авестийским *spas-* ‘соглядатай’ (впервые у Мюлленгофа [Müllenhoff 1866: 554–555 = 1892: 104–105], который, однако, как и Цейс [Zeuß 1837: 299, Anm. *], считал такое объяснение неправомерным, в отличие от Маркварта [Marquart 1896: 92, 241]). Как неоднократно отмечалось, авестийское наречие значит не ‘одинок’, а ‘спокойно’. Многие считают, что Геродот пал жертвой чересчур рьяного этимолога из числа своих информантов (Humbach 1960: 323), и ищут во второй части имени аримаспов иранское *aspa* ‘конь’. Такие попытки делались еще в начале позапрошлого века: Цейс (Zeuß 1837: 299) сравнил элемент *-μαστοί* в этнониме аримаспы с названием персидского племени маспиев (Μάστοι, вар. Μάσπειοι [D], Μάστοι [RSV]⁷² – Hdt. I, 125), которое Гумбах убедительно истолковал как ‘обладающие лошадьми’ (Humbach 1968). В таком случае все слово можно было бы переводить как ‘арии, обладающие лошадьми’. Мюлленгоф (Ibid.) возводил имя аримаспов к *aryama*⁷³ + *aspa* и переводил ‘обладающие послушными конями’. Non liquet. См. Vasmer 1923: 12; Mayrhofer 2006: 10, с литературой.

Ἀρίπασα см. *ἈρΓιμήσασα

Ἀρίπασα см. *ἈρΓιμήσασα

ΑΡΙΧ(Ο) Надпись на реверсе ольвийских монет (дельфинов и ассов) V в. до н. э. (Алексеев 2003: 209, примеч. 162, 232–233, 292, примеч. 256, с литературой; Фролова, Абрамзон 2005: 41–42, 47–49, 248–249, Табл. 3.5–4.4, 256–267, Табл. 10.1–21.3). Подобно имени Эминака (Εμίνακο, q.v.), может быть именем скифского царя или наместника в Ольвии, хотя и в этом случае не обязательно является скифским по происхождению (ср. ниже об имени Тимна, s.v. Τύμνης). Если имя скифское, элемент *Αρι-* может передавать иранское **ar(i)ya-* ‘арий’. Правда,

⁷² Любопытно, что в качестве курьеза последнее чтение (если предположить, что в протографе приводились варианты этнонима) можно воспринимать не как ошибку переписчика, а как собственно персидскую форму (от древнеперсидского *asa* ‘конь’, отличного от мидийского *aspa*).

⁷³ Так в издании 1866 г. В издании 1892 г. – *aryama*.

ожидалось бы скорее Ἀρια-, как в именах Ἀριάντας и Ἀριαλείθης, но передача иранского *-ya-* йотой возможна (Schmitt 1978: 28, 39, 43, Anm. 57). Хи в интервокальной позиции, опять-таки если имя скифское, скорее всего передает иранское *-x^h-* (ср. ниже, s.v. Αὐχάται). Можно ли считать вторую часть имени гипокористиком от иранского **x^han-/*x^har-* ‘солнце’ или **x^haitu-* ‘род’? Non liquet.

Ἀρπόξαις (Hdt. IV 5, 6) Арпоксай, средний сын прародителя скифов Таргитая, предок катиаров и траспиев. Еще П.Й. Шафарик (1836: 236) отметил, что вторая часть имен трех братьев – *-ξαις* – есть не что иное, как иранское **xšaija-* ‘власть’. В.И. Абаев (1949: 242) сравнил первый элемент имени Арпокся с осетинским *arf* ‘глубокий’ (<**āpra-*) и перевел все имя как ‘владыка вод’, однако метатезы **pr > rp* не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάναπρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης, q.v.), следовательно, первая часть имени Арпокся не может восходить к слову **āpra-* ‘глубина’. Ф. Корнильо (1981a: 18) сближает первый элемент имени Арпокся с древнеиндийским глаголом *arpay-* ‘устанавливать, утверждать’. Однако древнеиндийская форма – каузатив от корня *ar/ṛ* при помощи суффикса *-raya-*, а для иранского характерен лишь каузативный суффикс **-aya-*. Каузативные суффиксы с элементом, восходящим к *-p-*, засвидетельствованы только в языках, прямо или опосредованно контактировавших с индоарийскими (хотанское *-ev-*; ваханское *-[y]v-*, *-[y]w-/ovd-*, *owd-*; афг. *-aw-*; мунджанское *-ov-/evd-*; йидга *-iw-*; парачи *-ēw-*; ормури *-aw-*), и потому соответствующую праформу обычно считают старым индоарийским заимствованием (Стеблин-Каменский 1999: 456). С другой стороны, есть основания полагать, что глагольный элемент *-p-* не является индоарийским новообразованием, поскольку встречается, например, в литовском (Барроу 1976: 334). Не исключено, следовательно, что и в скифском мы имеем дело с архаизмом, так что гипотеза Корнильо имеет право на существование. То же относится к его сравнению с авестийским корнем *rap-* ‘помогать, оказывать поддержку’, который, видимо, не имеет отношения к древнеиндийскому *arpay-*, но может быть связан чередованием *ar-/ra-/ṛ-* (ср. Bailey 1960: 76; Tremblay 1998: 198–201) со скифским **arp-* (ср. ольвийское личное имя Ῥαλάκης – Vasmer 1923: 49), хотя Шмитт эту этимологию отмечает с порога (Schmitt 2003: 7, п. 21). Первую часть имени Арпокся можно также считать именным производным от корня **Har-/Hṛ-* – ср. древ-

неиндийское *ṛbhú-* ‘умелый’, которому в иранском должно было соответствовать **arbu-*, сопоставимое с Ἀρλό- (иранские звонкие в сочетании согласных в инлауте могут передаваться греческими глухими: Виндафарна – Интаферн) (Кулланда 2006: 205). Относительно сочетаемости двух элементов имени ср. древнеиндийское *ṛbhukshán* ‘Владыка Рибху’, эпитет ряда божеств. Вопреки сомнениям Майргофера (EWAia I: 259–260), возможно и сопоставление *ṛbhú-* (и, соответственно, первой части имени Арпокся) с германским **albi/a* ‘эльф’: эльфы, как и Рибху, считались искусными ремесленниками, ткачами и кузнецами – см. Kluge – Seebold 2002: 28). Имя со значением ‘Владыка умелых’ могло принадлежать родоначальнику производителей материальных благ, что, впрочем, не отменяет неизбежной умозрительности этимологии. Учитывая, что греческая анлаутная альфа с тонким придыханием закономерно передает, помимо всего прочего, иранское *ha-*, фонетически возможно предложенное Майргофером возведение к незасвидетельствованному иранскому **harpa-* ‘змея’ (ср. др.-инд. *sarpá-* ‘id.’) (Maughofer, 2006: 11), но неясна семантика (в связи с матерью, полудевой-полузмейей?). Наконец, можно возводить имя Арпокся к сочетанию иранских корней **har-* ‘заботиться, беречь, охранять’ (ср. авест. *har-* ‘заботиться’; подробнее см. ЭСИЯ 3: 367–369; Cheung 2007: 129–130) и синонимичного **paH-* (Cheung 2007: 288–289), возможно, в виде производного на *-van* (ср. др.-перс. *-pāvan-*, именительный падеж *-pāvā-*), что объяснило бы греческое омикрон (из иранского **-ava-*), с примерным значением ‘охраняющий [и] стерегущий’ (видимо, скот – ср. предполагаемую этимологию слова Τράσλιες). Non liquet. См. Schmitt 2003: 6–7; Maughofer 2006: 10–11, с литературой.

Ἀρτιηασα см. Ἀρτιήασα

Ἀρτίπλασα см. Ἀρτιήασα

Asguza см. Σκύθης.

Ašguza см. Σκύθης.

Ἀτέας Атей (у латинских авторов *Atheas*), скифский царь, известный не только из Страбона (VII 3, 18), Юстина (IX 2) и прочих греческих и латинских авторов, но и по находкам монет с его именем. Согласно Фасмеру (Vasmer 1923: 12–13), от иранского **hat/θja-* ‘истинный’ (см. ЭСИЯ 1: 92). Не вполне согласуется с такой этимологией только легенда на монетах: ΑΤΑΙΑΣ, предполагающая дифтонг во втором слоге, но, как уже отмечалось, полной регулярности фонетических соответствий в подобных случаях ожидать не приходится. Прочие этимологии, сравнивающие имя Атея

с авест. личным именем *Āθβīia-* (Vasmer 1923: 13, с ошибочной ссылкой на Юсти, у которого такого сравнения нет) или с др.-инд. *átya-* ‘конь; скакун’ (Müllenhoff 1866: 560 = 1892: 111), менее убедительны.

Αὐχῆται (Hdt. IV 6) – скифская «каста» (точнее, «варна» или «пиштра»), или наследственная социальная группа, ведущая начало от Липоксая, старшего сына прародителя скифов Таргитая, и потому явно жреческая (Грантовский 1960: 10–13; Берзин 1986: 46; Кулланда 2006b). В.И. Абаев (1949: 186 = 1979: 307) предложил (с вопросительным знаком) этимологию из иранского **vahu* ‘хороший, добрый’⁷⁴ + показатель множественности **-ta*. С.Р. Тохтасьев (2005: 74, примеч. 85) отклоняет ее на том основании, что в греческом «ожидалось бы что-то вроде *Αὐχο(υ)ται*». Это не совсем верно, учитывая, что нам неизвестны скифские слова, где иранский *h* передавался бы греческим хи. В анлауте он в скифском, как во многих других восточноиранских, переходил в \emptyset , чему в греческом соответствует тонкое придыхание; инлаутных примеров, насколько мне известно, нет, но есть все основания предполагать, что и в интервокальной позиции иранский *h* в скифском, как в пашто, мунджанском и бактрийском (Эдельман 1986: 100) давал \emptyset . Возможно, абаевскую этимологию стоит несколько видоизменить, предположив, что скифскому **va(h)u* соответствует греческое *Αὐ-*, а вторая часть греческого слова передает скифское **x^haitu-* (ср. староавест. *x^aaētu-* ‘семья; род’) (см. также s.v. *Γοιτόσυρος). Все слово означало бы тогда ‘благый род’ или ‘[принадлежащие к] благому роду’. Соответствие иранских *ai* и *u* альфе нерегулярно, но на греческую передачу мог повлиять, в частности, упоминаемый Тохтасьевым (loc. cit.) греческий суффикс *-ᾶῖᾱ-* (Schwyzer 1968, I: 500)⁷⁵. Гумбах (Humbach 1960: 322) предлагал возводить имя авхатов к иранскому **ava-hāta* ‘развязанные’, что сомнительно фонетически (ср. выше об отсутствии примеров передачи скифского *h* греческим хи) и семантически. См. также Maurhofer 2006: 11, с литературой.

ΑΧΑΞΗΣ «[В]ладельческое граффито на дне чернолакового аттического килика (котилы) из женского погребения в кургане середины – 2-й половины V в. до н. э. на некрополе Нимфея» (Тохтасьев 2015: 890, с литературой). Трактуется как родительный падеж женского рода (Ibid.: 891). С.Р. Тохтасьев (с резонной оговоркой «Если имя скифское») сопоставляет первую часть слова с иранским **haxā-* ‘друг’ (Ibid.), что представляется убедительным. Далее он пишет, что «[м]алая протяжен-

⁷⁴ Что Э.А. Грантовский толковал как ‘благие’ в религиозном и моральном смысле, приводя в подкрепление такой этимологии наименования жрецов-авхатов название наследственной жреческой касты в древней Армении – *Vah-ounik’* (< от иранского *vahu-*) (Грантовский 1960: 6–7).

⁷⁵ Относительно предполагаемого скифского *ai* ср. приводимые Плинием (NH, IV 88; VI 22) формы *Auchaetae*, *Auchetae* и т.п.

ность имени заставляет воздержаться от интерпретации оставшегося $^{\circ}(\alpha)\xi\eta$, хотя, в принципе, не исключена связь с глагольной основой *axš-, *āxš- (в современной реконструкции *Haxš- ‘сторожить, присматривать’, ср. Cheung 2007: 171. – С.К.) ‘наблюдать, замечать’...» (Ibid.). Добавлю, что возможна и связь конечного элемента имени с корнем *xšaH- ‘править, управлять’.

Βορυσθένης (Hdt. IV 5, 17, 18, 24, 47, 53, 54, 56, 71, 81, 101; Strab. VII, 3, 17–19, и пр.) (вар. **Βαρυσθένης** – А) Борисфен, скифское название Днепра. Традиционно, начиная с Мюллентгофа (Müllenhoff 1866: 572 = 1892: 122), трактуется как иранское *varu-stāna- ‘широкое место’, с подстраиванием второго элемента под распространенные греческие антропонимы на -σθένης, от σθένος ‘сила’ – Шрамм 1997: 67). Однако эта этимология, как и приводимая Г. Шраммом (Там же) этимология В. Шмида (к *vār-ustāna ‘протяженная [ustāna] вода [vār]’) и предлагаемая А. Ломой (Лома 2010: 12, примеч. 14) этимология *varu-θana- или *varauš-θana- ‘пойма [реки] Вару’, не учитывает, что в таком случае в греческой передаче первого элемента ожидалось бы что-то вроде *Ο(α)ρυ⁷⁶, а начальная бета заставляет думать об иранском слове с инициальной b⁷⁷ (по этой причине сомнительны и этимологии Бранденштейна [Brandenstein 1953–55: 189]: *paru-stana- ‘мощно ревущий’ и Шедера [Humbach and Faiss 2012: 2]: *uaru-fstānā- ‘полногрудая’, предполагаемый эпитет скифской богини реки). Таковым могло быть *bauru- ‘бобр’ (видимо, по окрасу; ср. авест. тематизированное βαβρα-, βαβρι- ‘бобр’, др.-инд. babhrū- ‘красно-коричневый, гнедой’, bābhru-ka- ‘вид мангуста’ – древнеиндийская семантика понятна ввиду отсутствия в Индии бобров) (см. подробно ЭСИЯ 2: 151–154, ср. также ниже). Что до бобров в бассейне Днепра, их кости обнаружены в культурном слое приднепровского Каменского городища в современной Запорожской области (Граков 1954: 143; он же 1971: 47). Этимология *bauru-stāna- ‘место[где водится] бобр’ представляет интерес в связи с именем скифской богини Апи (см. s.v. Ἀπί) ‘Водная’, сопоставимым с одним из имен (Ἄρ- ‘Вода’) авестийской Ардви Суры Анахиты, которая в Авесте описывается облаченной в одеяние из бобровых шкур (см. выше, примеч. 46). К тому же этимону возводит первый компонент гидронима Βορυσθένης М.Д. Бухарин, предпочитающий, однако,

⁷⁶ И такая форма действительно встречается у Геродота (IV 123–124): это название одной из больших рек, впадающих в Меотиду – Ὀαρος, явно из иранского слова, начинающегося на *var-, независимо от того, возводит ли иранское название к *varu- ‘широкий’ или *vār- ‘вода’ (формы, на основании которых реконструируются данные этимоны, см. s.v. Ὀαρος; см. также Бухарин 2013: 53).

⁷⁷ Как справедливо отмечал Шрамм (1997: 66), «[р]анный греческий В- не мог служить для передачи услышанного иноязычного W-, равно как и греч. -ο- не мог передавать -a-». Едва ли можно объяснять начальную бегу и влиянием народной этимологии (к греческому βαρὺς ‘тяжелый’) – в таком случае ожидалось бы преобладание варианта Βαρυσθένης, а он встречается единожды.

значение ‘желтый’. В качестве аналогий он приводит современные названия рек в бассейне Днепра: Жовта, Жовтенька; ср. также название города Желтые Воды (Бухарин 2013: 53–55). Единственное возражение против такой трактовки – отсутствие в иранских языках форм на *u-* от данной основы в качестве цветообозначений, хотя это и не может считаться решающим аргументом. Объяснение Г. Шрамма (якобы от названия Днепроовско-Бугского лимана, восходящего к индоевропейскому этимону, давшему нем. *Brust* ‘грудь’ и т.п., поскольку для обозначения морского залива использовались слова со значением ‘грудь’ – ср. нем. *Busen* и т.п.), которое сам автор оценивает как «сугубо предположительное» (Шрамм 1997: 68), невероятно ввиду полного отсутствия рефлексов соответствующего этимона в индоиранском. **Γελωνοί** (Hdt. IV 102, 108, 109, 120, 136, а также 119, где упоминается Гелон в значении ‘царь гелонов’) Этноним, якобы от имени среднего сына Геракла и змееногой богини Гелона (Γελωνός) (Hdt. IV 10), брата Агафирса и Скифа. Может и не быть скифским, но подозрительно наличие *-l-*, характерного для скифского языка (при свойственном иранским в целом ротацизме). Ф. Корнильо (Cornillot 1981a: 31–40, особенно 39) возводил к **gardana-* (с переходом *rd > l*, наблюдающимся не только в персидском, но и в некоторых юговостоочноиранских, в частности, в мунджанском и йидга) с предполагаемым значением ‘скрепа ярма’, сравнивая с одним из упавших, по скифской генеалогической легенде, с неба даров: золотым плугом с ярмом (ἄροτρον τε καὶ ζυγόν) (Hdt. IV 5), который должен был предназначаться среднему брату как прародителю варны земледельцев и скотоводов. Если *-l- < *d*, можно сопоставить со староавест. *gaodāīyah-*, др.-инд. *gódhāyas-* ‘вскармливающий коров’, младоавест. *gaodāīiu-* ‘id.’ (с иной суффиксацией – **-ana* или **-anu* и метатезой **au – ai > ai – au?*). Гумбах и Файсс (Humbach and Faiss 2012: 10) возводят к иранскому **gaīa-dā-* (ср. авест. *gaiiō.dā-* ‘дающий жизнь’, эпитет Митры). Non liquet.

Γέρροι (Hdt. IV 71) Герры, этноним и/или топоним. Видимо, от названия реки Γέρρος, q. v.

Γέρρος Гидроним (Hdt. IV IV 19, 20, 47, 56) и топоним (IV 53, 56) в Скифии. Согласно Гумбаху и Файссу (Humbach and Faiss 2012: 10), вторая часть названия реки, возможно, была подогнана под греческое *ρός* ‘течение’, которое в качестве второй части сложных слов могло принимать форму *-ρρος*. В таком случае первая часть может восходить к самым разным иранским корням: **gaH¹* ‘двигаться’ (Cheung 2007: 93–94; ЭСИЯ 3: 267–271), **gar²* ‘поворачивать(ся), кружить’ (Cheung 2007: 104–105; ЭСИЯ 3: 184–187), **garH³* ‘увлажнять(ся), капать’ (Cheung 2007: 108–109; ЭСИЯ 152–156). Не исключено и

заимствование из реконструируемого субстратного индоевропейского языка, в котором иранским глухим смычным соответствовали звонкие (см. ниже s.v. *Távōis* и пр.). Тогда допустимо сравнение с индоевропейским **(s)ker-* ‘отрезать, отделять’, благо по Геродоту (IV 56) река Герр отделяет область кочевников от области царских скифов. *Non liquet*.

Γνόρος см. **Γνοῦρος**

Γνοῦρος (Hdt. IV 76), Γνόρος (D) Скифский царь, сын Лика, отец Анахарсиса. Об этимологиях Юсти (Justi 1895: 116, к армянскому *gini* ‘вино’ и иранскому *-bar* ‘нести’, ‘винокур’) и Трубочева (1979: 36 = 1999: 110–111 – к позднесанскритским, скорее всего неиндоевропейским *gaṇḍīra-* ‘некое овощное растение’ или *gārjara-* ‘морковь’ – справедливую критику см. в Грантовский, Раевский 1984: 56) Р. Шмитт с полным основанием пишет, что их лучше всего обойти молчанием (Schmitt 2003: 7–8). Если не удержаться от искушения все-таки предложить иранскую этимологию, можно вспомнить о корне **gan-/gn-* ‘бить, убивать’ с суффиксом **-ura* (ср. др.-инд. суффикс *-ura*) (Кулланда, Раевский 2004: 95, примеч. 77) (?). *Non liquet*.

Γοιτόσυρος см. ***Γοιτόσυρος**

***γωρῶτός** Горит, или саадак/сагайдак, чехол для лука и стрел. Греческое слово, впервые встречающееся в «Одиссее» (XXI 54). Считается иранским заимствованием, но о его иранском источнике единого мнения нет. Поскольку оно не засвидетельствовано в микенском, могло быть заимствовано не из общеиранского, а непосредственно из скифского. Бенвенист (Benveniste 1937: 42 ff.) выводил из иранского **gau-rūta/rauta*, где первый элемент считал обозначением быка или коровы, а второй – общеиранским словом со значением ‘кишки, внутренности’ (ср. авест. *uruθβan-*, *uruθβar-* ‘внутренности, брюхо’, перс. *rūda* ‘кишка’, осет. ирон. *rūd*, диг. *rod* ‘толстая кишка, колбаса’ и пр.), которое в данном случае предлагал понимать как голье, т.е. шкуру, вывернутую наизнанку, переводя все слово как ‘бычья/коровья шкура’. Объяснение безупречно фонетически, но семантический переход ‘внутренности – шкура’ несколько натянут, поэтому Беекес (Beekes 2010, I: 294) предпочитает этимологию А.М. Лубоцкого – из иранского **varūtra-* ‘прикрытие’, с переходом **v- > g-*, как в среднеперсидском. Такое объяснение, однако, сомнительно фонетически, поскольку нам известна более поздняя греческая передача скифских слов, явно начинавшихся с **v-*, где никаких следов перехода *v > γw > g(w)* нет (например, имя Ὀρικός, q. v.). Этимология Бенвениста приемлема, если чехлы для лука изготавливались из внутренностей, что возможно: так, чукчи, эскимосы, тлинкиты делали сумки и непромокаемую одежду из внутренностей морских животных, а одна из функций горита состоит в предохранении лука и стрел от сырости.

***Γοιτόσυρος** (Hdt. IV 59) Имя скифского божества, соответствовавшего греческому Аполлону. Рукописи дают форму *Οιτόσυρος*. Чтение *Γοιτόσυρος* восстанавливается на основании формы Гезихия *Γοιτόσυρος* (*Γοιτόσυρον. τὸν Ἀπόλλωνα. Σκύθαι*) (см. Rosén I: 384)⁷⁸. Маркварт (Marquart 1896: 90), принимая чтение *Γοιτόσυρος*, возводил к **gaitosūra-* ‘богатый имуществом (или скотом)’, сравнивая с авест. *gaēθā-* ‘имущество, добро’ и *sūra-* ‘мощный, сильный’. Толкование **vāta-sura* ‘владыка ветер’ (Алексеев 1980; Яйленко 2005: 505) не объясняет вокализма греческого [F]οιτό-. Если исходить из формы ***Γοιτόσυρος**, первую часть сложного слова скорее можно возводить к **x^vaitu-* (ср. староавест. *x^vaētu-* ‘семья; род [как социальная единица]’) (предполагаемое различие в передаче иранской фонемы *x^v* в словах *Γοιτόσυρος* и *Ἀρχάται* [q.v.] можно объяснять позиционно, в зависимости от ее нахождения в начальном или интервокальном положении. Если имя исконно скифское, его вторую часть нельзя возводить к иранскому **śūra-*, поскольку скифский *s-* перед гласным не мог восходить к иранскому **ś*, давшему в скифском *θ*. Зато, судя по авестийским, древнеперсидским, ваханским и пр. аналогиям, перед полугласными **ǰ* * и **ǰ* **ś* мог сохраняться⁷⁹), что позволяет сопоставить элемент -

⁷⁸ С.Р. Тохтасьев (2005а: 306, примеч. 106) безапелляционно заявляет: «совершенно неправдоподобно, что Г стоит вместо дигаммы, как предположил Калленберг, а за ним Х. Розен (ed. Hdt, 1987)». Аргументация у автора приведенного высказывания отсутствует, но можно предположить, что имеется в виду отсутствие фонемы *ǰ* и передающей ее дигаммы во всех разновидностях ионийского диалекта, включая ту, на которой писал Геродот (на это обратил мое внимание при обсуждении моего доклада на Чтениях памяти И.М. Тронского 25 июня 2013 г. Н.Н. Казанский, также считающий невозможным появление дигаммы в рукописях Геродота). Однако дигамма, не употреблявшаяся при записи собственно греческих слов, вполне могла использоваться для записи иноязычных фонем, подобно тому как в греко-бактрийском письме буква сан, вышедшая из употребления в греческом в VI в. до н. э., была применена в начале нашей эры для записи звука *š* (Стеблин-Каменский 1981: 318). О том, что дигамма была известна ионийцам, свидетельствует ее наличие в т. н. «милетской» алфавитной системе цифровых обозначений. По мнению исследователя древнегреческого письма Л. Джеффри, сохранением своего порядкового номера в системе дигамма, возможно, была обязана ограниченному использованию в поэзии (она встречается в ямбической строфе надписи с Наксоса) (Jeffery 1961: 289). Кроме того, ионийцам были известны и иные разновидности греческого письма помимо их собственного, что явствует хотя бы из пассажа Геродота V 58–59, где, в частности, сказано: εἶδον δὲ καὶ αὐτὸς Καθίηνα ὑράκιατα... («И сам я видел кадмейские письмена...»). Нужно, наконец, иметь в виду, что Геродот был дорийцем, хотя и писал по-ионийски.

⁷⁹ В большинстве иранских языков (кроме хотанского и ваханского) глайд *ǰ* в этой позиции обычно переходил в *p*: ср. папшо *spai* ‘собака’ < **spaka-* < **śyaka-* и пр., но встречаются и исключения с развитием **śy- > š/s*. Двойное отражение возможно в том числе в рамках одного языка: так, в осетинском «наряду с обычным **śy > *sp > fs* встречаются примеры **śy- > s* перед **i* [то же перебой наблюдается и перед **a*, правда, в словах, отражающих исконный **sp*, не восходящий к **śy* – ср. осет. *soj/sojne* ‘топленный жир’ < **spāna*, ИЭСОЯ III: 130-131. – С.К.].» (Эдельман 1986: 85) (видимо, то же имело место в скифском). Исключения объясняют «колебаниями в огласовке **ǰ*» (Ibid.), но надо признать, что объяснить причины этих колебаний пока не удается.

συρος с младоавестийским *sūr-* (ступень чередования **śyah-*) ‘утро’ и переводить все имя как ‘[Принадлежащий] к утреннему роду’, что вполне соответствует образу двойника греческого бога света. Не исключено, впрочем, что скифы заимствовали имя (и, очевидно, образ) этого божества (и ряда других – ср. s.v. **ἈρΓιήσα* и **Θαμιασάδας*) у какого-то иного иранского народа.

EMINAKO Надпись на аверсе ольвийских статеров V в. до н. э., представляющая собой родительный падеж от имени Ἐμίνακος или Ἐμινάκης с характерной для северопричерноморских надписей V–IV вв. до н. э. заменой несобственного ου на омикрон⁸⁰ (о находках монет Эминака см. Карышковский 1960; Лейпунская, Назарчук 1991 а; Они же 1991 б; Ивченко 2013). Возможно, причастное образование от индоиранской глагольной основы **min-* ‘уменьшать(ся)’ (от индоевропейского **min(e)h₁-*, ср. древнеиндийское *mināti*, греч. μινύθω, лат. *minuere* ‘id.’) с суффиксом *-ka*, широко представленным в иранских именах собственных и нарицательных, – **minaka*, непосредственным рефлексом которого является осетинское иронское *munæg*, дигорское *minæg* ‘тусклый; затухающий; слабый’ (ИЭСОЯ II: 140), с **a-* привативным⁸¹. Соответственно имя, дошедшее до нас в форме Ἐμινάκος⁸², должно было звучать в скифском как **Aminaka-* и означать ‘Неслабеющий; Немеркнувший’. Последнее значение, восстанавливаемое на основе семантики осетинского рефлекса, небезынтересно в связи с иранскими представлениями о фарне как божественном сиянии царя. Именно в связи с характером царских имен менее вероятной представляется фонетически и семантически столь же убедительная альтернативная этимология имени Ἐμινάκης: к иранскому **Haminaka-* ‘Летний’ (или ‘Осенний’ – ср. авестийское *hamina-* ‘летний’, среднеперсидское *hāmīn-* ‘осень’, пашто *mānu* (< *hamīnaka*) ‘осень’, с указанием на время рождения носителя имени. См. подробно Кулланда, Раевский 2004.

ἐνάρεες см. **Ἀνάριεις**.

⁸⁰ Об этом явлении см., в частности, составленный А.И. Доватуром грамматический очерк боспорских надписей – КБН: 801, § 4, 2. Правда, там речь идет только об именах II склонения с основой на о, но то же характерно и для имен I склонения с основой на а.

⁸¹ Относительно передачи скифского а- привативного через греческое эпсилон ср. наименование скифских жрецов-андрогинов: греч. ἐνάρεες (Hdt. I. 105) и Ἐνάριεις (Hdt. IV 67) из скифского **a-larya* ‘не мужественные’: см. выше, s.v. Ἀνάριεις.

⁸² В.П. Яйленко (Яйленко 1980: 79, № 69а) приводил вариант Εμίνακος как менее вероятное прочтение ольвийского граффито первой четверти V в. до н. э. – EIMINA- (наиболее правдоподобным он считал чтение εἰμί Να), но даже принятие такого чтения не ставило бы под сомнение предлагаемую этимологию, поскольку, как отмечал сам В.П. Яйленко, через εἰ могло передаваться эпсилон (Там же).

Ἐνάρεις см. **Ἀνάριεις**.

Ἐξαμπαῖος (Hdt. IV 52, 81) Согласно Геродоту, горький источник в Скифии, называемый по-скифски Экзампей, а по-гречески – Священные пути (Ἰραὶ ὁδοί). Маркварт (Marquart 1896: 88 ff.) сравнивал с иранскими **srapta-* ‘священный’ и **pāyah* ‘пути’ < **pahayah* < **paθayah* (реконструированная им форма множественного числа от *paθi-* ‘путь’; предполагается, что в скифском интервокальный **-θ- > -ϕ-*). Витчак (1992: 58), также исходя из греческого перевода, трактовал скифское название как **Yakšām-pāyah* ‘Пути якшей (полубожественных существ индийской мифологии)’. Трубачев (1977: 19 = 1999: 62–63), считая, что греческое название – не перевод скифского, а наименование горького источника, выводил последнее из индоарийского **a-kṣama-paja* ‘непригодная вода’ (ср. др.-инд. *kṣamá-* ‘подходящий, пригодный’ – правда, это позднее значение, с эпохи классического санскрита, а изначальное ‘терпеливый’, ‘снисходительный’ – и *pāyas-* ‘молоко, сок, живительная влага’, откуда позднее значение ‘вода’), приводя в поддержку своей гипотезы современное название одного из притоков Южного Буга – Мертвые Воды, чья вода солона и непригодна для водопоя скота. Этимология достаточно правдоподобна, с той лишь оговоркой, что ее не обязательно считать индоарийской, поскольку в иранском есть соответствующий древнеиндийскому *kṣam-* корень **xšamH-* (староавест. *xšqm̥nē* ‘довольствоваться’ и т.п.; см. Cheung 2007: 453) и соответствующее древнеиндийскому *pāyas-* слово со значением ‘молоко’ (авест. *paiiāh-* и т.п.), а в связи с тем, что сказано выше о значении древнеиндийского *pāyas-*, теряет силу аргумент Трубачева, придававшего большое значение отсутствию в иранском значения ‘вода’. В древнеиндийском оно развивается достаточно поздно, так что вполне могло вторично развиться и в иранском скифском⁸³.

Εὔξεινος πόντος (вар. **ἄξεινος πόντος**, **ἄξενος πόντος**) ‘Гостеприимное (вар. ‘негостеприимное’) море’, греческое название Черного моря. Считается, согласно Фасмеру, народноэтимологическим преобразованием иранского **axšaina-* ‘темный’ (ср. авест. *axšaēna-*, др.-перс. *axšaina-* ‘id.’) (Chantraine 1999: 386, с литературой) – ср. семантический параллелизм с современным названием. Недавно М.Д. Бухарин (2014) пред-

⁸³ Ср. у Грантовского и Раевского (1984: 57) «инд. *paуаḥ* и др. ‘молоко, питье, сок’ и т. п. по значению едва ли отличны от иранских соответствий, означавших не только молоко (основное значение и в индийском), но и иные напитки и жидкости... < **reǵ-* ‘литься, переливаться’ и проч. [в современной реконструкции иранское **paHʔ* < индоевропейского **peh₃(i)*. – С.К.]... что приложимо и к источнику; инд. *kṣam-*, *kṣama-* имеет соответствие в иранском *xšam-*, известном по древнейшему иранскому тексту – Гатам (Ys 29, 9) и по хотано-сакскому (Bailey 1979, 66 и след.). Так что эта этимология лишь увеличила бы фонд иранских имен из Скифии».

ложил иное, фонетически не менее правдоподобное объяснение: от предполагаемого иранского самоназвания царских скифов **huxšajā-* (из **hu-* ‘хороший’ и **xšajā-* ‘царственный’). Поскольку мы не знаем значения предполагаемого иранского названия моря, сказать что-либо определенное на сей счет сложно.

ζῆριν (вар. **ζηρίν, ζῆριν, ζῆριν**) По Лукиану (Тох. 40), слово, которое произносят, приходя к савроматам с выкупом за пленника, так что оно может быть и не скифским, а савроматским. Фасмер (Vasmer 1923: 39) связывал с иранским обозначением золота: авест. *zaraniia-*, осет. *zærin/zærīnæ* и пр., что представляется наиболее правдоподобным, хотя высказываются и иные мнения. Так, Хармон, издатель и переводчик Лукиана, считал, что слово «зирин» должно означать нечто вроде ‘брат’, ‘друг’, ‘посланик’ (Lucian 1955: 169, n. 1). Поскольку перевод неизвестен, право на жизнь имеет любая интерпретация, но в пользу перевода ‘золото’, а также принадлежности слова нескифскому языку свидетельствует аланское **ζῆρίν** в маргиналиях к средневековой греческой рукописи. Аланское слово встречается в словосочетании **ζῆρίν κάμ πάν**, т.е. «день (Иоанна) Златоуста», где **κάμ** соответствует осетинскому *kom* ‘рот, уста’, а **пán** – осетинскому *bon* ‘день’ (Engberg and Lubotsky 2003).

Θαυμασά см. ***Θαυμασάδας**

***Θαυμασάδας** см. **Θαμψασάδας** Принятая в наиболее авторитетных изданиях форма – конъектура, предложенная Г. Штейном. Она, однако, вызывает сомнения ввиду наличия **-γψ-**, нехарактерного не только для древнеиранского, но и для индоиранского, на что обратил мое внимание И.С. Якубович, поэтому я предпочитаю форму **Θαμψασάδας**.

Θαμψασάδας Согласно Геродоту (IV 59), скифское имя греческого бога Посейдона. Анализ затруднен обилием вариантов написания: **Θαυμψασά** (PDRSV), **Θαμψασάδας** (ABCT), **Θαμψασάδης** (M). При любом чтении фонетический облик имени представляет серьезные проблемы. Анлаутный согласный, видимо, восходит к общеиранскому **ś*, давшему скифский **θ** (общеиранский **θ* < индоиранского **th*, насколько можно судить, не встречался в начальной позиции), но в интервокальном положении между двумя **а** встречается **-s-**, скорее всего, иной рефлекс той же прафонемы **ś*, нехарактерный для скифского. Это противоречие можно попытаться объяснить, трактуя греческое **-σάδ-** как передачу сочетания согласных **-zd-** – хотя такая передача нигде не засвидетельствована и ожидалось бы скорее **-ζδ-**: ср. имя бактрийского кушанского божества **μοζδοοανο**, первая часть которого восходит к слову **mazda-* (Эдельман 1986: 106) или **miždwan-* (Sims-Williams 1997) (см. также Harmatta 1969:

359) (если возводить вторую часть имени к иранскому **mazda* – так у Миллера [1887: 131, с ошибочной ссылкой на Мюлленгофа] и Трубачева [1985: 140–143 = 1999: 199–201], против Фасмер [Vasmer 1923: 15] и Шмитт [Schmitt 2003: 13–14])⁸⁴, либо считая, что -σάδ- передает иранское *-*zat-* (если возводить вторую часть имени к иранскому **mazata* – так у Мюлленгофа [Müllenhoff 1866: 567 = 1892: 116], Фасмера [Ibid.] и Шмитта [Ibid.]), что, впрочем, кажется маловероятным, поскольку озвончение глухих происходит только в позднесарматском. Возведение элемента σάδης⁸⁵ (наличествующего и в боспорском царском имени Перисад, Παῖρσισάδης) к иранскому *šyati-* не вполне убедительно по той же причине, а также ввиду того, что выпадение -*y-* не бесспорно даже для позднесарматского (см. подробнее ниже, s.v. Σαυαῖος и Σάυμακος), хотя ничего лучшего пока не предложено и нельзя а priori исключать, что в некоем (не скифском и не сарматском) иранском (или ином арийском?) языке Северного Причерноморья (из которого происходят имена Перисад и Октамасад?) озвончение и выпадение глайда могли произойти рано. О.Н. Трубачев (1985: 140–143 = 1999: 199–201), также основываясь на рукописной форме Θαμίμασάδας, сравнивал с др.-инд. *tam-* ‘утомляться; обессиливаться; задыхаться’ (со ссылкой на примеры семантической эволюции ‘слабеть’ > ‘молчать’), что сомнительно, поскольку передача иранского *t* тетой не засвидетельствована, и *medhā-* ‘мудрость’ и возводил к гипотетическому индоарийскому **tami-mazd(h)ā-*, ‘Мудрый молчанием’. См. Mayrhofer 2006: 12, с литературой. Если считать, что Тамимасад, как и Октамасад (q.v.), имя арийское, но не исконно скифское, можно сопоставить с др.-инд. *śāmī-* ‘труд, священнодействие; жертвоприношение’ в аккумулятиве (*śāmīm*) и корнем *sad* с приставкой *ā* ‘властвовать’ (дословно ‘восседать’) и переводить ‘Властвующий над жертвоприношением’. Учитывая изложенное, к имеющимся этимологиям, в том числе и предлагаемой здесь, следует относиться с осторожностью.

Θαμίμασάδης см. ***Θαμίμασάδας**

θάψος (Hes., s.v. θάψινον) Скифское название растения, из которого изготавливали золотистую краску для шерсти и волос. Ср. в «Лексиконе» Фотия: Θάψος· ξύλον ᾧ ξανθίζουσι τὰ ἔρια τὰς τρίχας· ὁ Σαλφῶ Σκυθικὸν ξύλον λέγει («Тапс – дерево, которым красят в желтый цвет шерсть и волосы и которое Сапфо называет скифским деревом») – Латышев SC, том I, вып. 2-й, часть II, 1896: 321). Вичак (1992: 55) сопоставил с др.-инд.

⁸⁴ Хотя не исключено, что форма на -σάδας появилась под влиянием имени Октамасада, и следует ориентироваться на вариант с окончанием на -σά.

⁸⁵ Выделяемого, впрочем, сугубо гипотетически (ср. ниже).

śáspra- ‘молодая трава’, где предполагается метатеза, новоперсидским *sabz* ‘зеленый; незрелый; молодой (о растении)’ и пр., с характерным соответствием скифского *θ* древнеиндийскому *ś* и *s* большинства иранских языков. Этимология представляется достаточно убедительной.

Θισαμίται (IOSPE I², 32) Один из народов Северного Причерноморья. Начальная тета, видимо, передает скифский *θ* (из общеиндоиранского **ś*). Значит, срединный -σ- в греческой передаче не может передавать восточноиранский *s*, восходящий к индоиранскому **ś* (отражение двух диалектных норм внутри одного корня – нонсенс), а должен передавать иранский *š*, закономерно восходящий к индоиранскому **s* в позиции после **i* по так называемому «правилу RUKI» (в древнеиндийском индоиранский **s* в такой позиции закономерно давал *ṣ*). Фонетически подобная форма соответствует др.-инд. корню *śiṣ-* ‘оставлять; выделять’⁸⁶. Таким образом, слово Θισαμίται можно трактовать как производное от основы *θiṣ-* при помощи распространенных индоиранских суффиксов *-a*-⁸⁷ и *-ma*-⁸⁸ (сочетание обоих суффиксов в одном слове см., например, в древнеиндийском имени собаки богов *Sarāmā-* [f.]⁸⁹ и санскритском личном имени *Bharama*) с показателем множественности *-ta*⁹⁰ или как сложное слово *θiṣ-āmātā-* (если считать вторую часть причастием или отглагольным прилагательным на *-ta*; ср. авест. *ā-mā* ‘проявлять себя’), и переводить, учитывая аористный характер основы (в древнеиндийском корень относится к VII классу, и в основе презенса ожидался бы носовой инфикс), ‘оставившие; выделившиеся’. Это, в свою очередь, можно сопоставить с Геродотовым упоминанием отложившихся (*ἀποστάντες*) от царских скифов их сородичей.

Thyrsagetai см. **Θυσσαγέται**

Θυσσαγέται (Hdt. IV 22, 123), var. *Thyrsagetae* (Валерий Флакк, *Argonautica*, VI 135, 140). Неясно даже, были ли фиссагеты иранцами: единственный аргумент в пользу иранской атрибуции их имени – его сходство с этнонимом *Μασσαγέται*. В том числе по этой причине вызывает сомнения этимология В.И. Абаева: **Tura-sāka-ta* ‘Быстрые

⁸⁶ Относительно этого корня и других его возможных связей см. также ниже, примеч. 178.

⁸⁷ Барроу 1976: 117–120.

⁸⁸ Ibid.: 166.

⁸⁹ По единственной до недавнего времени, хотя и не бесспорной этимологии, «Проворная», от корня *sar* «бежать» (‘the fleet one’ – Monier-Williams, s.v.; *‘Flinke’ – EWAia II: 575). Не исключено, что этимология эта народная (ср. Кулланда 2013: 125), но в сочетании двух суффиксов сомневаться в любом случае не приходится.

⁹⁰ О правомерности выделения в скифском этого суффикса см. ниже, примеч. 128.

олени' (Абаев 1949: 185 = 1979: 306), которая к тому же не объясняет ни начального Θ -/ Th -, ни звонкого $-g$ -/ $-g$ - (озвончения интервокальных смычных во времена Геродота еще не было). Non liquet.

Ἰάμοι (Hec. ap. Steph. Byz. fr. 167 FHG – 215 FGrH) (вар. Ἰάμοι – Alex. Polyhistor ap. Steph. Byz.) – название скифского народа. Возможно, к индоиранскому корню $*jam$ - 'держатъ, схватывать, брать' (ЭСИЯ 4: 68–79; Cheung 2007: 211–212) – ср. производное от этого корня др.-инд. $yáma$ - 'возничий; колесничий', букв. 'сдерживающий, умиряющий'. Не исключена и связь с индоиранским $*jama$ - 'близнец', возможно, также производным от корня $*jam$ - (ЭСИЯ 4: 79–81). Допустимо также возводить скифское Ἰάμοι к корню $*jā$ - ('идти, двигаться', вариант корня $*Hai$ (ЭСИЯ 4: 125; Cheung 2007: 154–157) – ср. др.-инд. $yāta$ - 'движение; путь; повозка', пашто (от того же корня с другим суффиксом) yut 'движение; кочевка', что небезынтересно в контексте свидетельств Геродота и (Псевдо)-Гиппократа о кочевом образе жизни скифов. Предпочесть какую-либо из возможных этимологий затруднительно, поскольку значения этнонима мы не знаем.

Ianthyros см. Ἰνθάθυρος.

ΙΓΔΑΜΠΑΙΝΣ Личное имя из граффито на венчике чернофигурного килика из Ольвии: ΙΓΔΑΜΠΑΙΝΣ: ΕΡΜΗ (Ἰγδαμπαίης: Ἐρμῆ), «Игдампей: [посвятил] Гермесу» (Яйленко 1980: 77). «Шрифт и словоразделительный знак граффито указывают на 490–470 гг., с чем, по мнению В.Д. Блаватского, согласуется форма сосуда и характер его росписи...» (Там же). В.И. Абаев предложил возводить имя Ἰγδαμπαίης к скифскому $*Agdam-pāya$ - 'хранитель обычаев' (первую часть он сопоставлял с осетинским $aġdaw$ 'обычай, адат, норма поведения', вторую считал производным от иранского $*paH$ 'охранять') (Там же). Единственное возражение против такой этимологии – постулируемая нерегулярная передача иранского $*a$ - греческой йотой. В связи с этим можно попытаться объяснить первую часть имени как восточноиранское $*\underline{y}i\gamma da$ - 'отборный, избранный' (причастие на $-ta$ - от общеиранского $*\underline{y}ai\check{s}$ - 'просеивать, отбирать, выделять': об этом корне см. ИЭСОЯ IV: 108; EWAia II: 576–577; Cheung 2007: 407–408, с литературой) в форме аккузатива с закономерным отражением иранского начального $*\underline{y}$ - йотой с тонким придыханием. В таком случае имя можно трактовать как $*\underline{Y}i\gamma dat-pāya$ - 'Охраняющий избранное'. Точно так же восстанавливает фонетический облик первой части имени Игдампей С.Р. Тохтасьев, с той лишь разницей, что производит его от иранского корня $*\underline{y}ai\check{j}$ - 'размахивать' (форма причастия на $-ta$ - от корней $*\underline{y}ai\check{s}$ - и $*\underline{y}ai\check{j}$ - в восточ-

ноиранских языках совпадает). Семантически он сравнивает реконструируемую скифскую форму с авестийским *vaēya-* ‘удар’ и древнеиндийским *véga-* ‘натиск’, предполагая, что «*Ἰδαμπαίης* может восходить к **Viḍam-para-* ‘отражающий (любой) удар (нападение)’» (Тохтасьев 2005а: 97–98). Недостаток этой этимологии в том, что для ее обоснования вторую часть имени предлагается считать гипокористиком (Там же) и восстанавливать форму, на которую ничто не указывает, при том, что реально засвидетельствованная форма без натяжек объясняется из иранского. Non liquet.

Ἰδανθούρας см. **Ἰνδάθурсος**.

Ἰδάνθυρος см. **Ἰνδάθурсος**.

Ἰνδάθурсος (Hdt. IV 76, 120, 126–127) Имя скифского царя, сражавшегося с Дарием. Даже если считать наиболее адекватной передачей имени неоднократно упоминаемого античной традицией скифского царя формы *Ἰδάνθυρος*/*Ἰδανθούρας*, а не *Ἰνδάθурсος*, что далеко не очевидно⁹¹, интервокальный *d* в нем все равно может восходить к праязыковому **-nd-* (в таком случае его первая часть может восходить к иранскому **iinda-* ‘обретающий, находящий’, как предполагали еще Юсти и Маркварт). Многочисленность вариантов этого имени (см., например, Грантовский 1998: 251; Иванчик 2005: 214; Он же 2009: 69–71) наводит на мысль, что в самом скифском фонема/консонантная группа, передаваемая в греческом то через *δ*, то через *νδ*, произносилась особым образом, затруднявшим ее однозначное восприятие носителями других языков. Таковой могла быть консонантная группа *-nd-*. Это находит аналогии в современных юговостоноиранских языках, где **-nd-* может давать и *-nd-*, и *-d-*: ср. мундж. *vond-*, верхнемунджанское *vod-*, йидга *vad-* < **band-* ‘связывать’ (Эдельман 1986: 169), пашто *āyund-* < **āgunda-* ‘одеваться’, но *adūm* < **handāma* ‘бедро’ (последнее слово, хотя и входит в литературный язык, видимо, взято из диалекта африди) (Skjærvø 1989: 403). По мнению Р. Шмитта, вторая часть имени, как и в этнониме агафирсов, испытала влияние греческого *θύρσος* ‘тирс, вакхический жезл’. Он приводит для нее этимологию Х. Вербы: к иранскому **hu-varz-a-* (ср. авест. *varəz-*, др.-инд. *úrj-* ‘усиление; избыток сил’, все имя в таком случае трактуется как **Vidant/Vi(n)dat-huvarza-* ‘Обретающий добрую силу’, но считает ее сомнительной (Schmitt 2003: 8–9). О.Н. Трубачев (1999: 181, впервые опубликовано в 1981 г.) считал имя Иданфирса индоарийским и объяснял как **Idam tṛṣa-* ‘Этого жаждущий’ или ‘Столь жаждущий’. Высказывается и мнение, что имя Иданфирса принадлежит

⁹¹ Хотя Р. Шмитт (Schmitt 2003: 8) и считает, что чтению *Ἰδάν-* как *lectio difficilior* следует отдать предпочтение перед *Ἰνδά-*.

отличному от диалекта/языка царских скифов иранскому диалекту/языку, в котором не происходило перехода $d > l$ (Тохтасьев 2005а: 95; Бухарин 2013: 65–66), что, учитывая вычленимые в скифском многочисленные заимствования, не исключено. Как отмечает Р. Шмитт (loc. cit.), все вопросы относительно этого имени остаются открытыми.

Ἰνδάνθυρος см. **Ἰνδάθυρος**.

Ἰνδάνθυσος см. **Ἰνδάθυρος**.

Iṣrakā(ia) Имя скифского царя, упомянутое в «Призмах» Асархаддона (^m*Iṣ-pa-ka-a-a* ^{kur}*áṣgu-za-a-a*/^{kur}*as-gu-za-a-a*, «Ишпака[й] скиф») (см. Иванчик 1996: 185–186, с литературой). Означало, видимо, ‘Собака, Пес или Собачий, Песий’, иранское **spa-ka-* (ср. пашто *spai* ‘собака’ < **spaka-*, а также известное сообщение Геродота [I 110], что мидяне называют собаку *опάκα*) с протетическим начальным гласным⁹². Примеры иранских имен с таким значением см. в Грантовский 1970: 265–266 = 2007: 303 (где неточно указано, что в слове *spaka-* *-ka* входит в состав корня, тогда как нам известны бессуффиксальные формы: авест. *spa-ciθra-* ‘собачьего рода, из семейства собачьих’, сивенди *esbe*, курдское *sipa* ‘собака’ и пр.). Сравнительный материал см. в Horn 1893: 164, s.v. *seg*. См. также Иванчик 2005: 188.

Iṣkuzāia см. **Σκύθης**.

Καδούϊας см. **Καδούϊδας**

Καδούϊδας По Диогену Лаэртскому (I 8), скифский царь, брат Анахарсиса. Геродот (IV 76) называет его Савлием (q.v.). По словарю Суды – **Καδούϊας**. Греческая форма показывает, что имя проникло в греческий достаточно поздно: для ранних заимствований передача иранского **-vi-* греческим *-ουί-* нехарактерна, ожидалось бы [F]i (ср. выше, s.v. ***ΑρΨιήασα**), так что хронологически оно может и не быть скифским. Первый *-d-*, видимо, восходит к сочетанию *dy*, где перехода *-d- > -nt-* могло не происходить (см. подробнее ниже). О.Н. Трубочев (1999: 181), в соответствии со своей концепцией индоарийского элемента в Северном Причерноморье, объяснял это имя как индоарийское **Kad-vida-*, сравнивая с классическим санскритским *ko-vida-* ‘искушенный, знаток’ (правда, и при принятии такой этимологии обе части слова могут с тем же успехом считаться иранскими, хотя и не скифскими). Non liquet.

ΚΑΝΙΤΑΣ см. **ΚΑΝΙΤΗΣ**

ΚΑΝΙΤΗΣ (*-ας/-ος*) Имя скифского царя, упомянутого в надписи III–начала II в. до н. э. из Одесса (IGBulg I2, 41, стк. 4–5, где речь идет о

⁹² Хотя возможно и возведение к иранскому **aspa-ka*, от *aspa-* ‘конь’, поскольку «в начале слова перед двумя согласными иран. *a-* воспринималось как протетический гласный и вместо него могли писать *i-* (ср. ассир. *Iṣpabāra* и *Ispabāra* рядом с *Aṣpabāra*)» (Грантовский 1970: 76 = 2007: 87).

пребывании некоего антиохийца Гермия «у царя скифов Канита», παρά βασιλεῖ Σκυθῶν Κανίται), а также в легендах на его монетах в форме генитива ΚΑΝΙΤΟΥ (чаще сокращенной до ΚΑΝΙ) (о монетах Канита см. Карышковский 1962: 55–58). Л.И. Тарасюк (Тарасюк 1956: 28–29) убедительно сопоставил имя Канит со словами, восходящими к иранскому **kani*- ‘маленький, молодой, юный’. Ту же этимологию без ссылки на Тарасюка приводит С.Р. Тохтасьев (Тохтасьев 2005а: 83, 93, примеч. 192). Об иранских рефлексах и родственных индоевропейских лексемах см. ЭСИЯ 4: 220–223, с литературой.

ΚΑΝΙΤΟΣ см. **ΚΑΝΙΤΗΣ**

***кара-** По этимологии В.И. Абаева, скифское слово со значением ‘рыба’ (ср. хотанское *kava*, согдийское *кпу*, пашто *kab*, мунджанское *кар*, осетинское *каф*, и пр. ‘id.’), вычленяемое в названии реки в Скифии – Παντι-κάλης (см.), предположительно ‘Путь рыбы’ (Абаев 1949: 170 = 1973: 293). О.Н. Трубочев (1999: 246), впрочем, связывал это слово с литовским *kāpas* ‘холм’ и переводил ‘холм; бугор’. Ср. также ниже, s.v. **Παντικάλης**.

καρарύες Согласно Гезихию, οἱ Σκυθικοὶ οἴκοι. ἔνιοι δὲ τὰς κατήρεις⁹³ ἀμάζας (Скифские дома. Некоторые же [считают их] обустроенными повозками). По К.Т. Витчаку (1992: 54), скифское **kararu*- восходит, с выпадением интервокального *ř*, к гипотетическому иранскому **kerəšaru*- ‘кибитка кочевников’, которое считает заимствованным в тохарский (тох. А *kursär*, В *kursar/kwarsär*).

***kasi-** Предположительно скифское слово со значением ‘блестящий’ (ср. др.-инд. *kāśi*- ‘id.’, от корня *kāś*-, впервые привлеченного для сравнения Бёттихером – Voetticher 1851: 55). Реконструируется на основании свидетельства Плиния Старшего (Nat. Hist. VI, 50), что скифы называют Кавказ «Кроукасином, то есть белым от снега» (Caucasum montem Croucasim⁹⁴ [appellavere], hoc est nive candidum) (Витчак 1992: 54, с литературой). Если слово действительно родственно приведенному выше древнеиндийскому, исконно скифским оно быть не может (ожидалось бы **kaθi*-) и должно считаться заимствованием из какого-то другого иранского или арийского языка.

Κατίарοι (Hdt. IV 6). Название потомков среднего сына скифского прародителя Таргитая. Г. Гумбах (Humbach 1960: 322) делил его на вопросительное слово *ka*- ‘was für ein’, ‘что за’ и греческое *τίαρα* ‘тиара’, предлагая перевод ‘носящие уродливые тиары’, по аналогии с саками

⁹³ Обычно κατήρεις исправляют на κατηρεφείς ‘крытыми’.

⁹⁴ Варианты *groucasim*, *groucasum*, *graucasim*, *graucasum*. См. Подосинов, Скржинская 2011: 196.

тиграхауда. Учитывая, однако, что катиары составляют пару с траспиями, чье название, видимо, означает что-то вроде ‘коневоды’ (см. s.v. Τράσπιες), вероятнее, что и первое обозначение указывает на особенности хозяйственно-культурного уклада. В первой части слова Κατίαροι (Κατί-) можно видеть иранское *kata- ‘дом’, ср. авест. kata- ‘строение; чулан; помещение для временного хранения тел умерших’, хот. kata-, согд. kt’k, kt-, перс. kād, мундж. kay, йидга kyēi (два последних слова из *kataka-) ‘дом’, вах. kut ‘крыша’ (Стеблин-Каменский 1999: 213)⁹⁵, бактр. кадо, кадо, афг. kalai ‘деревня’ (из *kataka-)⁹⁶ и пр. (см. подробно ЭСИЯ 4: 340–348). Окончание -и в таком случае должно передавать либо окончание прилагательного на -i- (ср. авестийское личное имя Siiauuaspī-) или -in- (ср. др.-инд. aśvín, именительный падеж aśvī́), либо окончание локатива. Вторую же часть можно возводить к корню *Har-² ‘двигать(-ся), передвигать(-ся)’, видимо, с суффиксом -ια (ср. авест. aurua- ‘быстрый’)⁹⁷, что объяснило бы греческое окончание -οι (иначе окончание иранской основы на -a отразилось бы скорее как -αι). Κατί-αροι можно, таким образом, понимать как сложное слово либо типа bahuvrīhi, ‘имеющие передвижные дома/жилища’, либо типа tatpuruṣa, ‘передвигающиеся в домах/жилищах’⁹⁸. Трактовка Дюмезиля: -τίαροι к иранскому *čahrīa ‘пастбище’ (ср. авест. caṅra-ṅhak- ‘пастбищный [о домашних животных]’, ср.-перс. čarag ‘пастбище, пастьба; стадо’), Ка- к *gau- ‘корова’ или hu- ‘хороший’ (Dumézil 1962: 200–202; Dumézil 1978: 190–191; русский перевод Дюмезиль 1990: 148–149) не представляется убедительной. Окончание -οι указывает скорее на иранскую основу на -и, а иранские g- и h- передаются в греческом гаммой и нулем звука/тонким придыханием соответственно.

Κολανδάκης Личное имя из граффито на чернолаковом килике первой половины IV в. до н. э., найденном в Ольвии (Толстой 1953: 11, № 7). Первая часть, Κολα-, как и в имени Колаксия (q.v.), явно передает скифское слово со значением ‘шапка’. Сложнее со второй частью, которая, видимо, отражает скифское *anda-ka, т. е. основу *anda- с распространенным индоиранским суффиксом -ka. Если *anda-

⁹⁵ Афг. čat ‘крыша’, pace Стеблин-Каменский (Ibid.), видимо, является заимствованием (из ормури čat ‘крыша?’), поскольку в исконном слове ожидался бы переход интервокального -t > -l- (или y/w/θ) (см. подробнее Эдельман 1986: 164–165; Skjærvø 1989: 402).

⁹⁶ См. Morgenstierne 1927: 32.

⁹⁷ Об иранском корне *Har- и его производных см. подробно ЭСИЯ 1: 188–197; Cheung 2007: 165–166.

⁹⁸ Ту же этимологию первой части слова Κατίαροι предложили Г. Гумбах и К. Файсс (Humbach & Faiss 2012: 11, что может служить косвенным подтверждением такой трактовки).

родственно греч. ἄθηρ (вар. ἀνθήριξ) ‘ось; сечка; острие’ (ср. выше, s.v. Ἀριάντας), имя представляет собой параллель наименованию саков-тиграхауда («острошапочных»). Если родственно авестийскому *anda-*, др.-инд. *andhá-* ‘слепой’, речь может идти о головном уборе типа башлыка, отчасти затрудняющем видимость, хотя такая семантика несколько натянута. Non liquet.

Κολάξαις (Hdt. IV 5–7). Имя младшего из сыновей скифского прародителя Таргитая. Начальный элемент имени Колаксия В.И. Абаев (1949: 243) возводил к иранскому *x^har* ‘солнце’ и переводил как ‘Солнце-царь’. Э.А. Грантовский (1960: 26) предположил, что Κολά- восходит к иранскому *x^harya-* (с характерным аланским переходом *ri/ry > l*), а все имя следует переводить как ‘царь неба’. Однако в скифском не происходило перехода *ri* в *li* или *ry* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик. Следовательно, первый элемент имени Колаксия не может восходить к иранскому *x^harya-*. Его следует возводить к общеиранскому слову с интервокальным **-d-* и начальным **k-* или **x-*. Ф. Корнильо (Cornillot, 1981a: 9–11) первым предположил, что речь идет о юговостоочноиранском слове со значением ‘шапка’ – ср. среднеперсидское *kulāf* (ср. Bailey 1979: 305), новоперсидское *kulāh*, современное персидское *kolah* ‘шапка’ (заимствование, возможно, скифское, поскольку в персидском наличествует и исконная форма *xud* ‘шлем; каска’), но, к сожалению, не распознал в нем регулярного юговостоочноиранского и скифского рефлекса общеиранского **x/kauda* ‘шапка, шлем’⁹⁹. Возражения М.Д. Бухарина против этимологического родства приведенных выше иранских слов с начальным *k-*, с одной стороны, и *x-* – с другой, не представляются убедительными. Для слов с начальным *k-* он некритически принимает устаревшую этимологию Горна, сравнивавшего их с лат. *celare* ‘скрывать, прятать’ и сино-

⁹⁹ Ошибочно посчитав, что *k* не может соответствовать *x* (Ibid.: 48), тогда как чередование *k-* / *x-* в начальной позиции в иранских языках весьма распространено. Ср. **kad-* / **xad-* ‘бить’, **kafa-* / **xafa-* ‘пена; слюна’, **kanH-* / **xanH-* ‘копать’ (ЭСИЯ 4: 161–168, 199–214; ср. также Cheung 2007: 232–233, 439–440) и др. Его собственная этимология (якобы из **kərəθawan-* ‘защищающий’ > ‘головной убор’) (Ibid.: 48) неприемлема хотя бы потому, что переход *rθ > l* – явление относительно позднее, связанное с озвончением *θ*, которого в раннескифском не происходило (ср. Протоθής, q.v.). Правда, в древнеиранском скифском в первом слоге ожидался бы еще не перешедший в монофтонг иранский дифтонг *-au-*, обычно передаваемый греческой омегой (ср. древнеперсидское имя *Gaubaruvā-*, переданное по-гречески в виде Γαυβάρυς), но, возможно, безударный дифтонг в скифском произносился еще ближе к монофтонгу, чем в древнеперсидском. О произношении дифтонга в древних иранских языках как звука, среднего между дифтонгом и долгим гласным, можно судить как раз по довольно обычной передаче древнеперсидских дифтонгов в греческом не соответствующими дифтонгами, хотя таковые в греческом имелись, а долгими (а иногда, как, скажем, в имени Ксеркса (Ξέρξης) – даже краткими) гласными, хотя, разумеется, есть и противоположные примеры – скажем, *Dārayava^hu-* – Δαρείος.

нимичным германским этимологом (ср. совр. нем. *hehlen* ‘скрывать, прятать’, *Hülle* ‘оболочка, покров’) (Horn 1893: 192–193), на самом деле родственными др.-инд. *śárman-* ‘защита’, хотанскому *śaraima* ‘покрытие’ (EWAia II: 620–621; De Vaan 2008: 106): лат. *c*/нем. *h* (из и.-е. **k*) и лат. и нем. *l* (из и.-е. **l*) соответствуют индоиранским **ś* и **r* (ввиду индоиранского ротацизма), а никак не **k* и **l*. Скифский материал, как и персидский, кстати, дает основания полагать, что скифский рефлекс означал не ‘шлем’, а ‘шапка’. Я имею в виду известный пассаж из новеллы Лукиана «Скиф, или друг на чужбине» (1), где упоминаются «носящие войлочные шапки» (πιλοφορικοί), обладающие более высоким социальным статусом, чем простые скифы. Вопрос только в том, кем считать представителей этой группы. Согласно Ж. Дюмезилю (Dumézil 1962: 194–199), они были знатью, а по мнению Э.А. Грантовского (1980: 143) и М.Д. Бухарина (Бухарин 2013: 38–39 и примеч. 106) – жрецами. И в самом деле, Лукиан отличает их от царского рода, который в изложении Геродота явно отождествляется с воинской варной¹⁰⁰, и от простолюдинов, так что в рамках трехчленной организации им вроде бы остается только место священнослужителей. Возможно, однако, что в источнике Лукиана имелась в виду (как и у Геродота) воинская варна, resp. царский род, но скептически настроенному автору отождествление царей и воинов показалось странным, и он провел между ними различие; именно так поступали некоторые позднейшие издатели Геродота, вносившие в текст соответствующего пассажа произвольные исправления. Кроме того, Дион Кассий (LXVIII, 8 [по Ксифилину], 9) описывал дакское посольство к императору Траяну состоящим из «знатнейших из носящих войлочные шапки» (οἱ ἄριστοὶ τῶν πιλοφόρων, в тексте в аккумулятиве)¹⁰¹, под которыми явно имеются в виду представители военной аристократии. Наконец, в пользу отнесения пилофоров к воинской варне свидетельствует этимология имени родоначальника этой варны Колак-сая, точнее, отмеченное Лукианом наименование пилофоров и этимология имени Колак-сая взаимно подкрепляют друг друга. Еще одним аргументом в пользу предлагаемой трактовки первого элемента имени Колак-сая является предложенное С.Р. Тохтасьевым (2005: 85, примеч. 148) сравнение с бактрийским словом *колаво* [*kulah*] ‘правитель’, явно

¹⁰⁰ Это явствует из конструкции фразы οὐ τοῦ βασιλείου γένους ὄν οὐδὲ τῶν πιλοφορικῶν: «не (οὐ) ... и не (οὐδέ)», хотя в русском переводе Лукиана она передана как «...не принадлежал к царскому роду «шапошников» в войлочных шапках» (Лукиан 2001 I: 66).

¹⁰¹ «Децебал еще до этого своего поражения отправил послов, причем не из числа тех, кто носит длинные волосы, как прежде, но наиболее знатных из пилофоров» (Кассий Дион Коккейан 2011: 94; см. также примеч. 47 на той же странице и страницу 96).

восходящим к той же праформе. Таким образом, имя Колакская можно трактовать как ‘Владыка носящих особый головной убор, герс. воинов/правителей’¹⁰². В качестве иранской параллели приведу прозвище (или подлинное имя) персидского царя Дария III – Кодоман (*Codomannus* – Just. X 3), которое можно трактовать как ‘Шлемоносец’ – **Xaudamant-*. М.Д. Бухарин (Бухарин 2013: 36–37), вслед за И.М. Стеблиным-Каменским (Стеблин-Каменский 1999: 312), считает, что начальный *x-* древнеперсидского *xauda-* восходит к общеиранскому **sk-*, а поскольку этот кластер в скифском языке сохранялся (ср. их самоназвание), первая часть имени Колакская не может восходить к общеиранскому **skauda-* ‘шапка; шлем’. Однако в древнеперсидском элемент **sk-* также сохранялся (ср. др.-перс. *skauθi-*), что не мешало существованию слова *xauda-*. Отсюда следует, что отсутствие в иранском *s-mobile* в анлауте рефлексов соответствующей праформы не может служить основанием для их отнесения к другой основе. Сам М.Д. Бухарин этимологизирует первую часть имени Колакская как производное от иранского корня **ka(H)ud-* ‘бить’ со значением ‘ударно-рубящий инструмент; своего рода скипетр’, герс. маркер принадлежности к царскому сословию (Бухарин 2013: 48–49). Такая трактовка не противоречит иранской исторической фонетике, семантическое развитие также возможно (ср. хорезмийское производное от этой основы *ckwndyk* ‘молот’). Однако боевые молоты-чеканы (и, видимо, молоты вообще) индоиранцев, судя по заимствованиям в финских языках, назывались не производными от корня **ka(H)ud-*, а **uāzra-* (ср. эстонское *vasar*, финское *vasara* ‘молот’ и т. п.).

***krau-** Предположительно скифское слово со значением ‘снег’. Реконструируется на основании приведенного в статье ***kasi-** свидетельства Плиния Старшего и сопоставления с греческим *κρύος* ‘мороз’ и пр. (Vasmer 1923: 14; Pokorny 1959: 622; Витчак 1992: 54, с литературой). О.Н. Трубочев (1983: 101–108 = 1999: 188–194), опираясь на рукописные варианты с начальным *G-*, считал форму *g(i)rau* локативом от индоарийского *giri-* ‘гора’ и переводил весь топоним как ‘блеск на горе’.

***Kraukasi-** скифское название Кавказа у Плиния. См. статьи ***kasi-** и ***krau-**.

Κόλασις см. **Σκόλασις**.

Λιπόξαιῖς (Hdt. IV 5–7) (вар. **Λειπόξαιῖς** – M Ald, **Νιπόξαιῖς** – D, **Νιτόξαιῖς** – RSV). Имя старшего из сыновей скифского прародителя Таргитая.

¹⁰² Параллель между отстаиваемой здесь этимологией имени Колакская и наименованием пиллофоров упустил из виду А.И. Иванчик, иронизировавший над неблагозвучным именем «Царь-колпак» (Иванчик, 2009: 79).

Вторая его часть отражает иранское *xšāja ‘власть’. Первый элемент Эбель (Ebel 1857: 400) возводил к индоевропейскому корню *leip- ‘лепить, мазать’, трактуя все имя как ‘царь-помазанник’, gesalbter König, а Э.А. Грантовский (1960: 7–10) – к иранскому rīpa, названию Рипейских гор, а также гор par excellence. Однако производные от *leip- в иранских языках имели в анлауте r (ср. ср.-перс. frēb [<*pra-raip-] ‘обман’ с обычным в индоиранском семантическим переходом), а в скифском не происходило перехода ri в li (см. выше, s.v. Κολύζαις), и имя Липоксая (если принимать чтение с начальной ламбдой) может восходить только к иранскому этимону с начальным *d-¹⁰³. В этом случае возможны две трактовки: первая часть имени восходит либо к корню *daiH¹- со значением ‘наблюдать; прозревать; мыслить’ (ср. древнеиндийское dhī ‘мысль’) (ЭСИЯ 2: 291–297; Cheung 2007: 48–50), либо к омонимичному *daiH²- со значением ‘сиять’ (ср. древнеиндийское dī ‘сверкать, блистать’) (ЭСИЯ 2: 288–291; Cheung 2007: 50–51) (в обоих случаях с суффиксом -ra), либо к варианту последнего с элементом -p – ср. йидга velivo ‘молния’ от корня *daiHp-/diHp- ‘сверкать’ (ЭСИЯ 2: 299–301; Cheung 2007: 72–73) (так, в частности, считал С.Р. Тохтасьев – Тохтасьев 2005а: 84, примеч. 146) и суффиксом -u (который, в частности, объяснил бы появление -o- в греческой передаче)¹⁰⁴. Таким образом, имя предводителя авхатов, бывших, по всей вероятности, жре-

¹⁰³ Ф. Корнильо предположил, что начальный l- в имени Липоксая мог произойти из *t-, реконструируя праформу как *Tiro-xšaya, возводил первый элемент имени к иранскому *tapor ‘топор’ (Cornillot 1981a: 44–45). Однако в афганском (пашто) (как и в прочих юговосточноиранских языках), на аналогичное фонетическое развитие в котором ссылается французский ученый, начальный t- никогда не переходит в l- (переход имеет место только в положении между гласными) (Эдельман 1986: 164–165), да и многочисленные скифские примеры (хотя бы те же паралаТы, сколоТы и т.п.) свидетельствуют о сохранении иранского *t во всех позициях.

¹⁰⁴ Утверждение, будто «[с]огласно Кулланде... в Λιπόξαις первая основа восходит к корню со значением «сиять» или «мыслить», но такого иранского корня нет, автор апеллирует к древнеиндийской лексике...» (Яйленко 2011: 254, примеч. 52), не соответствует действительности: во-первых, речь идет о двух разных корнях, привлеченных в качестве альтернативных объяснений, во-вторых, оба они наличествуют в иранском (ср. выше). Просто в иранских языках из-за слияния звонких придыхательных с непридыхательными эти корни стали омонимичными, и индийский материал я привожу для того, чтобы проиллюстрировать их разную природу. Моему анализу имени Липоксая почему-то вообще не везет с пересказами. Так, М.Д. Бухарин (Бухарин 2013: 30), ссылаясь на мою работу 2006 года, отводит приведенное там гипотетическое сопоставление первого элемента имени с корнем, означавшим ‘мыслить’, на том основании, что «[н]еясной оказывается семантическая связь “царя мысли” с ролью Липоксая в скифской мифологической картине мира». Все бы ничего, но о предложенной мною не просто в той же работе, но и в той же фразе альтернативной этимологии (к корню «сиять») в следующем абзаце по недосмотру говорится без ссылки и в сослагательном наклонении («... более продуктивным было бы сравнение с... основой... “сиять”»), отчего у читателя создается впечатление, будто Кулланда до этой этимологии не додумался и предлагается она впервые (чего уважаемый автор цитируемой статьи, разумеется, в виду не имел).

цами, можно было бы перевести как ‘Владыка блистательных’ или ‘Владыка прозревающих’. Non liquet.

Λύκος (Hdt. IV 76). Лик, имя скифского царя, считающееся греческим переводом скифского «идолатрического» имени (греч. λύκος ‘волк’), которое по-скифски должно было звучать примерно как **Varka-* (Абаев 1949: 187 = 1973: 308). Объяснение правдоподобно, хотя и в реально засвидетельствованной форме имя могло бы быть этимологизировано из иранского: **Lūka-* < **Dūka-* (ср. авестийский корень *du* ‘гнать, изгонять’) ‘Гонящий/Изгоняющий (врага)’ (см. Кулланда, Раевский 2004: 95, примеч. 77). Кроме того, как отметил М.Д. Бухарин, имена всех прочих скифов, упомянутых в том же пассаже, даны в фонетической транскрипции, а не в переводе, и «[б]ыло бы странно, если бы все они были переданы одним способом, а имя Λύκος – другим» (Бухарин 2013: 57). Ср. также название реки в Скифии: Лик (Λύκος), приводимое Геродотом (IV 123) в ряду непереуверенных гидронимов (Бухарин 2013: 57), в связи с которым речь вряд ли может идти об идолатрии.

Μαδύης (Hdt. I, 103). Вар. Μυδίης (C), Μάδυς (Strab. I, 3, 21). Имя скифского царя VII в. до н. э. Традиционно возводится к иранскому **madu-* ‘мед’. Но к моменту знакомства семитов и греков со скифами в скифском общеиранский **d* явно произносился как *δ* (см. выше). Следовательно, интервокальный *-d-* можно объяснить переходом **-nt-* > *-d-*, засвидетельствованным для юговостоочноиранских языков; ср. йидга *lad* ‘зуб’ < **danta*, и т.п. (см. Эдельман 1986: 163). В таком случае имя Мадий (Μαδύης) следует трактовать как рефлекс индоиранского **mantu-* (ср. авестийское *mantu-*, древнеиндийское *mántu-* ‘советник; правитель’). М.Д. Бухарин предположил, что имя Мадия восходит к самоназванию мидян *Māda* (Бухарин 2013: 61–64), но для воспроизведения одного самоназвания с переднеязычным смычным *-d-* (на которое указывает греческая передача) этот согласный должен был существовать в языке скифов, а взаться ему кроме как из **-nt-* было, пожалуй, неоткуда (как уже отмечалось, исконный общеиранский **d* ко времени контакта скифов и мидян перешел в спирант). Правда, учитывая, что греческая форма Μαδύης указывает на иранскую основу на *a-* (Бухарин 2013: 63), т. е. что-то вроде **Madya-*, не исключено, что в скифском, как иногда в пашто, *d* в группе *đu* не переходил в *l* (см. подробнее ниже). Non liquet.

Μάδυς см. **Μαδύης**.

Μασσαγέται Согласно Геродоту (I 201), большой и сильный народ, обитающий у Аракса, по мнению некоторых скифский. Однако сравне-

ние приводимого Отцом истории имени массагетского царевича *Σπαρραλίσης* со скифским антропонимом *Σπαρραλειίθης* показывает, что в языке массагетов не было характерного для скифского перехода общеиранского *ś в θ (см. подробно выше, s.v. *Ἀριαλειίθης*). Обычно первую часть этнонима возводят к иранскому **ma[s]sja* (< индоиранского **matsja*) ‘рыба’ (ср. др.-инд. *mátsya-*, авест. *masiia-* ‘id.’ и пр.). Non liquet. ***mass[y]a** (?) См. s.v. **Μασσαγέται**.

Ματωκέται Согласно Гекатею (apud St. Byz.), скифский народ, ἔθνος Σκυθικόν. См. ниже, s.v. ****malaxa** (?).

μελύγιον По Гезихию (у которого, однако, дается форма *μελίτιον*, *μελύγιον* восстанавливается на основании Р. Оху. 1802; см. подробно Иванчик 2009: 75–77), скифский напиток: *πόμα τι Σκυθικόν μέλιτος ἐψομένου σὺν ὕδατι καὶ πόα τινί* («некий скифский напиток из меда, сваренного с водой и какой-нибудь травой»). К.Т. Витчак (1992: 53) предположил, что гамма появилась в рукописи вместо дигаммы (ср. s.v. **ἈρΓιμίῃσσα*), и на этом основании реконструировал скифскую форму **maluwyam* (из иранского **madu-* ‘мед’ со скифским переходом **d* > **δ* > *l* и суффиксом *-yu(a)*). А.И. Иванчик возразил, что форма *μελύγιον* восходит к сочинению некоего Главка, автора позднего, для которого самостоятельное употребление дигаммы невозможно (Иванчик 2009, loc. cit.). Нельзя, однако, исключить, что поздний автор использовал более ранний текст, где и произошла замена дигаммы на гамму. Точно так же то обстоятельство, что слово *μελύγιον* встречается в описании Западного Причерноморья, т.е. не Скифии, а «Фракии в широком смысле» (Там же: 76), не означает, что слово не может быть скифским: скифо-фракийские связи известны с древнейших времен, а в Нижнем Подунавье было скифское население.

μέσπλη По Гезихию, ‘луна’ у скифов (ἡ σελήνη, παρὰ Σκύθαις). Согласно Фасмеру (Vasmer 1923: 44), едва ли иранское слово (kaum iranisch). Бёттихер (Boetticher 1851: 56) предложил (с оговоркой *ni fallor*, «если не ошибаюсь») следующую этимологию: **mās* (передача иранского *ā* греческим эпсилон перед консонантным кластером возможна – см. Schmitt 1967: 126 und Anm. 58) ‘месяц’ + индоевропейский корень **p̥lh₁* (> индоиранский **parH-/prā-*; cf. Cheung 2007: 295–297) ‘наполнять’, т.е. *luna plena*, ‘полная луна’ (сравнительный материал в виде санскритского *māsa*, прочие параллели к которому даны у Бёттихера в другом месте, на стр. 77–78, приведен только для первой части; видимо, связь с латинским *plena* и другими родственными индоевропейскими словами автор считал прозрачной). Ту же этимологию повторил О.Н.

Трубачев (1999: 30; впервые опубликовано в 1975 году) (возможно, независимо, ибо ссылка на Бёттихера отсутствует, а Трубачев был щепетилен в отношении предшественников). Оба исследователя считали слово не исконно скифским (Бёттихер неарийским, Трубачев индоарийским) ввиду наличия *s*, не перешедшего в *h*, что неверно: *s* перед *p* в составе сложного слова в иранском сохранялся. Для индоиранского необычно не сохранение сибиланта, а отсутствие ротацизма (ср. Трубачев 1999: 159). Майргофер (Mayrhofer 2006: 21) оценил модификацию этой этимологии, предложенную Витчаком (1992: 57: **mās-pərənā-*, т.е. *pṛnā-*) как смелую, resp. рискованную (*kühn*).

Νάπαι По Диодору (II, 43), один из скифских народов, названный напами по своему эпониму Напу (Νάπης, q.v.).

Νάπης По Диодору (II, 43), потомок царя Скифа, родоначальник напов. Обычно возводится к иранскому **napāt-* ‘внук’ (ср. авест. *napāt-*, др.-инд. *nápāt-* ‘id.’). Отсутствие конечного *t* (наличествующего, впрочем, в таких формах, как *Ναπίτων* херсонесского декрета конца II в. до н. э. и *Ναπίται* Стефана Византийского – см. подробно Тохтасьев 2005а: 90–91) можно объяснять либо ослаблением конечного смычного (как в древнеперсидском, где он не обозначался на письме), либо, вслед за Ломой (Loma 2000: 343), тем, что в форме множественного числа **napāta-* был ошибочно вычленен суффикс множественного числа *ta*.

Ἵορος По Геродоту (IV 123–124), река в Скифии. Либо от **varu-* ‘широкий’ (ср. авест. *varu-*, др.-инд. *urí-* ‘id.’), либо от **vār-* ‘вода’ (ср. др.-инд. *vār-* ‘вода’, ср.-перс. *wārān* ‘дождь’ и пр.). Судя по греческому окончанию, предполагающему основу на *u*, более вероятно первое объяснение.

Οἰόρπατα (Hdt. IV 110) (вар. **Αἰόρπατα** – **MPDRSV**). По Геродоту, скифское название амазонок, означающее ‘мужеубийцы’, «так как мужа они называют οἰόρ¹⁰⁵, а убивать – πατά» (οἰόρ γὰρ καλέουσι ἄνδρα τὸ δὲ πατὰ κτείνειν). Первый элемент сложного слова (οἰόρ/αἰόρ) традиционно (впервые у Цейса, *Zeuß* 1837: 295) объясняется как передача иранского **uīra-* ‘муж’ (ср. авест. *vīra-* ‘муж’, др.-инд. *vīrā-* ‘муж; герой’), точнее, судя по дифтонгу, к форме вриддхи **uaira-* (ср. др.-инд. *vairahatya-* ‘убийство мужей’) с Οἰόρ/Αἰόρ на месте ожидавшегося *Οἰόρ/*Αἰόρ. Несколько сложнее обстоит дело со второй частью (*πατά*). Цейс, Мюлленгоф и др. (см. *Vasmer* 1923: 15, с литературой) трактовали ее как множественное число иранского **pāti-* ‘господин’ (ср. авест. *paiti-*, др.-инд. *pāti-* ‘id.’)¹⁰⁶ и пере-

¹⁰⁵ Вариант – αἰόρ (MPDRSV).

¹⁰⁶ В скифском скорее ожидалась бы форма женского рода **paθnī-* (*Vasmer*, loc. cit.) (ср. авест. *paθnī-*, др.-инд. *pátīnī-* ‘госпожа’) (хотя у Панини для слова *pāti-* отмечен и женский род).

водили все слово как *Männerherrinen*, ‘госпожи мужей’, проводя аналогию с определением савроматов у Псевдо-Скилака Кариандского (§ 70) и не названного мифического народа, якобы обитавшего у реки Термодонта, у Диодора: ἔθνος γυναικοκρατούμενον («женоуправляемый народ») (в тексте в родительном падеже: ἔθνους... γυναικοκρατούμενου). Иное толкование, исходящее из приводимого Геродотом перевода и соответственно возводящее вторую часть скифского слова к корню **pat-* ‘падать’ в форме каузатива со значением ‘валить, поражать, геср. убивать’, Гумбах считал неприемлемым, поскольку в авестийском корень *pat-* означал не ‘падать’, а ‘летать, быстро передвигаться’ (Humbach 1960: 323). Однако значение ‘падать’ у рефлексов корня **pat-* засвидетельствовано в древнеиндийском, среднеперсидском, хотанском (Cheung 2007: 299–301, с литературой), так что могло развиваться и в скифском.

Ἰοκταμασάδης (вар. **Ἰοκταμασάδης** в форме датива Ἰοκταμασάδῃ – А). Согласно Геродоту (IV 80), имя скифского царя. Первая часть (Окта-), видимо, передает арийское или индоиранское **ukta-* или западноиранское **uxta-* ‘высказанный, провозглашенный’ (причастие прошедшего времени от корня **yak-*) (Müllenhoff 1866: 567 = 1892: 116; Vasmer 1923: 15). Предлагаемое Гумбахом и Файссом (Humbach and Faiss 2012: 7) возведение этого элемента имени к иранскому **u-kṛta* ‘хорошо сложенный; хорошо сделанный’ предполагает нигде не засвидетельствованное выпадение *ṛ* слогового и потому вряд ли может быть принято. О.Н. Трубачев указывал, что сочетание *-kt-* в иранском дало *-xt-*, и считал имя Октамасада (где греческое буквосочетание *-kt-*, по его мнению, передавало *-kt-*) индоарийским (Трубачев 1999: 199–201 = Трубачев 1985: 140–143). Однако широко известны случаи передачи греческим *-kt-* иранского *-xt-*, в том числе и у Геродота – Βάκτρα из Βάxτρι- или Ἄρταῖκτης, видимо, из **Arta-uxta-*, и, напротив, нет случаев передачи иранского *-xt-* греческим *-χτ/-*. Зато греческое *-kt-* никогда не передает восточноиранского рефлекс индоиранского **-kt-*, а именно *-γd-*, неизменно передаваемого через греч. *-γδ-* (Ἰυδαίμαιης, Σόγδιος). С.Р. Тохтасьев предположил, что в некоторых восточноиранских языках, в частности, в скифском, индоиранский кластер *-kt-* мог дать *-xt-* без дальнейшего перехода в *-γd-* (Тохтасьев 2005а: 98–99 и примеч. 227). Скорее следует признать, что скифские цари могли носить западноиранские или иные арийские по происхождению имена (ср. также с.в. ***Γοιτόσυρος**). Дополнительный косвенный аргумент в пользу нескифского происхождения имени Октамасада – то, что его носил сын царя синдов, упоминаемый в известной надписи с Семибратнего городища (расположено на левом берегу Кубани

в 35 км от Анапы), палеографически датируемой IV в. до н. э. (Блаватская 1993; Тохтасьев 1998; Яйленко 2004). В таком случае можно предположить, что первая часть является формой аккузатива (*uktam*), а вторая – корнем *sad* с приставкой *ā*, означающим в древнеиндийском ‘властвовать’ (дословно ‘восседать’), и переводить все имя как ‘Властвующий над сказанным’ (ср. s.v. **Θαμιασάδας**).

Ἰομάργης По Полиену (VII, 12), имя царя саков. Видимо, из **humarga* ‘[Обладающий] хорошими лугами’ (ср. др.-инд. *sú-*, староавест. *hū-*, младоавест. *hu-* ‘хорошо; хороший, добрый’ и авест. *marəγā-* ‘луг’, перс. *marγ-zār* ‘лужайка, луг’) (Justi 1895: 14–15; Vasmer 1923: 46), хотя Маркварт (Marquart 1896: 86, 137) сравнивал с сакским этнонимом *hau-mavarga*/Ἀμύργιοι.

Ἰοπίη см. **Ἰοπίη**

Ἰοπίη (вар. **Ἰοπίη** – SV). По Геродоту (IV 78), жена царя Ариапифа (Ἀριαλεΐθης, q.v.), мать Орика (Ὀρικός, q.v.). Видимо, из **hu-pāijā-* ‘[Наделенная] хорошей защитой’ (к первой части ср. выше, s.v. **Ἰομάργης**, ко второй ср. др.-инд. *pā-* ‘защищать’, *ṇj-pāyua-* ‘защищающий мужей’, авест. *pā-* ‘защищать’, *hu-pāta-* ‘хорошо защищенный’ и т. п.) (Justi 1895: 233; Vasmer 1923: 15; Schmitt 2003: 14–15; Mayrhofer 2006: 14).

Ὀρικός (вар. **Ἰορίζος** – АВ, **Ὀρίζος** – С, **Ἰορινος** – М). По Геродоту (IV 78), сын царя Ариапифа (Ἀριαλεΐθης, q.v.) и Опои (Ὀποίη, q.v.). Либо от иранского **uari-* ‘броня’ (от корня **uar-* ‘прикрывать’) + суффикс **-ka* (Müllenhoff 1866: 573 = 1892: 122)), либо от иранского **uarja-* ‘лучший, отборный’ (ср. др.-инд. *vārya-*, авест. *vairiia-* ‘id.’) + суффикс **-ka* (Müllenhoff loc. cit.; Vasmer 1923: 15), либо к иранскому **uara-* ‘ягненок; баран’ (ср. осет. *wær* ‘ягненок’, ср.-перс. *warān* ‘баран’) с уменьшительным суффиксом **-ik* ‘барашек’ (ср. осет. **wærykk/wærikkae* ‘барашек до полугода’) (ИЭСОЯ IV: 97). Правда, во всех трех случаях ожидалась бы передача окончания иранской *a*-основы греческим *-ης*, а окончание *-ος* предполагает *u*-основу, не объясняемую из иранского. См. Schmitt 2003: 15–16; Mayrhofer 2006: 14.

Ἰορινος см. **Ὀρικός**

Ἰορίζος см. **Ὀρικός**

Ὀρίζος см. **Ὀρικός**

ὀρμάται Согласно Гезихию, *ὀρμάται οἱ ἀνδροκτόνοι*. Σκύθαι («ὀρμάται – мужеубийцы, [как говорят] скифы»). По предположению Латте (Latte 1966: 776), глоссатор принял за артикль множественного числа и опустил начало Геродотова слова *Οἰόρματα* (q.v.), а оставшаяся часть в процессе переписывания приняла засвидетельствованную форму. См. Mayrhofer 2006: 21, с литературой.

ПАΙ Надпись на пластине с изображением оленя из кургана Куль-Обы. Традиционно считается сокращением имени владельца (Перисада?). Е.Ф. Королькова и А.Ю. Алексеев рассматривали ПАΙ как сокращение эпikleзы Аполлона *παίαν/παίων* ‘врачеватель’, предлагая перевод ‘спаситель, избавитель’ (Королькова, Алексеев 1994). В.П. Яйленко (Яйленко 2013: 305–306) предложил возводить к иранскому корню **paH-* ‘охранять’ (об этом корне и его производных см. Cheung 2007: 288–289) и понимать не как личное имя, а как нарицательное, видимо, со значением ‘защита; оберег’, хотя прямо это не сформулировано. Этимология фонетически и семантически правомерна, хотя слово может быть и личным именем – ср. сохранившееся в «побочной традиции» в эламском древнеперсидское *Va-ya-u* (**Pāyu-* ‘Защитник’) (Maurohofer 1973: 144; несколько иначе, но со сходной трактовкой начального элемента Гинц [Hinz 1975: 192]: к **Pāyavahu* ‘Защищающий добро’) и ведийское *Pāyú-* ‘Защитник’, при наличии в ведийском и нарицательного существительного *pāyú-*. К сожалению, надпись слишком коротка для уверенных выводов.

Παιρίσαλος (КБН 266, 347, 481, 509, 698, 903, 1314) (вар. *Παιρείσαλος* – КБН 1022, *Παιρισαλοῦς* – КБН 482). Скифизированная форма боспорского царского имени *Παιρισάδης* с заменой *d > l* по аналогии (поскольку скифы не могли не замечать, что в родственных иранских языках их *l* соответствует *d*). Замена окончания *-ης* на *-ος* отражает, видимо, тенденцию к ослаблению и утере конечного тематического гласного (см. Абаев 1949: 216–217 = 1979: 336–338). Любопытно, что в КБН 698 упоминается *Παιρίσαλος Σαυρόφου ἑρμηνεύς* «Перисал, сын Саврофа, переводчик» – не со скифского ли? Хотя его сын назван Ревсином, т. е. именем, по всей видимости производным от этнонима ревксиналов (*[τ]ὸ τῶν Ῥευξιναλῶν ἔθνος*), упоминаемых в декрете в честь Диофанта (IOSPE I², 352, кол. I, стк. 23) в качестве союзников скифского царя Палака и считающихся сарматским племенем (ср. Тохтасьев 2005b: 294 и 303, примеч. 40 – С.Р. Тохтасьев считает сарматским и имя Перисала; Казанский 2014: 189).

Πάλακος По эпиграфическим данным (IOSPE I²: 299, № 352 I7) и свидетельству Страбона (Strab. VII, 4, 3), скифский царь второй половины II в. до н. э., сын Скилура (*Σκίλουρος*, q.v.). Видимо, скифское **Pālaka-* < **Pādaka-* (ср. авест. *pad-/pād-*, древнеперсидское *pāda-* ‘нога’, пашто *palai* < **paḍaka-* ‘пешеход; пехотинец’ и т.п.) – ‘Ногастый; (Длинно)ногий’; ср. эпитет бога Вайю в Авесте (Yt. XV, 54): *bərəzi.pāḍō-* ‘высоконогий’ (Грантовский 1970: 174–175 и примеч. 28 = 2007: 198 и примеч. 28). Сравнение с индоарийским **pālaka-* ‘защитник’ (Трубачев

1999: 34 [= 1977: 21], 50, 61, 258, ср. также Vasmer 1923: 47, s.v. Πάλοι) неубедительно, поскольку древнеиндийское *pālaka-* – поздняя форма, появляющаяся только в классическом санскрите, видимо, под субстратным влиянием. С.Р. Тохтасьев (2005: 88), допуская в принципе возможность предложенной Э.А. Грантовским этимологии, предпочитает возводить имя Палака «к композиту, включающему этнонимическую основу (т.е. скифский этноним, переданный греческим Πάλοι. – С.К.)...». Однако, как отмечает сам С.Р. Тохтасьев (Ibid.: 91), «форма Πάλοι, кажется, указывает на *u*-основу», а от нее ожидалась бы форма **pāluka-* (ср. классич. санскр. *pāduka-*). Исследователь объясняет греческую передачу влиянием греческого личного имени Πάλος (Ibid.), но предпочтительна этимология, не нуждающаяся в постулируемых искажениях.

Πάλοι По Диодору (II, 43), один из скифских народов, названный палами по своему эпониму Палу (**Πάλος**, q.v.).

Πάλος По Диодору (II, 43), потомок царя Скифа, родоначальник палов. Видимо, к скифскому **pālu-* ‘нога или предмет обуви’ (< **pādu-*, ср. др.-инд. *pādú-* ‘id.’ – RV X, 27, 24, ср. EWAia II: 120).

Παντικάτης По Геродоту (IV 18; 19; 47; 54), река в Скифии. Томашек (Tomaschek 1899: 737) сравнил первую часть гидронима с авестийским словом, восходящим к индоиранскому **pántaHs/*pathás* ‘путь’ (ср. авест. *pañtā-/paθ-*, др.-инд. *pánthā-/pathi-/path-* ‘id.’ и пр.) (этимологию и сравнительный индоевропейский материал см. подробно в EWAia II: 81–82). В.И. Абаев (1949: 170 = 1979: 293) связал вторую часть с восточноиранским **kapa-* ‘рыба’ (хотанское *kava-*, пашто *kab*, мунджанское, йидга *ko/ap*, осетинское *kaef* ‘id.’ и пр. – см. подробно ЭСИЯ 4: 241–242) и предложил перевод ‘рыбный путь’ (Абаев 1949: 175 = 1979: 297). Предполагаемого для скифского перехода **-nt-* > *-d-* в данном случае не произошло, возможно, потому, что ему не было подвержено сочетание *-nt-* < *-nθ-*; ср. пашто *kanday* ‘квартал’, видимо, из **kanθaka* (с *-nd-* < *-nθ-*, а не *-d-* < *-nt-*) (Morgenstierne 2003: 39), а *-θ-* мог появиться в именительном падеже по аналогии с косвенными (подобно тому, как это произошло в древнеиндийском – ср. Барроу 1979: 70–71 – и, возможно, в языке Гат, где также можно предполагать обобщение формы с *-θ-*, хотя и без полной уверенности, поскольку не засвидетельствованы некоторые падежи, в том числе именительный единственного числа – Beekes 1988: 116). Кроме того, названия рек Скифии не обязательно были скифскими по происхождению (ср. ниже о названии Танаиса), так что Пантикап может быть словом иранским, но не скифским. Если предпочесть по-

следнее объяснение, отражение собственно скифского рефлекса можно видеть в западногерманском (без готского и скандинавских) слове **paþa* ‘путь’ (ср. нем. *Pfad*, нидерл. *pad*, англ. *path* ‘id.’ и пр.). Последнее не может быть исконным рефлексом индоевропейского этимона (ожидался бы начальный **f*) и считается, хотя и не без доли сомнения, иранским заимствованием (Kluge – Seebold 2002: 693; De Vries – De Tollenaere 1991: 274–275). См. также Vasmer 1923: 67, 73; Шрамм 1997: 114–115; Maughofer 1965: 226–227; Id. 2006: 14–15, 23–24, с литературой. Альтернативной этимологии элемента Панти- придерживаются В.П. Яйленко (Яйленко 2013: 59–62) и М.Д. Бухарин (Бухарин 2013: 66–70): от иранского **pančā-* ‘пять’. Такое объяснение убедительно фонетически (иранский *č* греки регулярно передавали через тау или тету + передний гласный: *Čišpi-* – *Τείσις*, **Čītravahišta-* – *Τιθραύκτης* (Müllenhoff 1866: 566, Anm. 2 = 1892: 116, Anm. **; во втором издании добавлена ссылка на работу Керна, вышедшую в 1869 г.; встречается, пусть и единожды, и йота на месте иранского а именно при передаче *čā*: *Aspačana* – *Ἀσπαθίνης*, ср. Schmitt 1967: 126–127 und Anm. 59) и возможно семантически (В.П. Яйленко и М.Д. Бухарин приводят примеры иранских топонимов, включающих рефлекс **pančā-*: Пенджаб, Пяндж и др.). Все название при этом предлагается трактовать как **Panči* (учитывая передачу имени *Aspačana* возможно и **Panča*)-*ka-āp-* (с суффиксом *-ka* и *āp-* ‘вода’) «Пятиводная» (Бухарин 2013: 70) или **Pañkti-kapa* «Пятигорье» (относительно трактовки второй части как «холм», предложенной О.Н. Трубачевым, см. выше, s. v. **kapa-*) (Яйленко 2013: 60). Non liquet.

Παπαῖος Согласно Геродоту (IV 59), скифское имя Зевса. Трактуются либо как производное от индоиранского корня **paH¹* ‘защищать’ (о нем и его соответствиях в прочих индоевропейских языках см. подробно Cheung 2007: 288–289; EWAia II: 112–113), либо как «лепетное» слово ‘папа’. Судя по тому, что Отец истории считал скифское наименование верховного бога правильным, он ассоциировал его с каким-то греческим словом. Поскольку греческие рефлексы индоевропейского корня *peh₂-* ‘защищать’ фонетически достаточно сильно отличаются от иранских (греч. *ποσίην* ‘пастух, пастырь’ и пр.), таким словом приходится считать греческое *πάππα* ‘папа’ или *πάπλος* ‘дед, предок’, из чего, однако, не следует, что для скифского предпочтительна именно «лепетная» этимология. Ср. Vasmer 1923: 15; Maughofer 2006: 15.

Παραλάται По Геродоту (IV 6), цари, resp. воинская варна скифов (см. Грантовский 1960). Соответствуют, как отмечал уже Мюлленгоф (Müllenhoff 1866: 562 = 1892: 112), мифическим авестийским первоцарям

parādāta (Vd 20, 1; слово встречается также в единственном числе как эпитет Хушенга-Хаушьянги – Yt V 21; XV 7; XVII 26; XIX 26) с характерным скифским переходом $d > \delta > l$ (альтернативное сравнение $-\lambda\acute{\alpha}ta$ с авест. *ratu* (Ibid.) неприемлемо фонетически – в скифском *r* в *l* не переходил, а греческое окончание $-al$ не оформляет иранскую основу на *u*), а по форме (но не по значению) и древнеиндийскому *puróhita* – ‘домашний жрец’¹⁰⁷. Означает ‘Впереди (*пара-*) поставленные ($-\lambda\acute{\alpha}ta < \delta\acute{a}ta$)’. Ср. Vasmer 1923: 15; Schmitt 2003: 9, Anm. 30; Mayrhofer 2006: 15, с литературой.

Пбра́та По Геродоту (IV 48), река в Скифии, которую греки называют Πυρετός. Как любое название крупной реки, может быть субстратным (ср. ниже, s.v. *Τάναϊς*). Сопоставимо как с производными (в том числе иранскими) индоевропейских корней **per-* (индоиранского **par-*) ‘пересекать, переправляться’ (ср. староавест. *pərətu-* [scil. *pṛtu-*] ‘мост’, младоавест. ‘проход’, староавест. *pərəθu-* ‘пересекающий, преодолевающий [пространство]’¹⁰⁸) и **pḥh₁-* ‘наполнять’ (ср. староавест. *pərəθā-* [scil. *pṛθa-*] ‘полная’ [о луне], др.-инд. *prātá-* ‘переполненный, наполненный’) (так у Мюлленгофа – Müllenhoff 1866: 574 = 1892: 123), так и с рефлексами индоевропейского **p₁th₂-ú-* ‘широкий’ (ср. младоавест. *pərəθu-*, др.-инд. *pṛthú-* ‘id.’ и пр.). Гумбах и Файсс (Humbach and Faiss 2012: 13) сопоставляют с авест. *pauruuatā* (именительный падеж от *pauruuatāt* ‘первичность; преимущество’) и считают гидроним именем божества реки и самой реки. Менее вероятна связь с осетинским *fúrd/ford* ‘большая река; море’, заимствованным из нахского **for-d* ‘море’ (чеченское *hord*, ингушское *ford* ‘id.’) (NCED: 677) с начальным **f-*, а не *p-*. Ср. Vasmer 1923: 61; Mayrhofer 2003: 15; Шрамм 1997: 33–37.

ПОРІNAXO см. ПОРNAXO

ПОРNAXO Надпись на ножнах меча из кургана Куль-Обы близ Пантикапея. Точная датировка погребения затруднительна, но не выходит за пределы IV в. до н. э. Надпись, видимо, представляет собой родительный

¹⁰⁷ Фонетические различия древнеиндийской и иранской форм легко объяснимы. Первая часть древнеиндийского слова, *puró-* (< *purás* ‘вперед’); в сложном слове *puróhita* – окончание первого члена $-ás$ переходит в $-ó$ перед звонкой инициально второго члена – ср. авестийское *parō*), восходит к индоевропейскому **p₁h₂-os* ‘id.’, а авестийское *parā* и скифское *Пара-* – к варианту без конечного согласного (ср. др.-инд. *purā*). Различный вокализм первого слога объясняется тем, что в древнеиндийском, когда утрата ларингала «ставит *r* в положение перед гласным, его место занимает сочетание *ir* или (после губного. – С.К.) *ur*. В этом отношении иранский... заметно отличается..., давая... сочетание *ar*» (Барроу 1976: 83). Вторые члены сложного слова, иранские формы $-\lambda\acute{\alpha}ta/\delta\acute{a}ta$ и др.-инд. $-hita$ (где ослабление первого гласного и переход $dh > h$ объясняются ударным положением: $d^h\acute{a}t\acute{a} > dh\acute{a}t\acute{a} > dhit\acute{a} > hita-$), суть причастия прошедшего времени от индоиранского корня **dhaH-* ‘ставить’ (о котором см. ЭСИА II: 420–433; Cheung 2007: 45–46).

¹⁰⁸ Если принять трактовку Келленса–Пира (Kellens et Pirat 1988–1991, II: 268). При традиционном толковании родственно производным от другого корня со значением ‘широкий’ (ср. ниже).

падеж личного имени (иначе см. Яйленко 2006: 403–405, 413–414 = 2013: 294–295, 305–307; ср. ниже). Сложность в том, что нельзя определить ни чье это было имя – мастера или владельца, ни к какому народу носитель имени принадлежал. Как пишет в редакторском комментарии к работе Ф. Гёйсе С.Р. Тохтасьев, «Also warum ist der Name gerade skytisch? (Так почему же это именно скифское имя?)» (Huysse 1998: 177, Anm. 56). То, что Куль-Оба считается скифским курганом, дела не проясняет даже в том случае, если перед нами имя владельца, поскольку меч мог быть получен в дар от иноплеменника, чье имя и сохранилось на ножнах. Юсти (Justi 1895: 254) трактовал первую часть как иранское **paru* ‘много’ (ср. авест. *pouru-*, др.-перс. *paru(v)*, др.-инд. *purí-* ‘id.’), вторую сравнивал с новоперсидским *пах* (в современном языке ‘нить’) и переводил все имя как ‘Имеющий много ковров’ (*viel Teppiche besitzend*), но при таком толковании трудно объяснить падение гласного второго слога в элементе **paru*. Идущее также с XIX века понимание надписи как иранского имени Фарнак в генитиве (см., например, Яйленко 2006: 404–405 = 2013: 294–295, с литературой) не учитывает ни примера передачи скифского слова «фарн» с начальным фи и альфой в первом слоге (см. ниже, s.v. **Σαῖταφάρνης**), ни крайней редкости перебоя *k/x* в интервокальной позиции (в отличие от анлаутной): единственный его пример для древнеиранских языков – древнеперсидское *atāxam* (род. падеж местоимения «мы», ср. др.-инд. *asmākam*, авест. *ahmākam*). Этимология, предложенная В.П. Яйленко (Яйленко 2006: 413 и примеч. 1 = 2013: 305–306, примеч. 512), – к иранскому **x^harnahvahu-* ‘благой фарн’, – вызывает сомнения опять-таки из-за постулируемой передачи иранского *farnah* (а не **x^harnah*, ср. ниже) с начальным пи и омикроном в первом слоге. Последнее обстоятельство В.П. Яйленко объясняет лабиализацией гласного под влиянием огубленного *x^h*, забывая, что форма с начальным *x^h*, как убедительно показал А.М. Лубоцкий (Lubotsky 1998: 479–483) – искусственное авестийское преобразование формы с начальным *f*, и потому не может привлекаться для объяснения фактов скифского языка. С формально-фонетической точки зрения заманчиво возводить к иранскому **pʀHnā-ax^hā-* ‘[Обладающий] полной (*pʀHnā* – передача иранского *r* слогового в интерконсонантной позиции как ор может в таком случае объясняться огубленностью под влиянием предшествующего *p-*) жизненной силой (*ax^hā*)’ или ‘Исполненный разума’ (? – ср. Bartholomae 1904: Sp. 111–112, s. v. *anhvā-*; Huysse 1998: 185), но сложность в том, что значение староавестийского *ahuuā-*/младоавестийского *anhuiū-* точно не определяется; Келленс и Пирап (Kellens et Pirart 1988–1991, II: 216) воздерживаются от перевода староавестийского слова, да и младоавестийские

контексты не дают однозначного понимания. Можно предполагать и сокращенное написание второй части сложного слова, что весьма вероятно, но дает слишком большой простор воображению. Кроме того, по сообщению А.Ю. Алексеева, не исключена вероятность прочтения этой двухстрочной надписи как ПОРИ / NAXO (чтение ПОРИ / NAXO принимает и С.Р. Тохтасьев – см. Тохтасьев 2015: 891–893, с литературой), тем более что известна другая золотая накладка на ножны из кургана близ Белозерки с граффито I ПОРИ, где спереди и сзади букв ПОР процарапаны вертикальные черточки чуть длиннее остальных букв, напоминающие *йоту* (Отрощенко 1984). Non liquet.

Προτοθύης (вар. **Πρωτοθύης** – P) По Геродоту (I, 103), отец царя скифов Мадия, вторгшегося в Переднюю Азию в правление мидийского царя Киаксара. Еще Винклер (Winckler 1893–97: 487) отождествил его с *Bartatua* (*mbar-ta-tu-a*), царем скифов, современником Асархаддона (680–669 гг. до н. э.), упоминаемым в запросе последнего к оракулу бога Шамаша (SAA 4 20; Иванчик 1996: 212–216) (см. Fuchs and Schmitt 1999). Видимо, иранское **pṛθu-tavah* или **pṛθu-tuvant* (в обоих случаях ожидалось бы окончание именительного падежа **-vā*) ‘Широкомощный’ (ср. младоавест. *pərəθu-*, др.-инд. *pṛthú-* ‘широкий’ и др.-инд. *tavás-* ‘сильный, мощный’, младоавест. *paiti.tavah-* ‘противопоставляющий силу, оказывающий сопротивление’ или младоавест. *tuaant-* ‘могущий, способный’) с частичной грецизацией (начальное Про/ω-) и, возможно, метатезой **θ – t* (Schmitt 2003: 16–17). Возведение первого компонента к постулируемому, но реально не засвидетельствованному иранскому **pṛta-* ‘битва’ (Brandenstein 1954: 62; Грантовский 1970: 204 = 2007: 231) менее вероятно (Schmitt 2003: 17, Anm. 61).

Σάϊοι Сайи, этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32, А, стк. 34). Явно из **xšaya-* ‘правитель, царь’ со скифским переходом **xš > сибилант* в анлауте (ср. *Σαῖταφάρνης, Σατράκης*). Вопреки распространенному мнению (см., например, Иванчик 2009: 83–84), не могут быть сарматами, т.к. в сарматоаланском начальном иранском кластере **xš-* сохранялся – ср. его передачу греческим ξ- и осетинский рефлекс *xš-*).

Σαῖταφάρνης Царь одного из северопричерноморских народов, скорее всего, сайев (q.v.), хотя прямо в источнике об этом не говорится, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32, А, стк. 10, 83). Из иранского **Xšaitafarna-*, ‘[Обладающий] блистательным (или ‘царственным’) фарном’ со скифским переходом **xš > сибилант* в анлауте (ср. *Σάϊοι, Σατράκης*).

***σανάπη** (в рукописи *σάναπις* в форме аккумулятива *σάναπιτιν*, чтение *σανάπην* – конъектура Скалигера) По Гезихию, скифское наименование пьяницы. Первая часть (*σανά-*) ‘вино’ (ср. осетинское *sæn/sæna* ‘id.’) идет из прасеверокавказского **swñē* ‘барбарис; смородина’ (аварское *sanī* ‘барбарис’, лакское *sunū* ‘гранат’, адыгейское *sāna*, кабардинское *sāna* ‘виноград, вино’ – NCED: 971) и заимствовано, судя по форме и семантике, из западнокавказского¹⁰⁹. Вторая часть слова, видимо, восходит к корню со значением ‘пить’ (Vasmer 1923: 50, с литературой). То же слово, согласно Гекатею, существовало у фракийцев (*ἐλεῖ δὲ οἱ μέθυσοι σανάπαι λέγονται παρὰ Θραιξίην...* «Так как пьяниц у фракийцев называют *σανάпαι*... – FGrH I F 34), которые, видимо, заимствовали его у скифов¹¹⁰. Это тем более вероятно, что у фракийцев было собственное слово для обозначения вина: *ζῖλαι* (Hes. *ζῖλαι ὁ οἶνος παρὰ Θραξί*).

Σάνευνος По Гелланику (FGrH 4 F 189), скифский царь, при котором впервые стали изготавливать железное оружие. Я. Харматта (Гарматта 1951: 96–98) этимологизировал как иранское **Sānavana-* ‘Побеждающий врагов’ (ср. согд. *s'n*, хотанское *sānā*, осет. *son* ‘враг’ – согласно Бейли [Bailey 1979: 424], от индоевропейского корня **skēH* ‘резать’, что объяснило бы начальный *s-* в иранском, ср. *s. v. Σκίλουρος*; др.-инд. *van-*, авест. *van-* ‘побеждать’).

ΣΑΡΙΑΚΟΥ (генитив, соответственно именительный падеж *Σαριακος*) Имя царя Малой Скифии II в. до н. э., известно из легенд на монетах и надписи на алтаре, обнаруженном в море близ мыса Калиакры (Тарасюк 1956: 23–24; Лазаров 1985; Тохтасьев 2005а: 103–105). Возможны самые разные этимологии: от иранского **sar¹⁻* ‘прятать, скрывать’ (Cheung 2007: 335–336), **sar²⁻* ‘подстрекать, побуждать’ (Cheung 2007: 336), **sarH¹⁻* ‘охлаждать’ (Ibid.: 336–337), **sarH²⁻* ‘соединять’ (Ibid.: 337) или **sarH³⁻* ‘ломать, разрушать’ (Ibid.: 338), от индоиранского **śrHas* ‘голова’ (ср. авест. *sarah*, др.-инд. *śiras* ‘id.’); фонетически менее вероятно, как отмечает Тохтасьев (loc. cit.), возведение к иранскому **čarH-* ‘передвигаться и пр.’ (ЭСИЯ 2: 227–230; Cheung 2007: 33–35). Важно то, что при любой из предлагаемых эти-

¹⁰⁹ Вопреки распространенному мнению (ИЭСОЯ I: 512–513; III: 66–68, с литературой; EWAia II: 605; Тохтасьев 2005а: 102 и примеч. 251), вряд ли слово для обозначения вина связано с др.-инд. *śanā*, ср.-перс. и новоперс. *šan* ‘конопля’, восходящими к этимону с перебоем сибилант/смычный в анлауте, давшему также нем. *Hanf*, осетинское *gaen/gæna*, русское конопля ‘id.’ и пр.

¹¹⁰ Любопытно, что В.П. Нерознак, видимо, не зная о кавказских параллелях, считал тем не менее, что во фракийском и скифском «это слово могло быть заимствовано из какого-то третьего языка-источника» (Нерознак 1978: 54).

мологий, кроме наименее правдоподобной, имя не может считаться исконно скифским, т. к. иранский *ś перед гласным давал скифский θ (ср. s.v. *ἈρΓιμήσα, *Γοιτόσυρος, Θαμιμασάδας).

Σατράκης Имя царя азиатских скифов, упоминаемого Аррианом (Anab. IV 4, 8). Из иранского *Xšaθraka- ‘Владетельный’ со скифским переходом *xš > *сибилян*т в анлауте.

***satrapā-** Литературное греческое слово ‘сатрап’, σατράπης, передает не древнеперсидскую (*xšaçapāvan-*) и не мидийскую (где ожидалась бы передача начального кластера греческим кси, что и демонстрируют эпиграфические варианты: ξατράπης, ξαθράπης, etc., отражающие как раз мидийскую норму) форму, а лексему некоего иранского языка, в котором кластер *xš- в анлауте переходил в сибилян. Таким языком в Передней Азии в соответствующее время был только скифский. Функционирование вариантов одного понятия, оформленных в соответствии с фонетическими нормами разных языков, вполне возможно, как показывает бесспорное наличие древнеперсидской и мидийской форм титула ‘сатрап’. Ср. также праславянское диалектное *šatriti ‘смотреть; блюсти’, которое О.Н. Трубачев (1967: 51–55) считал производным от заимствованного иранского *xšaθra- ‘власть’. Если его этимология верна, то славянская форма отражает скифские, а не сармато-аланские черты: переход xš > š и отсутствие метатезы -θr- > rθ.

Σαυαῖος (Hdt. IV 76, 6 – D) (вар. Σαύλιος – АВСТМР; Σαυλάιος – D [IV 76, 5] RSV). Согласно Геродоту, имя скифского царя, убившего Анахарсиса. Чтение Σαυαῖος встречается хотя и в единственной, но авторитетной рукописи, видимо, протографе римской ветви (Nemmerding 1981: 10), а чтение Σαυλάιος в другом месте той же рукописи и в прочих рукописях римской ветви может объясняться исправлением формы Σαυαῖος при сличении с рукописью, содержавшей форму Σαύλιος (Rosén I: 394, ad lin. 11; Schmitt 2003: 18; Иванчик 2009: 72 и примеч. 51). Поэтому Р. Шмитт предложил при толковании имени исходить из формы Σαυαῖος, с чем согласились последующие авторы (Mayrhofer 2006: 15–16; Иванчик loc. cit.). В этом случае имя можно считать уменьшительно-ласкательной формой (с суффиксом *-[a]ya*) от имени, содержавшего рефлекс иранского *šīāua- ‘темный, черный’ (Schmitt loc. cit.; Mayrhofer loc. cit.¹¹¹) (ср. авест. *siiauiua-*, др.-инд. *śyāva-* ‘id.’ – судя по авестийским, древнеперсидским, ваханским и

¹¹¹ К тому же корню с расширением *-d > l* относил это имя С.Р. Тохтасьев, исходивший из формы Σαύλιος (Тохтасьев 2005а: 87).

пр. аналогиям, перед полугласными * \dot{i} и * \dot{u} * \acute{s} в скифском мог сохраняться¹¹²), не переходя в θ , хотя, как отметил Тохтасьев, «столь раннее выпадение -у-... вызывает сомнения» (Тохтасьев 2005а: 87 и примеч. 163). И действительно, такого выпадения не было и в позже зафиксированном сарматском – ср. имена Σίαυος из ольвийской надписи времени Александра Севера № 103, стк. 3 (IOSPE I²: 135–136) и Σιαύακος (КБН 1242, стк. 18; 1279, стк. 18) – явно из * $\acute{s}i\dot{a}u\dot{a}$ - и * $\acute{s}j\dot{a}u\dot{a}k\dot{a}$ - ‘черный’ (встречающиеся, в том числе и в той же надписи КБН 1279, «формы, отражающие более позднюю стадию языкового развития» [Иванчик 2007: 206], т.е. с предполагаемым выпадением глайда; а именно Σαύων и т. п., могут восходить и к иным праформам с начальным * $\acute{s}u$ - или * \acute{s} -: ср. ниже, а также s.v. Σαύακος). Предлагаемые Шмиттом (loc. cit. mit Anm. 66) в качестве теоретически возможных альтернативных толкований сравнения с авест. *sauuuh-*, др.-инд. *śávas-* ‘мощь, сила’ или с авест. *sauua-* ‘польза, выгода’ менее вероятны, поскольку никаких следов глайда в этих словах нет, а значит, в скифском в их производных ожидалась бы инициаль θ . Чтение большинства рукописей Σαύλος, принимаемое в качестве основного издателями Геродота, тоже, впрочем, поддается истолкованию из скифского как производное от корня * $x\acute{s}ud-$ (ср. др.-инд. *ksud-* ‘топтать, толочь, рассеивать’) в сильной ступени со скифскими переходами начального кластера в сибилант и * $d > l$ с суффиксом * $\dot{i}u$. Имя означало бы тогда ‘Топчущий, Рассеивающий (врагов)’¹¹³.

Σαυλάιος см. **Σαυαῖος**

Σαύλος см. **Σαυαῖος**

¹¹² Выше (примеч. 79) уже говорилось, что в некоторых восточноиранских и югозападноиранских языках, как живых, так и мертвых, общеиранский кластер * $\acute{s}u$ дал \acute{s}/s . Правда, для скифского, насколько можно судить по именам Ишпакая и Спаргапифа, регулярным было развитие * $\acute{s}u > sp$, но учитывая, что, скажем, в осетинском, при регулярном переходе * $\acute{s}u > *sp >$ (и далее с метатезой *fs*), встречаются и случаи перехода * $\acute{s}u > s$, можно предположить, что такого рода явления имели место и в скифском. К сожалению, мы пока не можем объяснить их природу даже на материале лучше документированных современных языков, так что всякие суждения о соответствующем фонетическом развитии в скифском остаются во многом умозрительными.

¹¹³ В более ранней работе (Кулланда 2006а: 202) я возводил имя Σαύλος к общеиранскому * $\acute{s}audya-$ ‘(Ритуально) Чистый’ (ср. древнеиндийское *śodhya-* ‘долженствующий быть очищенным’), считая скифский *s* исконным рефлексом общеиранского * \acute{s} , а переход * $\acute{s} > \theta$ характерным для заимствований. В настоящее время я склонен думать, что исконным рефлексом * \acute{s} был скифский θ . В этом случае от приведенной этимологии, при всей ее заманчивости, приходится отказаться, поскольку в исконно скифском корне не могут сочетаться проявления двух гетерогенных особенностей фонетического развития: скифского перехода * $d > l$ и нескифского, хотя и характерного для большинства иранских языков перехода * $\acute{s} > s$. Не исключено, конечно, что имя Савлия было заимствовано из некоего субстратного юговосточноиранского языка, в котором * $d > l$, а * $\acute{s} > s$, но это объяснение нельзя считать убедительным без аргументов в пользу существования такого языка, которых у нас пока нет.

Σαύμακος Савмак, имя предводителя скифов, убившего Перисада V и захватившего на некоторое время власть над Боспором. Упоминается в херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE I², № 352, II, стк. 34). В.И. Абаев (1949: 181–182 = 1979: 303; ИЭСОЯ III: 95–96), сравнивая с осетинским *sæwmae* ‘утро’, толковал как *Sauma-ma-ka-* ‘Утренний’, ‘*Matutinus*’ (с начальным сибилантом < *š_u-, ср. хотанское *svī* ‘завтра’, др.-инд. *śvās* ‘утро’). Фонетически и семантически столь же правдоподобно возведение к иранскому **šāumaka-* ‘Черный’ (Huysse 1998: 183 mit Anm. 96, 97; Тохтасьев 2005а: 87; Maughofer 2006: 20), хотя опять-таки возникают сомнения относительно раннего выпадения *j* (ср. выше, s.v. Σαυαῖος). Поскольку значение имени неизвестно, невозможен обоснованный выбор одного из двух более или менее равноправных вариантов этимологии.

Silis (вар. **Sinus**)¹¹⁴ Согласно Плинию, скифское название реки: Танаиса (Nat. Hist. VI 20) или Яксарта, который воины Александра считали Танаисом (VI 49). К иранскому **xšuid-* (ср. авест. *xšuuīd-* ‘молоко’) со скифскими переходами начального кластера в сибилант и **d > l* и обычной в греческом передаче *υ* нулем звука – ср. современное название р. Молочной в Запорожской области Украины? Non liquet.

Σκίλουρος По Страбону (VII 4, 3; 6) и надписи из окрестностей Неаполя Скифского IOSPE I², 668, стк. 1, имя скифского царя. Вопреки В.И. Абаеву (ИЭСОЯ III: 125, s.v. *sk'īl / sk'elæ, k'elæ*), вряд ли из **skīl-uru* ‘Толстопятый’, поскольку в приведенных осетинских формах со значением ‘складка; загиб’ *-l-* вторичен, и в скифском рефлексе ожидался бы *-r-*. Скорее из **skidura-* ‘Режущий; гесп. Победоносный’ (ср. др.-инд. *chidura-* ‘режущий; уничтожающий’) (Трубачев 1999: 276–277); относительно семантического развития ср. курдское *biṛa* ‘победоносный’, букв. ‘режущий’ (Цаболов 2001: 188–189). Ввиду юговостоочноиранского перехода *d > l* не может быть индоарийским, как считал автор этимологии О.Н. Трубачев. Правда, форма **skidura-* из индоиранского **scidura* не вполне регулярна – ожидалось бы **sidura-* (на это обратил мое внимание А.М. Лубоцкий). Возможно, в скифском произошла контаминация с корнем *(*s*)*kand-* ‘расщеплять, раскалывать’ (об этом корне см. Cheung 2007: 342–343) (ср. шугнанское *x'ičand/š'ičend-* ‘резать’).

Σκόλοτοι По Геродоту (IV 6), самоназвание скифов. Множественное число, образованное при помощи суффикса *-ta* (о котором см. ниже, примеч. 129) от **skula-* (из **skuda-* с закономерным юговостоочноиранским переходом *δ > l*). Более ранняя форма того же этнонима без фор-

¹¹⁴ О вариантах названия и предпочтительности чтения *Silis* см. Подосинов, Скржинская 2011: 325–326, примеч. 544).

манта *-ta* дала ассирийские и вавилонские передачи самоназвания скифов – *Āš-gu-za-a-a*, *Iš-ku-za*, *Iš-ku-za-a-a* с протетическим гласным (см. подробно выше) – и греческие Σκύθης, мн. ч. Σκύθαι (q. v.). Этимология А.В. Назаренко (Назаренко 1989), сближавшего скифское Σκολ- с общеславянским **xol-*, отраженном в русских словах ‘холостой’, ‘холоп’ и т.п., и германским **skal-k-s* ‘слуга, раб’, несостоятельна: скифский *-l-* восходит к иранскому **-d-*, который не может соответствовать славянскому и германскому *-l-*.

Σκύθης, мн. ч. **Σκύθαι** – греческое наименование скифов, восходящее к самоназванию **skūda-* (из **skuda*). Скифский этноним может восходить к индоевропейскому корню со значением ‘стрелять’ (ср. восходящие к тому же корню английское *shoot*, нем. *schießen* ‘стрелять’, *Schütze* ‘стрелок’) и означать ‘стрелок’, к слову **skauda* ‘шапка’ (относительно фонетики ср. вах. *skid* ‘тюбетейка’, а относительно семантики – этноним сака тиграхауда, ‘острошапочные саки’) (Cornillot 1981)¹¹⁵ или к корню со значением ‘отрезать, отщеплять’ (ср. английское *shear*, немецкое *scheren* ‘стричь’, осетинское причастие *sk^oyd/sk^uud* ‘рваный; лопнувший; треснутый’) (Трубачев 1999: 137). В этом случае самоназвание «скиф» означало бы ‘отделившийся; отщепенец; изгой’ и типологически соответствовало бы самоназваниям казахов и русских казахов, восходящих к тюркскому слову с тем же значением ‘отделившийся; изгой’. В дальнейшем *δ* в скифском закономерно дал *l*, и этноним принял вид *skula* – ср. имя скифского царя Σκόλης (q. v.) и самоназвание Геродотовых скифов Σκόλοτοι (q. v.).

Σκόλης По Геродоту (IV 76, 78–80), скифский царь. Скифское *Skula-* ‘Скиф’ – более поздняя форма этнонима **skūda-* с закономерным переходом *δ* в *l*. Ср. Σκόλοτοι (q. v.). См. Schmitt 2003: 20–21, с литературой; ср. также Idem 2012: 10; Mauryhofer 2006: 16. Возражения Шмитта (с которым солидаризируется Иванчик – 2009: 66), считающего, что греческие формы с тетой и ламбдой не сводимы к одному этимону, безосновательны (см. подробно ниже).

Σκόπασις (вар. **Κόπασις**–PDRSV) По Геродоту (IV 120, 128), правитель одной из частей (μοῖρα) скифского царства. Большинство специалистов, справедливо отвергая сравнение Мюлленгофа (Müllenhoff 1866: 571 = 1892: 120) с авестийским корнем *š(ii)ā-* ‘радоваться, наслаждаться’, считает имя Скопасиса не поддающимся объяснению из иранского, на-

¹¹⁵ Правда, С.Р. Тохтасьев не считает возможным происхождение **skūda* из **skauda*: «монофтонгизация *au > ā* (тем более – переход *ō > ū*) никак не может быть отнесена к 670-м гг. до н. э., а *Ašguz-* и под., Σκύθαι с кратким *υ* и Σκόλης, Σκόλοτοι в сумме указывают на **skūda-* (в еврейской форме со scriptio plena долгота лишь позиционная)...» (Тохтасьев 2005а: 69, примеч. 58).

поминая, вслед за Фасмером (Vasmer 1923: 16), о фракийских именах на *-asis* (Schmitt 2003: 21, с литературой; Mayrhofer 2006: 16). По мнению Гумбаха и Файсса (Humbach and Faiss 2012: 14) – искажение иранского **Sōkapis*, т.е. **sōkāp* < **sauka-āp*, ‘серная вода’. Реконструируемое сложное слово они сравнивают с авест. *āp.saokəntauiiī-* ‘серная вода, выпиваемая при клятве’, от *saoka* ‘сера’ (новоперсидское *sōgand* ‘клятва’). Я предпочитаю иные этимологии, не постулирующие искажения дошедшей до нас формы: к иранскому **skāp-* (вариант корня **kap/f-*) ‘раскалывать, рассекать’ (ЭСИЯ 4: 230–232; Cheung 2007: 234–235) или к одному из омонимичных иранских корней **kaup-* (с *s-mobile*, как в случае со **skāp-*, если предпочесть форму *Σκόλασις*, или без оногo, если ориентироваться на форму *Κόλασις*): 1) ‘гореть, гневаться, страстно желать’ или 2) ‘бить, ударять’ (ЭСИЯ 4: 366–371; Cheung 2007: 249–250) с суффиксом *-ti*, иногда образующим имена деятеля (ср. др.-инд. *dhūti-* ‘потрясатель’ и пр.; подробнее см. Барроу 1976: 160) и передающимся греческим *-σι-* (см. выше, s.v. *Ἀνάχαρις*). Соответственно имя могло бы значить либо ‘Рассекающий’ (ср. выше, об имени Скилура), либо ‘Ударяющий’, либо ‘Страстно желающий’, либо ‘Гневный’. Поскольку скифское значение нам неизвестно, невозможно и предпочесть какой-либо из фонетически равноправных вариантов. Non liquet.

Σπαργαπίθης Спаргапиф, имя скифского царя, отца Лика (Hdt. IV 76) и царя агафирсов, убившего Ариапифа (Hdt. IV 78). Из иранского **Spargaraiša-* – ‘Подобный цветку’ или ‘Цветущего вида’, ср. ваханское *sprəw* ‘цветок’ и авестийское *paēsa-* ‘украшение’ (Müllenhoff 1866: 567 = 1892: 117; Vasmer 1923: 16; Schmitt 2003: 21–22; Mayrhofer 2006: 16–17).

σποῦ Согласно Геродоту (IV 27), ‘глаз’ по-скифски (см. выше, s.v. *Ἀρζαστοί*). Сравнивали с авестийским *spas-* ‘соглядатай’ (Müllenhoff 1866: 554–555 = 1892: 104–105).

Ταβίτι Согласно Геродоту (IV 59), скифское имя богини домашнего очага Гестии. Традиционно возводят к иранскому корню **tap-* ‘согреть’ (Zeuß 1837: 286 und Anm. *; Müllenhoff 1866: 558, Anm. 1 = 1892: 108, Anm. ***; Mayrhofer 2006: 17, с литературой), хотя уже Фасмер, (Vasmer 1923: 16–17) резонно усомнившись, что бета может передавать иранский *-p*¹¹⁶, высказал прозорливую догадку, что в имени Табити, как и в названии Танаиса, начальный глухой соответствует иранскому

¹¹⁶ И в самом деле, у нас нет примеров озвончения интервокального *-p-* в скифском: ср. имена Апи, Липоксая, Папая, Скопасиса, Спаргапифа и пр., этноним напов и другие слова. С.Р. Тохтасьев (2005а: 78–79, примеч. 109) допускает для имени Табити возможность диссимилиации глухих смычных, но параллельных примеров такой диссимилиации в скифском также нет.

звонкому. Правда, его сравнение с др.-инд. *dū-* ‘гореть’ (имя богини он трактовал как каузативное причастие **dāvajantī-* ‘Зажигающая, Воспламеняющая’) также не объясняет интервокальной беты в греческой передаче. Скорее, в согласии с гипотезой Гольцера (Holzer 1989: 13 et passim) о существовании в древности в Восточной Европе некоего индоевропейского языка, где глухим большинства индоевропейских (включая индоиранские) соответствовали звонкие и наоборот¹¹⁷, имя Табити следует считать субстратным и возводить к индоевропейскому корню **dh₂p-* ‘готовить ритуальную пищу’ (ср. лат. *daps* ‘торжественная трапеза после жертвоприношения’, арм. *tawn* ‘празднество’, др.-сев. *tafn* ‘жертвенное животное’ и пр.)¹¹⁸, что не противоречит образу богини домашнего очага.

Τάξικς По Геродоту (IV 120), имя скифского царя. Как отметил Р. Шмитт (Schmitt 2003: 23), этимология Мюлленгофа (Müllenhoff 1866: 572 = 1892: 121): ‘Скакун’ (Renner), по аналогии с авест. *taxš-* ‘laufen lassen’, неубедительна, поскольку авестийская форма произведена от корня *tak-* ‘бежать’, и маловероятно, что такое же вторичное развитие имело место в скифском. Спорна и альтернативная этимология (ее также приводил Мюлленгоф, считавший, однако, что к имени Таксакиса она неприменима, а объясняет только имя Τόξαρς, q. v.): из **Tuxša-ka-* ‘Стремящийся’; при передаче иранского *-ua-* в греческом ожидалась бы омега или омикрон. Наконец, в исконно иранском имени *-ki-* дало бы *-ci-* (Schmitt 2003: loc. cit.). Non liquet.

Τάναϊς (вар. **Τάρναϊς** D IV 47) Танаис, гидроним, название Дона, под которым его знали в скифское время греки. Видимо, нескифское: скифы, согласно Плинию Старшему (Nat. Hist. VI, 20), называли Танаис Силисом, хотя все исследователи пытаются объяснить его из иранского (обзор имеющихся точек зрения см. в: Schmitt 2003: 25–26 und Anm. 99, 100). Скорее, хотя и восходит к индоевропейскому корню **dh₂n-* и родственно древнеиндийским и иранским словам, с которыми его

¹¹⁷ По Гольцеру, глухие постулируемого субстратного языка восходили только к индоевропейским звонким придыхательным (а не к звонким непридыхательным традиционной реконструкции, геср. глоттализированным Гамкрелидзе–Иванова и сильным Шеворошкина–Старостина), но по меньшей мере в одном из приводимых им примеров (ср. ниже, s. v. *Tánaïς*,) глухой *t-* субстратного языка явно восходит к индоевропейскому звонкому непридыхательному/глоттализированному/сильному. В рассматриваемых случаях (*Tánaïς* и *Ταβτί*) это можно объяснять двояко: либо в субстратном языке глухими были и рефлексы индоевропейских звонких непридыхательных/глоттализированных/сильных (противоречащих этому примеров как будто нет), либо эффект придыхательности создавало (как при образовании индоиранских придыхательных – ср., например, **ratha-* ‘колесница’ из **rót-h₂-o-* – EWAia II: 429–430) непосредственное соседство ларингала.

¹¹⁸ Об этом корне и его рефлексах см. Топоров 2012: 167–169.

сравнивают (авест. *dānu-* ‘река, поток’ др.-инд. *dānu-* ‘жидкость; роса’ с суффиксальным *-u* и пр.) (Pokorny 1959: 175; EWAia I: 719–720), заимствовано из реконструированного Гольцером субстратного языка, о котором см. выше, s. v. Ταβίτι.

TANOYΣA Имя царя Малой Скифии II в. до н. э. (Тарасюк 1956; Тохтасьев 2005a: 104, примеч. 268). Возможно, к иранскому *tanū-* ‘тело; личность’ (авест. *tanū-*, др.-инд. *tanū-* ‘id.’), ср. имя сына Кира Великого у Ктесия – Ταυνοζάρκης, которое принято толковать (как **Tanū-vazrka-* ‘Мощнотелый’ (‘groß an Körper(bau), von großer Statur, von Körperbau ein Hüne’) (Hinz 1975: 234; Schmitt 2006: 197–199).

τάρανδος (вар. **τάρανδρος**, Ph. I, 384, и лат. **tarandrus**, Plin. Nat. Hist. VIII, 123, 124), одно из греческих слов для обозначения оленя или лося (см. подробнее Подосинов, Скржинская 2011: 364, примеч. 880). По Гезихию (s.v.), ζῷον ἐλάφω παραπλήσιον, οὗ τὰς δορὰς εἰς χιτῶνας χρῶνται Σκύθαι («животное, похожее на оленя, чьи шкуры скифы используют как одежды»). Исебаарт (Isebaert 1982) возводил к «староосетинскому» **θاران-тара-* (из индоевроп. **k(e)ren-tero-*, от *ker-/k̑-* ‘рог’, ср. греч. κέραс ‘рог’, лат. *cervus* ‘олень’, букв. ‘рогатый’ и пр.) ‘рогатое [животное] par excellence’. Связь с обозначением рога представляется правдоподобной, тем более что инициаль отражает скифский (а не «староосетинский», где ожидался бы *s*) рефлекс иранского *ś-* (<**k̑-*)¹¹⁹, однако объяснение второй части слова менее убедительно. Может быть, *-ανδ(ρ)ος* родственно индоевропейским словам со значением ‘острие’ (греч. ἀθήρ ‘острие, рожон, ость’, ἀνθήριζ ‘ость колоса, стебель’ и пр.)? В таком случае слово означало бы что-то вроде ‘[животное] с острыми отростками на рогах’ (или ‘на голове’, учитывая, что в индоиранском производные от этого корня приобрели значение ‘голова’ – ср. авест. *sarah-*, др.-инд. *śiras-*, осет. *sær* ‘id.’.)

Ταργίταος Таргита́й, согласно Геродоту (IV 5, 7), прародитель скифов. Эбель (Ebel 1857: 400) предложил возводить вторую часть имени к иранскому слову со значением ‘сила, мощь’ (ср. авест. *-tauuah-* ‘id.’, др.-инд. *tavás-* ‘сильный, мощный’). Мюлленгоф (Müllenhoff 1866: 561 und. Anm. 1 = 1892: 111 und. Anm. *) сравнивал имя Таргитая с упоминаемым Полиеном (VIII 55) именем меотянки Тиргатао (Τῖργαταώ), жены царя синдов Гекатея. Миллер (1887: 125–127) и Томашек (Tomaschek 1888: 721) толковали имя Таргитая как иранское **tiyra-taua-* ‘Сильный как стрела’ (‘стреломощный’, pfeilkraeftig) с метатезой *yr > ry*, но, как показывают имена Аргота и Омарга и этноним аргиппеев, эта метатеза не была ха-

¹¹⁹ О широко распространенной передаче иранского *θ* греческим *tau* см. Schmitt 1967: 127 und Anm. 65.

рактерна для скифского¹²⁰. Фасмер (Vasmer 1923: 17) в качестве альтернативной этимологии предлагал иранское (в современной транскрипции) **darya-taça*- ‘Долгомощный’, ‘С далеко [простирающейся] силой’, указывая в ее поддержку на передачу иранского звонкого глухим в названии Танаиса (см. выше, s. v.). Однако эта аналогия не вполне корректна, так как последнее происходит из субстратного языка. Будь имя Таргитая заимствованным из того же источника, по установленным Гольцером фонетическим соответствиям (см. s. v. Ταβίτι) звонкий *-gh- в нем должен был бы дать глухой -k-, а не -γ-. Если допустить, что в имени Таргитая гамма появилась на месте дигаммы (что предполагается, в частности, для имен *ΑρΦιήασα и *Φοιτόσυρος, q. v.), можно возводить его к иранскому **tarui-taça*- (для первой части ср. авест. *tar-*, основа настоящего времени *tauruiaia-*, др.-инд. *tar-* ‘преодолевать’, а также упоминаемое в Авесте, Vd X 10; XIX 43, имя демона *Tauruii-*, т.е. Тарви, поскольку -u- в первом слоге появляется только на письме перед глайдом в слоге последующем), ‘Преодолевающий силой’, но это требует нежелательного исправления рукописной традиции. С другой стороны, косвенный аргумент в пользу такого исправления – невозможность сочетания -gi-, не перешедшего в -ji-, в исконной индоиранской и иранской лексике. Non liquet.

Τεῦταρος По Геродору, скиф, пастух стад Амфитриона, обучавший Геракла стрельбе из лука (FHG I: 219; Justi 1895: 323–324, с литературой; Vasmer 1923: 17). Имя считается «темным» (dunkel) (Vasmer 1923: 17; Mayrhofer 2006: 20). Согласно Гумбаху и Файссу (Humbach and Faiss 2012: 17), скорее кельтское, чем иранское, без дальнейших уточнений. К иранскому **taça-tara*- ‘Более сильный’, ср. др.-инд. *taváštara*, эпитет Индры в Ригведе (I 30, 7)? Соблазнительно, тем более что у Ктесия в передаче Диодора встречается имя Τεῦταρος, которое можно трактовать как превосходную степень того же слова: **taça-tama*- ‘Сильнейший’. Конечно, в иранском скорее ожидалось бы сохранение s перед t, как в ведийском, но, скажем, в авестийском слово среднего рода на -ah, каковым является и *tauiah* - ‘сила’, может иметь дублет с окончанием на гласный: ср. староавест. *saiuiah*- и *saiuia*- ‘польза’ (Бартоломе) или ‘изобилие’ (Келленс и Пирар). Впрочем, поскольку значение имени неизвестно, этимология поневоле умозрительна.

Τίρανος (вар. **Τισάραντος** – **V¹ C**, **Τιραντός** [в тексте **Τιραντὸς**] – **DRSVPTM**). Гидроним, название реки в западной Скифии (Hdt. IV 48). Если название иранское, будь то собственно скифское или субстратное

¹²⁰ Впрочем, Р. Шмитт (Schmitt 2003: 24–25) считает такую метатезу «вполне мыслимой» (durchaus denkbar) для скифского.

(последнее вполне естественно для названия крупной реки), оно может быть производным от корня *čarH- ‘двигаться’ (о корне см. ЭСИЯ 2: 227–230; Cheung 2007: 33–34); ср. передачу иранского č- сочетанием греческого тау с последующим передним гласным в имени царя из династии Ахеменидов Чишпиша: Čišpi- – Τεῖσπης. Даже если слово субстратное, объяснение его как причастия на -ant сталкивается с трудностями, поскольку предполагает тематизацию основы во всех без исключения древнеиранских языках (см. выше, s.v. Ἀριάντας).

Τόξαρις Имя скифа, давшее название рассказу Лукиана «Токсарид, или дружба». Одноименный персонаж, также скиф, действует и в рассказе «Скиф, или друг на чужбине». Возможно, из *Tuxša-ra- ‘Стремящийся’. Ср. выше, s.v. Τάξακις.

Τρόσιες (вар. **Τράπιες** CP, **Τράπιοι** DRSV). Согласно Геродоту (IV 6), составная часть (наряду с катиарами, Κατίαροι, q. v.) одной из социальных групп скифского общества. По наиболее вероятной этимологии: ‘охраняющие (θrā-, ср. авест. θrā-, др.-инд. trā- ‘охранять’) коней (aspa-), коневоды’ (к иранскому *θrāspi <*θrā-aspi- <*θrā-aspa) (Maughofer 2006: 18, с литературой). Однако Гумбах и Файсс (Humbach and Faiss 2012: 14–15), основываясь на чтениях Τράπιες и Τράπιοι, возводят к иранскому *tara-āp-iyā ‘заречный’.

Τύμνης Тимн, информатор Геродота (IV 76) (о нем см. подробно Иванчик 2009: 71, примеч. 49). Имя встречается в Карию, поэтому признается карийским, хотя Фасмер предлагал иранскую этимологию. См. Schmitt 2003: 27–28, с литературой.

Τύρης (вар. **Τύρας**, лат. **Tyras**) По Геродоту (IV 11, 47, 51, 52, 82), река в Скифии. М. Фасмер (1923: 61–63) сопоставил с древнеиндийским turá- ‘быстрый, сильный’. Хотя соответствующего слова в иранских языках не засвидетельствовано, в них имеются рефлексy корня *tauH- (Cheung 2007: 386–387) и суффикс ra-, так что с формальной точки зрения этимология безупречна. То же относится и к альтернативной этимологии Фасмера (Ibid.), предполагающей родство с др.-инд. tīvrá- ‘сильный, острый и пр.’¹²¹ Сложность, как часто бывает, в том, что мы не знаем значения гидронима и даже не можем быть уверены в его иранском происхождении.

ΧΑΡΑΣΠΟΥ Имя царя Малой Скифии II в. до н. э. Этимология, впер-

¹²¹ Против последней этимологии как будто бы свидетельствует то, что древнеиндийское слово, традиционно возводившееся к этимологически родственному иранскому *tauH- корню tu-, в настоящее время принято считать результатом метатезы из *tīvrá- (от корня tar- ‘преодолевать’) (см. EWAia I: 650, с литературой), но греческое Τύρης было бы закономерной передачей как *tīvrá-, так и *tīrvá-.

вые сформулированная Ф. Андреасом, достаточно прозрачна: ‘Esel und Pferde besitzend’, ‘[Владеющий] ослами и конями’ (ср. авест. *xara-*, др.-инд. *khāra-* ‘осел’, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa-*, др.-инд. *áśva-* ‘конь’) (Mayrhofer 1977: I/95; Тохтасьев 2005а: 101, примеч. 244, с литературой), хотя семантически более вероятно предложенная Л.И. Тарасюком трактовка первого элемента как цветообозначения ‘серый’ (аргументацию в пользу происхождения зоонима от масти см. в ИЭСОЯ IV: 175, 177) с переводом имени ‘[Владеющий] серыми конями’ (как вариант Л.И. Тарасюк предлагал также толкование **xarāspa-* как ‘мул’ и соответственно перевод имени ‘[Имеющий] мулов’) (Тарасюк 1956: 23).

Реконструируемые скифские слова, не зафиксированные в древних текстах

****gauṣarga** предполагаемое скифское наименование той части скифов, которую Геродот (IV 18–19; 53–54) называет скифами-земледельцами (Σκύθαι γεωργοί). Определение «земледельцы» вызывает недоумение, поскольку рядом (IV 17) упоминаются скифы-пахари (Σκύθαι ἀροτῆρες), и неясно, чем они отличаются друг от друга. Остроумное объяснение предложил В.И. Абаев (Абаев 1980: 130; ср. также Абаев 1981; последняя работа переиздана в Абаев 1990), предположив, что γεωργοί – греческая народноэтимологическая передача иранского **gauṣarga*, представляющего собой точную параллель названию одного из племен среднеазиатских скифов *haumavarga*, зафиксированному в древнеперсидских надписях. «Во второй части обоих терминов обнаруживаем глагол *varg-*, вариацию глагола *varz-* (общеиранское **uarHz-*, см. Cheung 2007: 422–423. – С.К.) ‘возделывать, культивировать, разводить’. Если *haumavarga* следует понимать как ‘возделывающие растение *hauma*’... то *gauvarga* переводится ‘разводящие (*varga*) скот (*gau*)’» (Абаев, loc. cit.). В дальнейшем В.И. Абаев изменил свою точку зрения на этимологию иранского *varga*, стал его возводить к корню «*varg-* из **barg-*... ‘читать’» (Абаев 1990: 99; ср. ЭСИЯ 2: 111–113; Cheung 2007: 10–12) и переводить *gauvarga* как ‘почитающие скот’ (Ibid.). Еще одна возможность – сравнивать иранское *varga* с древнеиндийским *vārga* ‘группа, подразделение’, которые Майргофер возводил (первое уверенно, второе с сомнением) к корню **(H)uarg-* ‘поворачивать, окружать’ (EWAia II: 516–517; ср. также Cheung 2007: 209, s.v. **Huarj̥?*).

Дополнительный аргумент в пользу трактовки Геродотовых Σκύθαι γεωργοί как кочевых скотоводов – наблюдение Л.А. Гиндина,

что по отношению к «скифам-земледельцам» Геродот трижды употребляет глагол $\nu\epsilon\mu\omega$ в форме медиального залога, применяемый им в «Скифском рассказе» для характеристики кочевников: кочевых скифов, савроматов (собственно, тот же корень мы видим в слове «номад»), и лишь однажды глагол $\omicron\kappa\epsilon\omega$, характеризующий в том же рассказе оседлые племена (Гиндин 1984: 40).

**** θ armi** ‘вид дерева’. Из иранского * \acute{s} armi- (ср. др.-перс. θ armi-, совр. перс. *sarv* ‘кипарис’). Реконструируется на основании осетинского слова *talm* ‘ильм’, поскольку последнее демонстрирует нерегулярный для осетинского переход * \acute{s} > θ и, соответственно, может быть субстратным заимствованием из скифского. См. ИЭСОЯ III: 225–226, с литературой; Витчак 1992: 56.

****malaxa (?)** Реконструируется на основании сравнения с авест. *maḍaxa-*, пашто *malāx* ‘саранча’. Совр. перс. *malax* ‘id.’ – скорее всего из пашто, но, принимая во внимание многочисленные персидские слова, не идущие из пашто, но демонстрирующие переход $d > \delta > l$ (Henning 1939), нельзя исключить и возможности заимствования из скифского или бактрийского. Иной фонетический вариант того же этимона демонстрируют хорезмийское *mθx*, осетинское иронское *mætyx* ‘id.’ (ИЭСОЯ II: 108). Если последний вариант отражен в первой части упомянутого Гекатеем в передаче Стефана Византийского этнонима *Ματυκῆται*, следует считать, вопреки Гекатею, что матикеты не были скифским народом.

****paraθu-** ‘топор’, из иранского **paraśu-* (ср. др.-инд. *paraśú-* ‘id.’). Реконструируется на основании осетинского *færæt* ‘id.’, поскольку демонстрирует нерегулярный для осетинского переход * \acute{s} > θ и, соответственно, может быть субстратным заимствованием из скифского. См. ИЭСОЯ I: 451; Витчак 1992: 56.

****raθana-** ‘ремень; веревка’, из иранского **raśana-* (ср. др.-инд. *raśaná* ‘ремень; веревка; вожжа, повод’, совр. перс. *rasan* ‘веревка, повод’). Реконструируется на основании осетинского *rætaen* ‘толстая веревка, сплетенная из ремней или скрученных прутьев’, поскольку демонстрирует нерегулярный для осетинского переход * \acute{s} > θ и, соответственно, может быть субстратным заимствованием из скифского. См. ИЭСОЯ II: 382–383; Витчак 1992: 56.

Глава III. СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Во Введении уже говорилось, что использование археологами и историками лингвистических данных о скифском языке оставляет желать лучшего. Помимо уже приведенных примеров это обстоятельство хорошо иллюстрирует любопытный факт: для большинства скифологов сравнительно-историческое языкознание остается настолько чуждой областью, что любой исследователь, использующий при анализе скифского материала лингвистические (или хотя бы квазилингвистические, ср. ниже) аргументы, объявляется филологом¹²². Тем самым молчаливо подразумевается, что историк просто не может обладать лингвистическими познаниями. Поскольку автор сам принадлежит к племени историков, он кровно заинтересован в том, чтобы этот постулат был отвергнут, а языковые данные признаны равноправной категорией исторических источников.

Наиболее показательный критерий отграничения скифского от большинства прочих иранских давно и хорошо известен скифологам. Практически каждый, писавший о скифском языке, упоминал о соответствии скифского *Παράλαται* – авест. *paradāta*. Сходство это было замечено еще в середине XIX в.¹²³, до того, как Дж. Дармстетер впервые отметил, что переход $d > \delta^{124} > l$ является специфической особенностью юговостоноиранских языков¹²⁵ (хотя заимствованные слова, демон-

¹²² Ср.: «...филолог А.И. Иванчик.» (Махортых 2000: 190), «...лингвисту Кулланде...» (Яйленко 2013: 92, примеч. 181), хотя оба упомянутых по образованию и роду деятельности историки.

¹²³ См., например, Müllenhoff 1866: 562 = 1892: 112, хотя он и колебался, возводить ли *Παράλαται* к *paradāta* или к авест. *ratu*.

¹²⁴ В иранистике греческой дельтой принято условно обозначать звонкий межзубный [d], сходный с начальным согласным в английском слове *this*.

¹²⁵ Darmesteter 1883: 71, 195–201; Minorsky 1930. Конечно, переход $d > l$ встречается и в иных, неиранских языках – ср., например, латинское *levir* при русском «деверь» или различные варианты имени Одиссея в греческом: Ὀδυσσεύς, Ὀλυσσεύς, Ὠλίξης (откуда латинское *Ulixes*, Улисс) (во всех случаях такого рода речь идет о субстратных влияниях), но регулярным, если брать хорошо документированные языки, он был именно в юговостоноиранских.

стрирующие этот переход, встречаются и в иных восточно- и западноиранских языках – ср. ниже).

В дальнейшем эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговостоноиранские языки, а именно бактрийский, афганский (пашто, пушту), мунджанский, йидга – с другой¹²⁶, время от времени отмечали (Грантовский 1960: 20, примеч. 28; Schmitt 1989), но до поры до времени никто не делал напрашивающегося вывода и не пытался трактовать все случаи появления *l* в скифском как рефлексы востоноиранского *δ* (и общеиранского **d*)¹²⁷.

Эту непоследовательность сумел преодолеть польский лингвист К.Т. Витчак, впервые выдвинувший ряд достоверных фонетических критериев различения скифского и сарматского языков. Витчак первым эксплицитно сформулировал тезис о том, что переход **d > l* был отличительным признаком скифского языка, противопоставлявшим его сарматскому, где общеиранское **d* давало *d*. Упоминание в одном из фрагментов поэта Алкмана (вторая половина VII в. до н. э.), Колаксаева (по имени известного из Геродота мифического прародителя скифских царей-паралатов) коня (ср. Скржинская 1987: 30–33; Иванчик 2005: 166–168) позволяет относительно точно датировать это фонетическое развитие. Как и в прочих скифских словах, *-l-* в этом имени восходит к общеиранскому **d* через промежуточную стадию **δ*. Поскольку *z* в ассирийских и вавилонских передачах самоназвания скифов – *ašguza*, *as-*

¹²⁶ Существует гипотеза, что переход *δ > l* характеризовал и один из согдийских диалектов, существование которого постулируется на основании косвенных данных, а именно демонстрирующих этот переход персидских слов, для которых предполагается согдийское происхождение, и использования в согдийском письме арамейской буквы ламед (*l*) для обозначения спирантов *δ* и *θ* – cf. Henning 1939; Livshitz 1970: 258, 261–263; Sims-Williams 1981; Idem 1989: 173, 177, с литературой. Эти факты, однако, можно объяснять и иначе. Так, по устному сообщению В.А. Лившица, заимствования в персидском, которые Хеннинг считал согдийскими, могут быть и бактрийскими (ср. также Стеблин-Каменский 1981: 345; Эдельман 2013: 23, примеч. 1 со ссылкой на устное сообщение П.Б. Лурье и работу де ла Вельера). Что же касается согдийской передачи *δ* через ламед, то в староарамейском курсиве, послужившем источником согдийского письма, не различались буквы далет (*d*) и реш (*r*), что могло создать трудности при передаче согдийских слов, где часто встречались обозначаемые ими звуки. Напротив, звук *l* в согдийском встречался только в заимствованиях, и согдийцы во избежание лишних разночтений могли использовать обозначавшую его букву ламед для передачи куда более распространенного в их языке звука *δ*.

¹²⁷ Колебания скифологов относительно этой изоглоссы хорошо иллюстрирует высказывание Бильмейера: «Если (курсив мой – С.К.) мы принимаем всерьез происхождение скифского *Παράλαται* < младоавест. *paraδāta*..., сохранение интервокального *d* в сарматском и осетинском ... становится фонетически дифференцирующим признаком» (Wenn wir die Ableitung skyth. *Παράλαται* < [jung]av[est]. *paraδāta*... ernst nehmen, stellt die sarmatische und ossetische Bewahrung von intervokalisches *d* ... ein klares lautliches Differenzierungsmerkmal dar) (Bielmeyer 1989: 240, n. 12).

guza, *iškuzāia*¹²⁸ – соответствует греческому θ в Σκόθαι и более позднему скифскому *l* в упоминаемом Геродотом самоназвании скифов Σκόλοτοι, т.е. **skula-ta*, где *-ta* – показатель множественности, известный, например, из согдийского и осетинского¹²⁹, ясно, что к началу скифских переднеазиатских походов, в VII в. до н. э., иранское **d* уже превратилось в восточноиранском, герср. скифском, в межзубный звонкий δ [δ], так что самоназвание скифов на момент их первых контактов с ассирийцами и греками должно было звучать **Skuda* (из **Skuda*), что в результате дальнейшего перехода $\delta > l$ дало форму **Skula* (Szemerényi 1980: 5–23). Однако форма с *-l* (< *-d*), зафиксированная Алкманом, позволяет определить *terminus ante quem* перехода $\delta > l$ концом VII в. до н. э.

Этим, однако, дело не ограничивается. Специфика передачи самоназвания скифов в ассирийском и греческом небезынтересна и для исследования исторической фонетики греческого. Она свидетельствует,

¹²⁸ В аккадском, как и в других древнесемирских языках, слог не мог начинаться с двух согласных (см. об этом, например, Дьяконов 1991: 80; Коган 2009: 35; специально об аккадской передаче иранских имен с начальным стечением согласных см. Грантовский 1970: 73 = Грантовский 2007: 84–85), поэтому в текстах на ассирийском диалекте вставлялся протетический гласный *a*-, а на вавилонском – *i*- (Дьяконов 2008: 255).

¹²⁹ С.Р. Тохтасьев (Тохтасьев 2005а: 72–73 слл.) выражает сомнения в существовании скифского показателя множественности *-(a)* и, соответственно, в том, что Σκόλοτοι представляет собой множественное число от **skula*-, отмечая странность появления в окончании *-oi* вместо ожидаемого *-ai*. Появление *-o*- в последнем слоге греческой передачи самоназвания скифов в принципе объяснимо, если *-(a)*- восходит к общеиранскому **-tja*-, как считали Р. Готьо (Gauthiot 1914–1923: 183; Id. 1916: 71) и вслед за ним В.И. Абаев (Абаев 1979: 339 и примеч. 21) и И.М. Оранский (Оранский 1988: 219 и примеч. 80): *a* мог если не перейти в *o*, то приобрести огубленность, придававшую ему (тем более в иноязычном восприятии) сходство с *o*, под влиянием предшествующего сонанта. Ср. у Р. Шмитта: “die Sequenz iran. /va/... bei Herodot gewöhnlich durch griech. O widergeben wird” (Последовательность /va/ в иранском у Геродота обычно передается через греческое O) (Schmitt 2003: 23). Принимая во внимание это обстоятельство, а также широкое распространение восходящего к *-tja* показателя множественности в разных иранских языках, в том числе в современном персидском, где *-tja* > «*-θjā* > *hā* (ср. ав. *čathvāra* ‘четыре’, ср.-перс. *čahār* > совр. перс. *čehār*...)» (Оранский 1988: loc. cit.), я считаю возможным говорить о наличии этого показателя в скифском. Критика Тохтасьевым ряда конкретных этимологий, предполагающих наличие в исходной скифской форме этого суффикса, справедлива, но в некоторых случаях, в частности, при объяснении соотношения форм Σκόθαι и Σκόλοτοι, трактовка *-ta* как показателя множественности представляется единственно возможной. Принципиальное типологическое возражение С.Р. Тохтасьева состоит в том, что «...формирование показателей мн. ч. из суффиксов *abstracta* ж. и ср. рода – яркая примета перехода к среднеиранскому состоянию... Трудно понять, каким образом один из них мог превратиться в общий формант мн. ч. (или собирательности) в древнеиранском флективном языке, которым должен был являться и, несомненно, являлся скифский времен Геродота» (Тохтасьев 2005: 78). Странно слышать такое от носителя флективного языка, в котором «собирательные существительные жен. р. на *-ia* > *-ya* (типа *bratja* > братья – С.К.), а также ср. р. на *-ie* > *-ye*, изменившиеся в безударном положении в *-ya* (типа *kōlie* > *kōlye* > *kōlja*...), сыграли существенную роль в истории форм имен. пад. мн. ч.» (Иванов 1983: 279), что ни в коей мере не сопровождалось утратой флективности и развитием аналитизма. Сходная картина могла иметь место в скифском.

что носители воспринявших это слово греческих диалектов уже произносили обозначаемую тетой фонему не как *th* (*t* придыхательный), а как спирант. Это, во-первых, меняет наши представления о времени возникновения этого явления в греческом. Обычно его считают достаточно поздним, хотя сигма вместо теты, передающая спирантизированное произношение спартанцев, встречается уже у Фукидида и Аристофана. К еще более раннему времени относится надпись VI в. до н. э. на рельефе из слоновой кости из храма Артемиды Орфии в Спарте, написанная справа налево (Schwyzer 1960: 2), в которой в эпikleze богини вместо теты стоит фи: $\text{Φορφα}\alpha$. Если бы этот случай был изолированным, можно было бы считать, как это часто и делается (ср. Lejeune 1972: 61 и примеч. 31), что резчик просто спутал похожие буквы, но сравнение с греческой передачей самоназвания скифов подкрепляет гипотезу о ранней спирантизации передававшейся на письме тетой фонемы и позволяет датировать это явление временем не позднее середины VII в. до н. э. (о раннем превращении придыхательного *th* в спирант в западногреческих¹³⁰ диалектах, в первую очередь в дорийском, см. Juret 1938: 44; Buck 1955: 59; Arena 1967: 14–19; Pisani 1973: 52–53, 102; Allen 1987: 26 и пр.)¹³¹. Во-вторых, это заставляет прийти к выводу, что первыми с самоназванием скифов познакомились не ионийцы, а скорее всего дорийцы, в речи которых это произношение появляется раньше всего (хотя нельзя полностью исключить и эолийцев, в речи которых спирантизированное произношение обозначаемой тетой фонемы также возникло раньше, чем у ионийцев). К сожалению, на этом основании нельзя сделать однозначный вывод о месте первого знакомства греков и скифов – носители дорийских и эолийских диалектов обитали, наряду с ионийцами, и в Малой Азии, но поскольку жители Азии, видимо, имели дело прежде всего с ионийцами, – недаром в древнеперсидских надписях все греки называются *Yauna*, – такую передачу самоназвания скифов можно считать еще одним косвенным

¹³⁰ «Западными» в географическом смысле в интересующий нас ранний период греческой истории были греки Балканского полуострова – см. хотя бы высказывания К.Д. Бака: ...“the West Greek and the East Greek dialects, the terms referring to their location *prior to the great migrations*” (Buck 1955: 7) и Дж. Хоррокса: “...Peloponnesian Doric and North West Greek together constitute ‘West Greek’, the labels reflecting their general distribution *in the period when they are first documented*” (Hogrocks 1997: 8–9) (курсив в обоих случаях мой – С.К.), а не Великой Греции, т.е. Италии и Сицилии.

¹³¹ А.И. Иванчик, не зная о существовании упомянутой надписи, пишет, что самое раннее свидетельство спирантизации соответствующей фонемы относится к последней четверти V в. до н. э. и сохранилось у Фукидида (Иванчик 2009: 67).

аргументом в пользу того, что впервые с ними познакомились именно греки Балканского полуострова, о чем уже писал И.М. Дьяконов. Не исключено, конечно, что замена [δ] на θ произошла еще во фракийском¹³², но при этом все соображения о фонетической реализации теты, высказанные выше, остаются в силе. Правда, высказываются и возражения против такой трактовки фонетической формы самоназвания скифов. Так, А.И. Иванчик (2009: 66), следуя Р. Шмитту (Schmitt 2003: 19–20), пишет, что «передача в аккадском иранского *δ знаками с z, которую предполагает это объяснение, была бы единственным таким случаем...; столь же уникальна и передача этого звука греческой *тетой*». Уникальность эта, однако, вполне естественна: ведь и греки, и семиты имели дело в основном с западными иранцами, в чьих языках к тому времени фонемы δ не было¹³³. Из восточных иранцев как эллины, так и ассирийцы с вавилонянами знали только скифов (вопрос о языковой принадлежности киммерийцев остается открытым), поэтому слова, содержащие δ, могли идти только из скифского. Поскольку массированного заимствования скифской лексики мы в этих языках не наблюдаем, нет ничего удивительного в том, что самоназвание скифов оказалось единственной дошедшей до нас лексемой такого рода (тем более, что не позднее второй половины VII в. до н. э. переход δ > l в скифском завершился, так что интересующая нас восточноиранская фонема исчезла и из самого скифского).

Кроме того, весомые доводы в пользу закономерности передачи иранского δ греческой тетой привел М.Д. Бухарин. Он обратил внимание на то, что в надписи на южноаравийском минейском языке само-

¹³² Первым, насколько я могу судить, это утверждал В. Томашек: “Der Name Σκύθαι, für welchen Hesiod, Aristeas und Alkman die ältesten Zeugen sind, ward den Griechen wohl durch die Thraker übermittelt...” (Имя Σκύθαι, самые ранние свидетели которого суть Гесиод, Аристей и Алкман, возможно передалось грекам через фракийцев) (Tomaschek 1888: 778). Согласно И.М. Дьяконову, “the term Σκύθαι did not reach the Greeks from the Near East, because in that case it would retain the -z- as σ or ζ. However, it may have reached them through Thracian or Phrygian” (слово Σκύθαι пришло к грекам не с Ближнего Востока, так как в этом случае оно сохранило бы -z-, как σ или ζ [говоря «не с Ближнего Востока» И.М. Дьяконов явно имеет в виду «не через посредство семитских языков», поскольку именно в них скифский -δ- в самоназвании скифов передавался через -z- – С.К.]). Далее И.М. Дьяконов пишет, что ни во фригийском, ни во фракийском в VII в. до н. э. не было фрикативного или придыхательного звонкого зубного, но была фонема θ, каковой, видимо, и передавался иноязычный [δ] (Diakonoff 1981: 140, note 74). Принимает гипотезу о заимствовании греками самоназвания скифов через фракийцев (или иной причерноморско-малоазийский народ) и Р. Шмитт (Schmitt 2005: 20). О фракийском посредстве при восприятии греками этнонима скифов пишет, не ссылаясь на предшественников, и А.И. Иванчик (Иванчик 2005: 66).

¹³³ Хотя на определенном этапе (явно предшествовавшем широким контактам с семитами и греками) *δ (не из *d), видимо, существовал в языке-предке югозападноиранских, где *z > *δ > d (на это обстоятельство обратила мое внимание Д.И. Эдельман).

название мидян передано как MDY, где *D* передает иранский *δ*; видимо, ко времени составления надписи смычный *d* уже перешел в спирант, отражавший промежуточную ступень характерного для северозападноиранских (кроме восточнобелуджского, где $d > \delta$) перехода $d > y$ в интервокальной позиции – см. Расторгуева 1990: 194). Передача же семитского *d* через тету «известна как благодаря описанию карты Счастливой Аравии во “Введении в географию” Клавдия Птолемея – Θῆβαι (24; 6. 7. 5) < *Dahbān*; Ἀρθῖται (134; 6. 7. 21) < *Udra*, так и по другим источникам: форма Θεῶσαρης в лексиконе Суды передает имя верховного набатейского божества DWŠR, первый корневой в имени которого при вокализации спирантизируется и соответствует, в частности, арабскому или древнеюжноаравийскому *d*... Передача *d* через *θ* также известна на материале древнеегипетских заимствований в греческом...» (Бухарин 2013: 61, с литературой).

А.И. Иванчик, вслед за С.Р. Тохтасьевым (2005а: 99 и примеч. 232), полагает, что в бактрийском переход $\delta > l$ был вначале не вполне регулярным и происходил не ранее ахеменидской эпохи, и на этом основании делает вывод, что «и в скифском, и в бактрийском (а также, вероятно, в предках других юго-восточных языков) переход $d > l$ не был унаследованной от общего предка чертой, позволяющей объединить эти языки» (Иванчик 2009: 81). Даже если переход $d > l$ встречается в заимствованиях ахеменидского времени, о чем могут лишь косвенно свидетельствовать экстралингвистические соображения¹³⁴, это не означает, что он не мог осуществиться раньше. Из поздних памятников бактрийского известно, что там наблюдалось выравнивание по аналогии – так, в ряде исконных слов, где **δ* перешел в *l*, под влиянием соседних иранских языков был восстановлен *d*. То же, но с обратным знаком, могло произойти и при заимствовании: зная, что на месте *d* или *δ* в языках большинства соседей-иранцев в их языке стоит

¹³⁴ Видимо, именно ими руководствовался С.Р. Тохтасьев (а до него Симс-Уильямс – Sims-Williams 2002: 227, Table 1), приводя в качестве обоснования такой датировки демонстрирующие этот переход лексемы *lafti* и *laftir* со значением ‘текст’ и ‘писец’ (Тохтасьев 2005а: 99–100, примеч. 232) (Симс-Уильямс, правда, ахеменидским считал только первое из приведенных слов, а второе относил к сасанидским – Sims-Williams 2002: 232, Table 5). То, что эти слова были заимствованы именно в ахеменидскую эпоху, с введением на территории отдаленных сатрапий канцелярий и письменной документации, представляется хотя и правдоподобным, но отнюдь не доказанным. В конце концов, связи с Бактрией поддерживались и ранее, в мидийскую эпоху, о чем свидетельствует хотя бы то, что название Бактрии в ахеменидских надписях приводится в мидийской, а не древнеперсидской форме, а древнеперсидское *dipi-* ‘письмо’ заимствовано из эламского *tuppi* или аккадского *t/tuppu(m)* (а в конечном счете восходит к шумерскому *dub* ‘[глиняная] табличка [для письма]’, ‘документ’) и, соответственно, существовало и до Ахеменидов.

l, бактрийцы могли автоматически заменить западноиранский *d* на *l* и в том случае, если в их языке соответствующее фонетическое преобразование уже не действовало¹³⁵. Следовательно, бактрийский материал не является бесспорным аргументом против объединения скифского и бактрийского по этому признаку в одну юговостоочноиранскую подгруппу¹³⁶. В любом случае, как уже говорилось выше, для данной работы не суть важно, был ли переход *d* > *l* инновацией общего предка скифского и бактрийского, позволяющей объединять их в особую подгруппу, или возник в них независимо. Главное, что такой переход бесспорно существовал в скифском, и этот факт позволяет отделять

¹³⁵ В современных и древних языках имеется множество примеров данного явления. Можно вспомнить приведенный Траском (Trask 2000: 53–54) случай испанских заимствований в баскском. Современные испанские слова, оканчивающиеся на *-ón*, заимствуются в баскский с изменением окончания на *-oi*: *avión* ‘самолет’ превращается в *abioi*, *camión* ‘грузовик’ в *kamioi*. С точки зрения современной баскской фонетики такой переход необъясним, поскольку окончание *-on* для баскского вполне обычно. Причина изменений – гиперкоррекция. Романские слова с окончанием *-one* (из латинского *-onem*), заимствованные в баскский, в результате последнего падения в этом языке интервокального *-n* приобрели окончание **-oe*, превратившееся затем в *-oi*. Так, романское **ratone* ‘крыса; мышь’ дало баскское *arratoi*, а романское **razone* ‘разум; право’ – *arrazoi*. В то же время в испанском рефлекс соответствующих слов потеряли конечный гласный и превратились соответственно в *ratón* и *razón*. Баски, заметив, что испанскому *-ón* в их языке часто соответствует *-oi*, начали в поздних заимствованиях из испанского заменять окончание *-ón* на *-oi*. Поскольку русскому «а» (из индоевропейского **ā*) в литовском в исконных словах регулярно соответствует *o* (ср. русское ‘мать’ и литовское традиционное *motė*, совр. *moteris* ‘женщина’), литовцы и в поздних заимствованиях из русского автоматически заменяли «а» на *o*: ‘генерал’ > *generolas* и т.п. (Бурлак, Старостин 2005: 63). Носители тохарского А, заимствовав слово *warpiške* ‘сад’ из тохарского В *werpiške*, ‘пересчитали’ корневой гласный по правилу регулярного соответствия тохарского В *e* тохарскому А *a* (Там же). Древние индийцы, зная, что иранскому *s* в их языке соответствует *ś*, стали называть саков *Śaka*, и т. п.

¹³⁶ Как не является таковым и мнение А.И. Иванчика, что наличие в скифском показателя множественности *-ta* противоречит выводу об отнесении скифского к юговостоочноиранским. Он торжественно возмущает: «этот показатель характерен именно для иранских языков северо-восточной группы (согдийского, осетинского) и является одним из важнейших для нее диагностирующих признаков; следовательно, если он присутствовал в скифском языке, то этот язык придется отнести к северо-восточной группе... Таким образом, гипотеза К. Витчака – С.В. Кулланды о принадлежности скифского языка к юго-восточной группе оказывается построенной на песке...» (Иванчик 2009: 81). Однако этимологически тождественный показатель множественности имеется и в западноиранских языках – это современный персидский суффикс *-hā* (а значит, его наличие в некоем языке нельзя считать приметой принадлежности онога к северовостоочноиранским). Оба показателя, и восточно- и западноиранский, «восходят к др.-ир. суффиксу собирательности **-θva-*. В персидском *-θva* > *hā* (ср. ав. *čathvāra* ‘четыре’, ср.-перс. *čahār* > совр. перс. *čehār*... В восточноиранских языках... *-θv-* > *-tv-* > *-f-* > *-fj-* > *-t...*») (Оранский 1988: 219, примеч. 80) (см. также выше, примеч. 129). И.М. Оранский, видимо, ошибался, возводя к *-tva-* и хорезмийский показатель множественного числа *-c* (< **-ki*, **-gi*, **-ti*) (Эдельман 2008: 28), но для осетинского приведенная этимология представляется надежной. К **-θva* иногда возводят и согдийский показатель множественного числа *-t’* (для легких основ) и *-t* (для тяжелых), но И.С. Якубович (устное сообщение) считает, что этот показатель может восходить только к **-ta*.

скифские лексемы, содержащие рефлекс общеиранского *d, от соответствующих слов других иранских языков.

Помимо уже отмеченного перехода *d > l, в скифском в начале слова происходил переход *xš > *сибилян*t, характерный также для некоторых юговостоочноиранских языков, в частности, пашто (тогда как в сарматском начальное иранское *xš- неизменно отражалось как xš- – греческое ξ-, осетинское xs-). На эту особенность указывал уже Харматта (Harmatta 1951: 308–309), который, правда, не связывал ее именно со скифским. Ее можно проиллюстрировать такими примерами как Σάϊοι < *xšaiā- ‘правитель, царь’, этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32, А, стк. 34), повествующем о событиях конца III в. до н. э. (в тексте форма генитива Σαίῳν), и, возможно, как отметил еще В. Томашек (Tomaschek 1888: 721)¹³⁷, бывший самоназванием Геродотовых «скифов царских» (οἱ βασιλῆῖοι Σκυθοί, в тексте в родительном падеже, τῶν βασιλῆῖων Σκυθέων – IV 20); Σαῖταφάρνης < *Xšaitafarna-, ‘[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном’ (о последнем понятии см. ниже), видимо (хотя и не обязательно), царь упомянутых сайев (Σάϊοι) (в тексте во всех случаях опять-таки форма генитива Σαῖταφάρνου – А, стк. 10, 83)¹³⁸. Ту же закономерность демонстрирует и Σατράκης, имя царя азиатских скифов, упоминаемого Аррианом (Anab. IV 4, 8)¹³⁹. Скифским по происхождению, возможно, является и Σατραβάτης, имя собственное из надписи первой половины IV в. до н. э. с Таманского полуострова (КБН 1066), где Σατρα- явно передает иранское *xšathra- ‘власть’ (см. ниже), но оно, скорее всего, пришло в Северное Причерноморье через персидское посредство (см. ниже)¹⁴⁰. С.Р. Тохтасьев

¹³⁷ Подробнее об истории вопроса см. Куклина 1985: 110, примеч. 77.

¹³⁸ А.И. Иванчик, желающий во что бы то ни стало видеть в сайях сарматов, утверждает, что последние, появляющиеся в западной части Восточной Европы, где расположена Ольвия, не ранее II в. до н. э., могли все же совершать туда походы (Иванчик 2009: 83–84), но даже если допустить такую возможность, сайев нельзя считать сарматами по лингвистическим соображениям.

¹³⁹ С.Р. Тохтасьев (2005b: 303, примеч. 49) возражает против данной этимологии, утверждая, что все примеры перехода xš > *сибилян*t в восточноиранских языках относятся к более позднему времени. Стоит, однако, обратить внимание на то, что имеется множество примеров сарматских имен, где анлаут передается греческим кси, и ни одного скифского слова с начальным кси.

¹⁴⁰ Оппоненты, разумеется, тут же укажут, что сигма в начале слова могла передавать иранское xš-; ср. греческое σατράτης < т.н. «мидийского» xšathrapa-. Данный случай допускает, однако, и другое объяснение (см. выше, Глоссарий, s. v. *satrapā), и, учитывая, что начальное Xš- в записанных греческими буквами сарматских именах неизменно передается как Ξ [Ks], можно утверждать, что переход *xš->s- в начальной позиции в скифском все-таки произошел. Ср. также выше (Глоссарий, s. v. *satrapā) о праславянском диалектном *šatriti ‘смотреть; блисти’.

утверждает, правда, что «сайи никак не могут быть племенем скифов (коль скоро скифы упомянуты в В₉)» (Тохтасьев 2005b: 295), и ему вторит А.И. Иванчик: «нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам¹⁴¹; среди прочего об этом свидетельствует и тот факт, что скифы упомянуты в том же декрете (В 9) отдельно от саев и в контексте, исключающем их отождествление» (Иванчик 2009: 83). Аргументы С.Р. Тохтасьева и А.И. Иванчика уязвимы и с исторической точки зрения: упоминаемые в декрете скифы и в самом деле не могут отождествляться с упомянутыми там же сайями, поскольку речь идет о разновременных событиях, но это никоим образом не означает, что сайи не могут быть одним из скифских племен (вероятнее всего, судя по этнониму – царскими скифами). Никому ведь не придет в голову сомневаться в том, что упоминаемый Геродотом (V 77; IX 82) «мидянин» – персидский царь, а «мидяне» (VI 109, 112), с чьим войском грекам предстоит сражаться при Марафоне – персы (недаром в русском переводе Г.А. Страгановского τὸ στρατόπεδον ἐξισούμενον τῷ Μηδικῷ στρατοπέδῳ [VI 111] передано как «боевая линия эллинов оказалась равной персидской»), хотя в соседних пассажах упоминаются персы, которых Геродот четко отличает от мидян. Но основной довод против отнесения сайев к сарматам – то, что во всех записанных греческими буквами поздних сарматских именах иранское начальное Xš- неизменно передается как Ξ [Ks]. Нельзя же, в самом деле, предполагать, будто в сарматском кластер xš- в анлауте сначала перешел в сибилант, а затем восстановился. Возможность использования фонетических особенностей имени азиатского скифа Сатрака при исследовании скифского языка А.И. Иванчик отмечает на том основании, что азиатских скифов следует считать не скифами, а саками, в чье близкое родство с Геродотовыми скифами он не верит (Иванчик 2009: 82). Но о близости азиатских и европейских скифов свидетельствуют как исторические, так и лингвистические данные. По Геродоту, саки суть скифы: Σάκαι δὲ οἱ Σκύθαι, поскольку персы всех скифов называют саками (VII. 64), что полностью подтверждается узусом древнеперсидских надписей: *Sakā tayai paradraya* (DNa 28–29), «скифы, которые заморские», упоминаются между Грецией [*Yauna*] и Фракией [*Skudra*], и *Sakā tayai para Sugdam* (DPh, 5–6 = DN; в тексте форма инструменталя в значении аблатива

¹⁴¹ Называя отнесение сайев к сарматам «общепринятым», А.И. Иванчик выдает желаемое за действительное: так, царскими скифами, вслед за Томашеком, а не сарматами считал сайев выдающийся скифолог Б.Н. Граков (Граков 1971: 22, 40). Не считает их сарматами и специально занимавшийся проблемой появления сармат в Северном Причерноморье С.В. Полин (Полин 1992: 88–89).

Sakaibiš), «скифы, которые за Согдом»¹⁴². Приведенное Аррианом имя правителя азиатских скифов свидетельствует, что в их языке произошел тот же переход *xš > s, что и в языке скифов европейских. Ономастикой же скифов Арахозии (область современных Газни и Кандагара – древняя Александрия ἐν Ἀραχότις)¹⁴³ зафиксирован переход *d > l*: ср. такие имена, образованные от иранского *spāda- ‘войско’, как *Spalagadama* (интервокальный -d- во второй части слова – результат озвончения -t-), *S/Špalahora*, *S/Špaliriša*¹⁴⁴. Какие еще нужны доказательства «скифскости» саков, гесп. среднеазиатских скифов?

А.И. Иванчик возражает против гипотезы о скифском переходе *xš > š/s в анлауте и с квазилингвистических позиций. Он напоминает, что в именах сыновей Таргитая в инлауте отражено иранское *xšaja-, где *xš после краткого гласного, как и в среднеперсидском, не переходит в сибилант, и утверждает, что «здесь *xšaya- не является частью настоящего композитного имени... Это собственно, титул, прибавленный к личному имени... Естественно, что слово «царь», если оно в это время произносилось как *šaya- или под., должно было сохранять свою форму и в этой позиции, а не восстанавливать утраченное *xš-» (Иванчик 2009: 86). Всякий мало-мальски знакомый с индоиранистикой знает, что в древних языках, как индоарийских так и иранских, дело обстояло как раз наоборот: в древнеиндийском и в авестийском на стыках слов (в авестийском прежде всего на стыках с энклитиками, но не только) давно перешед-

¹⁴² Ср. у А.А. Немировского (2005: 223): «С нашей точки зрения, из упоминания Геродотом «ортокорибантиев» («острошапочников» – соответственно «тиграхауда») в составе X мидийского округа державы Ахеменидов (Hdt. III, 92) можно вывести, что «сака тиграхауда» – это оставшаяся в Средней Азии часть того же самого кочевого племени, другую часть которого (переселившуюся в Причерноморье) Геродот знает как своих знаменитых причерноморских «скифов»...».

¹⁴³ Я. Харматта (Harmatta 1994) называет их саками Систана, что неточно: правитель Систана Гондофар завоевал эти районы уже после того, как местная скифская династия прекратила свое существование и Арахозия вновь оказалась под властью индо-греческих царей. См. Mitchiner 1976: 441–447; Senior 2001: 39–47; Woppearachchi and Pieper 1998: 208–212.

¹⁴⁴ См. легенды на арахозийских монетах, греческие и пракритские, выполненные письмом кхароштри: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΔΕΛΦΟΥ ΣΠΑΛΙΡΙΣΟΥ («[монета] брата царя, Спалириса»), *maharajabhra dhrmiasa Spalirishasa* («[монета] брата царя, праведного Спалириса»), *Spalahoraputrasa dhrmiasa Spalagadama* («[монета] сына Спалахоры, праведного Спалагадамы») и пр. (Mitchiner 1976: 449–455; Senior 2001: 27–30; Woppearachchi 1993: 54–56). Лингвистический анализ см. в Harmatta 1994. Правда, Я. Харматта объявляет слово *spala* заимствованием из парфянского *spāda*, для чего нет ни малейших оснований, поскольку рефлексы иранского *spāda встречаются в восточноиранских языках, например, в согдийском и осетинском (ИЭСОЯ I: 479), но даже если бы он оказался прав, автоматический «пересчет» заимствованного *δ* на *l* демонстрировал бы, что в сакском, как и в языке европейских скифов, общеиранский *d давал *l*.

шие в иных позициях в другие звуки фонемы (например, *-s*, еще в праиранском перешедший в *-h*) сохранялись¹⁴⁵ – ср. авест. *kastē* «кто тебе/твой» (Y 29.7; 46.14), *kasə θβqm* «кто тебя» (Y 9. 3), *kasnā* «кто же» (Y 44. 3, 4), *raocāscā...tāmāscā* «рассветы... и сумерки» (Y 44. 5) (вместо *kā* [*kah-*], *raocā* [*raucāh-*], *tāmā* [*tamāh-*] и пр. То же явление наблюдается и на стыке компонентов сложных слов: *raocas.pairišta-* ‘избранный для света’ (Y. 62. 10), *vacas-tašti-* ‘строфа Гат’ (досл. ‘те-сание речи’) (Y. 58. 8) и пр.¹⁴⁶

Ввиду упомянутого выше перехода *d > δ > l* требует объяснения появление в скифских словах интервокального *-d-*. Я уже говорил, что к моменту знакомства семитов и греков со скифами в скифском общеиранский **d* явно произносился как *δ*. Однако, судя по приводимому Геродотом (I 103) в форме Μαδύης имени скифского царя VII в. до н. э., в скифском одновременно существовал взрывной *d*, который не мог восходить к иранскому **d*. Этот факт можно объяснить переходом **-nt-* > *-d-*, засвидетельствованным для юговосточноиранских языков; ср. йидга *lad* ‘зуб’ < **danta*, и т.п. (см. Эдельман 1986: 163). В таком случае имя Мадий (Μαδύης) следует трактовать как рефлекс индоиранского **mantu-* (ср. авестийское *mantu-*, древнеиндийское *māntu-* ‘советник; правитель’), отказавшись от общепринятой этимологии, выводящей его из общеиранского **madu-* ‘мед’¹⁴⁷. Все на первый взгляд противоречащие данному

¹⁴⁵ «The *ç* s... is retained unchanged only when followed by *ç* t or *ç* th... (Whitney 1955 [1889]: 58, § 170, a–b); «Конечный *s* [в древнеиндийском. – С.К.] сохраняется только перед *t*, *th*, а перед *c*, *ch* он существует в видоизмененной форме *ś*» (Барроу 1976: 96); «Deux mots [vieil-avestiques – С.К.] peuvent être réunis par la conservation d’un sandhi original : e.g. 44.3,4 *kasnā*, 46.4,6 *yastām*, 41.2 *huxšatrastū*...» (Kellens et Pirart 1988–91, vol. 1: 64). Неточно (как «восстановление»), но опять-таки вопреки утверждению А.И. Иванчика, Соколов 1979: 159: «Регулярно только восстановление исторического *s* перед энклитиками... Реже этот же случай и при встрече самостоятельных слов...».

¹⁴⁶ Дополнительные аргументы А.И. Иванчика также неубедительны. Он утверждает, что в среднеперсидском в личных именах со вторым компонентом *šāh*, в отличие от обычных слов, после гласного не сохранялся кластер *-xš-*. При этом примеры «обычных слов» он приводит из средне-, а личных имен, якобы подтверждающих его тезис (*Xusrōē-šāh*, *Čangašāh*) – из новоперсидского. В случае с именем *Xusrōē-šāh* его ввела в заблуждение помета (pehl.) в книге Юсти (Justi 1895: 139), но речь-то идет о записанном на среднеперсидском новоперсидском имени одного из переписчиков рукописи «Суждений духа разума» (Дадестан-и меног-и храд). В случае с именем *Čangašāh* помета Юсти a[nn]o 1478 (Ibid.: 155) указывает, что носитель имени, индийский парс, жил в XV в. н. э.

¹⁴⁷ Впрочем, в данном случае возможно и альтернативное объяснение. Поскольку одна из греческих форм (Μαδύης) предполагает иранскую основу на *a-* (ср. выше, s. v.), не исключено, что в скифском (как в ряде случаев в пашто, ср. *war* ‘дверь’ < **dwar*) в кластере *dw* перехода *d > δ > l* не происходило. К сожалению, рефлекс этого кластера в пашто, по выражению О. Шервё, «сбивают с толку» (are bewildering) (Skjærvø 1989: 402).

тезису скифские формы, демонстрирующие, согласно наиболее распространенным этимологиям, *-d-* < **-d-* и *-nt-* < **-nt-*, допускают и иные объяснения, не идущие вразрез с изложенными выше гипотезами: скажем, одна из таких форм, имя скифского царя Иданфирса, в ряде рукописей Геродота приводится в виде Ἰνδά(ν)θυρσοῦ (в сочетании **-nd-* общеиранский **d* в скифском сохранялся). А.И. Иванчик, стремясь доказать, что варианты с *-vd-* суть лишь ошибки переписчиков, приводит следующие аргументы: «В пассаже IV. 76 имя Иданфирса упомянуто дважды, оба раза с существенным разночтением. В первом случае рукописи флорентийской ветви дают Ἰδανθύρσου, а римской – Ἰδανθύρου... форма Ἰνδαθύρσου представлена лишь в codici descripti T и M. Тремя строками ниже рукописи римской ветви дают по-прежнему Ἰδάνθυρος, а флорентийской – искаженную форму Ἰνδάθυρσοῦ. Однако в других упоминаниях этого царя (IV. 120. 126. 127) ситуация более ясная: Ἰδάνθυρσοῦ там дается без разночтения между основными ветвями, а искаженные формы Ἰνδάθυρσοῦ и Ἰνδάνθυρσοῦ встречаются лишь в codici descripti. Все это позволяет считать форму Ἰδάνθυρσοῦ исходной геродотовской формой» (Иванчик 2009: 70, примеч. 42). Все эти замечания (как и приводимые там же соображения о возможных историко-культурных причинах постулируемого искажения «исходной формы») заслуживают внимания, но отнюдь не являются бесспорным доказательством вторичности форм, отражающих *-vd-*. Во-первых, эти формы встречаются не в codici descripti, то есть рукописях, механически переписанных, иногда с ошибками, с более раннего дошедшего до нас манускрипта, а в «смешанных» рукописях, которые могут содержать правильные чтения не дошедших до нас кодексов (см. выше). По справедливому замечанию автора фундаментальной монографии о рукописях Геродота, именно рукописи С и Т (последнюю, Laurentianus LXX. 6, он обозначает как N), где как раз и встречаются «искаженные» формы, «sont les manuscrits mixtes qui nous apprennent quelque chose» («суть смешанные рукописи, из которых можно кое-что узнать») (Hemmerdinger 1981: 78). Кроме того, по крайней мере в одном случае мы твердо знаем, что форма имени знатного перса, одного из заговорщиков против Гауматы Ἰνταφέρνης (III 70, 78, 118, 119), не встречающаяся в рукописях римской ветви и потому изгоняемая, несмотря на присутствие в лучших рукописях флорентийской ветви, из текста в критический аппарат, зато представленная в «смешанных» рукописях T, M и P и в excerpta Parisina (E), более правильна, как показывает сравнение с *Vīⁿdafarnah-* Бехистун-

ской надписи (DB III 84, 86; IV 83)¹⁴⁸, чем предпочитаемая издателями форма Ἰνταφρένης, основанная на народноэтимологическом сближении второй части персидского имени с греческим φρήν (множественное число φρένες) ‘грудь’ (переносное значение ‘душа; ум’), употреблявшимся в основном во множественном числе (см. об этом Schmitt 1967: 142). Этого факта вполне достаточно, чтобы не отмахиваться огульно от смешанных рукописей. Даже если к исходной скифской форме ближе варианты Ἰδάνθυρσος/Ἰδανθούρας, а не Ἰνδάθυρσος, интервокальное *d* в имени скифского царя все равно может восходить к праязыковому *-*nd-* (см. подробно выше, в Глоссарии s. v. Ἰνδάθυρσος). Учитывая, что иранское -*nd-* могло также передаваться греческим -*vt-* (ср. уже упомянутую передачу древнеперсидского *Vīⁿdafarnah-* греческим Ἰνταφρένης/Ἰνταφρένης), мы вправе предполагать, что элемент -*ant-* в именах типа Ἀριάντας (Hdt. IV 81) передает скифское *-*anda-* (как в имени Κολανδάκης, см. Глоссарий) (ср. имя персидского сатрапа Ἀρυάνδας у Полиена [VII 11, 7; VII 34; VIII 47]). Это тем более вероятно, что привычное объяснение такого рода имен как иранских прилагательных или причастий на -*ant-* не учитывает, что в номинативе и вокативе имен на -*ant-* конечный *t* отпадал, а косвенную основу греки вряд ли заимствовали бы. Еще один пример предполагаемого сохранения общеиранского *-*nt-* в скифском, гидроним Παντικάλης, объясняемый как ‘Путь (*panti-*) рыбы (*кара*)’, также не противоречит тезису о переходе *-*nt-* > -*d-*, поскольку, во-первых, -*nt-* < -*nθ-* мог, как в пашто, не переходить в -*d-* (см. подробно выше, s. v. Παντικάλης), и, во-вторых, названия рек Скифии не обязательно были скифскими по происхождению (ср. выше s. v. Τάναϊς).

Можно предполагать, хотя и без особой уверенности, что общеиранская фонема **x^h* в скифском давала *v* (передававшийся в греческом дигаммой) в анлауте и *x* (передававшийся греческим хи) в интервокальной позиции – ср. имена *Γοιτόσυρος и Αὐχάται (хотя первое может и не быть собственно скифским, см. Глоссарий, s. v.)

В приводимой ниже таблице обобщены реконструируемые, хотя

¹⁴⁸ Понятно, что древнеперсидская клинопись не вполне адекватно передает фонетический облик древнеперсидских слов, и теоретически *Vī-i-dⁿ-fⁿ-rⁿ-nⁿ-a* можно было бы читать и **Vīndafrānah-*, но этому, помимо всего прочего, мешают эламская и аккадская передачи: *Ḫi-in-da-pār-na* (§39, стк. 41–42, где не читаются первые два знака имени, 43–44, где имя читается полностью; в строке 40 читаются лишь первые два знака и частично последний, и § 54, стк. 89–90, где имя также читается полностью, по изданию Grillot-Susini, Herrenschmidt, Malbran-Labat 1993) и *^mŪ-Ḫmi ḷ-in-ta-pa-ar-na-* (Voigtlander 1978: 38, стк. 86, где знаки *pa-ar* видны четко, и 87, где в обоих случаях упоминания имени четко виден знак *pa*) или *^mŪ-Ḫmi-in-taḷ-par-na-Ḫ* (Ibid.: 47, стк. 110; издатель специально отмечает, что, хотя первые пять знаков видны слабо, знак *par* виден четко). См. также Mayrhofer 1979: II/28.

и с различной степенью надежности, рефлексы общеиранских фонем в скифском и, соответственно, фонетические особенности, отличающие скифский от большинства известных нам синхронных ему иранских.

Можем ли мы на основании установленных фонетических особен-

Общеиранский	Скифский
* <i>d-</i> , * <i>-d-</i>	<i>l</i> (кроме кластеров <i>γd</i> , <i>nd</i>): скиф. Παραλάται = авест. <i>paraḍāta-</i> и пр. (Семереньи и др. для отдельных этимологий или диалекта царских скифов; Витчак впервые для скифского в целом)
* <i>xš-</i>	<i>š/s-</i> : Σαῖταφάρνης < * <i>Xšaitafarna-</i> , '[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном' и пр. (Харматта, хотя он и считал это явление сарматским)
* <i>ś</i>	<i>θ</i> : имена скифских царей у Геродота Σπαργαλείθης (из иранского * <i>Spargaraiša-</i> – 'Подобный цветку' или 'Цветущего вида', ср. ваханское <i>sprəγ</i> 'цветок' и авестийское <i>paēsa-</i> 'украшение') и Ἀριαλείθης (<* <i>Aryaraiša-</i> 'Арийского облика') (Абаев – но считал заимствованием)
* <i>-nt-</i>	<i>-d-</i> (?): имя скифского царя у Геродота Μαδύης < * <i>mantu-</i> (ср. авестийское <i>mantu-</i> , древнеиндийское <i>māntu-</i> 'советник; правитель'); этноним (Гелланик apud Steph. Byz.) Ἀμάδοκοι < * <i>amantu-ka-</i> 'не имеющие правителей' (Кулланда)
* <i>-θ-</i>	<i>-∅-</i> (?): скифский Nom. pl. * <i>pāyah</i> 'пути' < * <i>paḥayah</i> , восстанавливаемый на основании топонима Ἐξάμιλος, который Геродот переводит Ἴραϊ ὁδοί, 'Священные пути' и пр. (Маркварт)
* <i>-š-</i>	<i>-∅-</i> (?): скифское <i>srau-</i> 'глаз' (приведено Геродотом в форме σρωῦ) < индоевропейского * <i>spaksu-</i> , иранского * <i>spas/šu-</i> ; скифское <i>kararu-</i> 'кибитка' (у Гезихия <i>καράρεις</i>) < иранского * <i>kərəšaru-</i> – ср. тохарское A <i>kursär</i> , B <i>kwársär</i> 'упряжка' (Витчак)
* <i>h-</i>	<i>-∅-</i> (?): имя скифского царя у Плутарха и Страбона Ἀτέας < * <i>hatja-</i> 'Истина' (но ср. легенду на монете ΑΤΑΙΑΣ) и пр. (Фасмер)

* <i>tu</i>	<i>t</i> (?): имя скифского царя у Геродота Τάξακις (если из * <i>Tuxša-ka-</i> ‘Стремящийся’); имя скифа у Лукиана Τόξαρις (если от того же корня, но с суффиксом <i>ra</i>); самоназвание Геродотовых скифов Σκόλοτοι (если из * <i>Skula-tva-</i>); в двух последних случаях огубленность могла бы объяснить появление <i>o</i> вместо ожидаемого <i>a</i>) (Мюлленгофф)
* <i>u-</i>	∅- (?): имя скифского царя у Геродота Ὀρικος < * <i>Uarika-/Uaryaka-</i> и пр. (хотя в греческом мог не передаваться и заведомо произносившийся иранский начальный <i>v</i> (< * <i>u</i>) – ср. <i>Viⁿdafarnah-</i> – Ἴνταφέρνης/Ἴνταφρένης (Мюлленгофф)
* <i>x^u-</i>	<i>F</i> - (?): имя скифского божества * <i>Foitósuros</i> (Hdt. IV 59) (Кулланда)
* <i>-x^u-</i>	<i>-x-</i> (?): наименование скифской социальной группы Αὐχάται (Hdt. IV 6) (Кулланда).
* <i>du</i>	* <i>d</i> (?) (если имя Μαδύης не из * <i>mantu-</i> , а из * <i>madua-</i> (Кулланда)

ностей скифского установить, что означало самоназвание скифов, слово **Skuda*? Однозначного ответа нет. Неясно, какому из трех фонетически возможных и семантически убедительных толкований отдать предпочтение. Согласно одному из них, впервые сформулированному, насколько нам известно, Лейбницем (на которого в своем описании России, переведенном В.Н. Татищевым, ссылался Страленберг, а на того – сам Татищев – см. Strahlenberg 1730: 33, Anm. *; Татищев 2005, 1: 94) и поддержанному Ф. Юсти, М. Фасмером, О. Семереньи и В.И. Абаевым (Justi 1896–1904: 441; Vasmer 1923: 16; Szemerényi 1980: 21 и примеч. 44; Абаев 1965: 25), слово это восходит к индоевропейскому корню со значением ‘стрелять’ и означает ‘стрелок’ – а скифы славились как стрелки из лука. Французский ученый Франсуа Корнильо (Cornillot 1981) сопоставил слово *Skuda* с ваханским (ваханский – восточноиранский язык, распространенный в Таджикистане и Афганистане) *skid* ‘тюбетейка’ (еще в недавнем прошлом, видимо, ‘остроконечная шапочка’ – ср. Стеблин-Каменский 1999: 312), которое фонетически закономерно восходит к **skauda*¹⁴⁹. При таком толковании самоназвание скифов означало бы ‘носящие характерные голов-

¹⁴⁹ Впрочем, как уже отмечалось, С.Р. Тохтасьев отвергает выведение **skuda* из **skauda*, резонно полагая, что стяжение дифтонга в монофтонг вряд ли могло произойти к началу VII в. до н. э., когда самоназвание скифов фиксируется письменными источниками, да и результатом монофтонгизации должен был бы стать долгий гласный. Аргументацию Тохтасьева см. выше, примеч. 115.

ные уборы', а известно, что в древнеперсидских надписях ближайшие родственники скифов, среднеазиатские саки, специально именуются 'острошапочными' – тиграхауда. Наконец, О.Н. Трубачев (1999: 137, впервые опубликовано в 1980) предложил возводить самоназвание скифов к корню со значением 'отрезать, отщеплять' (ср. выше). В этом случае самоназвание 'скиф' означало бы 'отделившийся; отщепенец; изгой' (ср. самоназвания казаков и казахов). См. также выше, s.v. **Σκόλοτοι**.

Любопытна дальнейшая судьба этнонима **Skuda*. Он встречается в Библии в форме Ашкеназ (в русской традиции Аскеназ) как личное имя: «Аскеназ, сын Гомера» (Быт. 10, 3), то есть «Скиф, сын Киммерийца». Кроме того, у пророка Иеремии упоминаются «царства Аскеназские» (Иер. 51, 27). Ашкеназ – результат поздней неверной огласовки древнееврейского *'škwz*, т.е. *Aškūz*, прочитанного как *'šknz*, поскольку в еврейском квадратном письме, как и в арамейском, *w* и *n* обозначались одной буквой, представлявшей собой вертикальную черту (Szemerényi 1980: 7). У пророка же Авдия упоминается страна Сефарад: «переселенные из Иерусалима, находящиеся в Сефараде, получают во владение города южные» (Авд. 1, 20). Сефарад – это Лидия, столица которой называлась по-лидийски *Šfard-*. В средневековой традиции европейских евреев южная страна Сефарад была отождествлена с находящейся на юге Европы Испанией, а северная страна Аскеназ – с находящейся на севере Европы Германией. Так евреи, изгнанные из Испании и нашедшие приют на арабском Востоке, стали называться сефарди, сефарды, то есть лидяне, а евреи, жившие в Германии и вообще в Северной Европе – ашкенази, то есть скифы.

Во введении уже говорилось о распространенности традиционной точки зрения на фонетику скифского языка, в подтверждение которой приводятся в том числе и заведомо ошибочные суждения. Так, Ю. А. Дзиццейты, доказывая, что в большинстве скифских диалектов не было перехода **d* > *l*, пишет о якобы бесспорно скифских гидронимах *Δάναλρις* и *Τάναϊς* (Dzitstsojty 2007: 12). Между тем, скифы называли Днепр Борисфеном (Βορυσθένης), а *Δάναλρις* – название сарматское (если не аланское), у ранних авторов не встречающееся – ср. в «Перипле Понта Евксинского» (84): εἰς Βορυσθένην... τὸν νῦν Δάναλριν λεγόμενον («до Борисфена... ныне называемого Данаприсом»). Что же касается Танаиса, то его скифы, согласно Плинию Старшему, называли Силисом (Tanaim ipsum Scythae Silim [вар. Silin, Sinum] vocant... – Nat. Hist. VI, 20), а Г. Гольцер (Holzer 1988) показал, что название *Τάναϊς* восходит к некоему не дошедшему до нас индоевропейскому языку, в котором индоевропейские звонкие (или сильные)

давали глухие, то есть этот гидроним восходит к индоевропейскому корню **dh₂n-* ‘бежать, течь’, который в общеиранском закономерно дал **dan-*, а никак не **tan-* (я несколько модифицирую гипотезу Гольцера; более подробную аргументацию см. в Глоссарии s.v. **Τάναϊς** et **Ταβίτι**).

Никто, однако, не отрицал, что в скифском языке действовали определенные фонетические закономерности, пока А.И. Иванчик (Иванчик 2009) не попытался доказать, что в скифском существовало множество диалектов, а потому одновременно наблюдались взаимоисключающие фонетические процессы, например, переход общеиранских кластеров **ri-*, **ry-* в *l* (как в имени **Κολάξαϊς** – якобы из **x^varyašaya-*) и их сохранение в неизменном виде (как в имени **Ἀριατεΐθης**, см. ниже) и пр. Сосуществование в одном языке исконных и заимствованных из близкородственного источника лексем, демонстрирующих в результате различное фонетическое отражение праязыковых фонем – явление распространенное (достаточно вспомнить «мидийские» слова в древнеперсидском или старославянизмы в русском). Да, с синхронной точки зрения все слова, наличествующие в данный момент в данном языке, равно принадлежат ему независимо от происхождения, но для адекватного анализа соответствующих лексем необходимо установить, какое фонетическое развитие было присуще данному языку и трактовать все отклоняющиеся от него факты как заимствования¹⁵⁰. В случае со скифским это тем более необходимо, поскольку иногда мы лишь по фонетическим критериям можем отнести некое имя собственное или нарицательное к скифскому или иному иранскому языку, распространенному в античное время на территории Северного Причерноморья. Даже если в некоторых скифских словах сохранялся общеиранский **d* (что далеко не очевидно – ср. выше), считать на этом основании, будто переход **d* > *l* был в скифском «спорадическим» (Иванчик 2009: 66) – то же, что ввиду существования магнитных аномалий утверждать, будто стрелка компаса указывает на север «спорадически». Отказываясь от всяких попыток определить, что отличало собственно скифский язык от близкородственных иранских, вроде сарматского, мы обрекаем себя на определение языковой принадлежности тех или иных реалий, деятелей и этносов исключительно на основе историко-культурных соображений, что неприемлемо. Языковая принадлежность определяется лингвистически, а все прочие аргументы

¹⁵⁰ Об этом применительно к скифскому уже писал С.Р. Тохтасьев: цитируя слова В.И. Абаева о «перекрестных изоглоссах», возникших вследствие «междиалектного переплетения звуковых норм», он справедливо отметил, что «реально такое переплетение могло осуществляться лишь путем заимствований из одного языка или диалекта в другой» (Тохтасьев 2005а: 101, примеч. 245).

могут служить лишь для объяснения языковых феноменов, а не для опровержения лингвистических выводов¹⁵¹.

Есть и более серьезные возражения против отнесения скифского к юговосточноиранским, но и они не представляются убедительными. Так, один из ведущих российских специалистов по сравнительно-историческому изучению иранских языков, Д.И. Эдельман, пишет: «Интересен в методическом плане историко-фонетический пример перехода праиранской $*d > l$ в ряде иранских языков региона Гиндукуша... Этот переход традиционно рассматривался в ряде трудов как генетически общий, объединяющий эти языки в генетическую подгруппу, отличную от других иранских языков. Были также попытки объяснить аналогичный переход $*d > l$ в иранских языках других ареалов влиянием бактрийского языка или их особой генетической близостью с бактрийским. При этом не учитывалось, что особое близкое родство языков, входящих, в свою очередь, в одну семью, определяется, как известно, не артикуляционным сходством рефлексов единичного древнего прототипа, а... совокупностью системных инноваций, отличающих данную группу языков от других языков этой же семьи, менее близких генетически... Однако привлечение других, не иранских, языков ареала Восточного Гиндукуша показало, что здесь переход $*d > l$ – ареальное явление, присущее разным языкам данного региона, независимо от их генетической принадлежности, не только иранским. Кроме того, он связан с определенной типологией фонологических структур и фонетических изменений... в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой $*\theta$, неустойчивым оказывается и статус звонкого звукотипа $*\delta$...» (Эдельман 2009: 92).

Согласиться с приведенными доводами трудно. Во-первых, переход $*d > l$ – не единственная изоглосса, объединяющая скифский, бактрийский и пашто. К числу их бесспорных общих инноваций относится также переход $*x\check{s} >$ сибилант в анлауте¹⁵². Что касается якобы субстратного происхождения перехода $*d > l$ в иранских языках Восточного Гиндукуша, то часть специалистов как по иранским (О. Шервё), так и по дардским (А.И. Коган) языкам считает, напротив, что этот переход в некоторых нуристанских и дардских языках может объясняться влиянием мунджанского на прасун (Skjærvø 1989: 382) и пашто на соседние дардские языки (Коган 2005: 161–162). Вопреки мнению Д.И. Эдельман (1986: 169; 2009: 92) о его относительно позднем возникновении, он за-

¹⁵¹ Не имеющие отношения к науке инвективы А.И. Иванчика подробно разбираются в: Кулланда 2011 а; Он же 2011 б.

¹⁵² В мунджанском и йидга стяжения не происходит (см. Эдельман 1986: 117).

свидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bāhlika* (т.е. Бактрия, откуда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Bāxdi-* (с суффиксом *-ka*), а также древнеиндийским словом *lipi* ‘письмо’, заимствованным из западноиранского *dipi* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) через диалект, где произошел переход $d > l$ (Грантовский 1998: 106–107; ср. также выше, примеч. 134). Связано данное обстоятельство, видимо, с сакским, герсифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджанцев и йидга и их языков (см. об этом Marquart 1901: 226 et al.; Грантовский 1963; Он же. 1963а; Он же. 1975; Он же. 1998: 105–109).

«Фонологический статус глухой $*\theta$ » в скифском явно был вполне устойчив, поскольку эта фонема регулярно соответствовала иранскому *s*, восходившему к $*s$. Самое же парадоксальное состоит в том, что Д.И. Эдельман, отказываясь от выделения юговостоочноиранских языков в самостоятельную генетическую подгруппу внутри восточноиранских, оперирует понятием «скифо-осетинские языки» (Эдельман 2009: 88, схема 1), хотя у скифского с осетинским нет ни единой общей инновации. Впрочем, как уже говорилось выше, выделение юго-восточной подгруппы иранских языков нельзя назвать общепризнанным или убедительно обоснованным¹⁵³. На мой взгляд, основанием для ее выделения могут служить такие общие фонетические инновации, засвидетельствованные уже в древности, как переходы $*d > \delta > l$ и $*xš- >$ сибилант. Они характерны для скифского, бактрийского и пашто¹⁵⁴. Такая объединяющая скифский (предположительно) и пашто инновация, как переход интервокального $*-nt-$ в *d*, не является специфически юговостоочноиранской, поскольку встречается, скажем, в ишкашимском. Конечно, эти инновации могли возникнуть и независимо на окраинах иранского ареала, что типологически вполне реально, и тогда выделение особой юговостоочной подгруппы неправомерно, но для работы о скифах важно то, что в их языке бесспорно существовали указанные инновации, отличавшие его от соседних близкородственных языков, прежде всего сарматского. Выделение/невыделение юговостоочноиранской подгруппы в нашем случае непринципиально.

¹⁵³ Предлагаемая здесь трактовка понятия «юговостоочноиранские языки» отличается от содержания одноименного таксона, введенного в науку Моргенштерне (о последнем понятии см. Kieffer 1989), который под юговостоочноиранскими языками имел в виду парачи и ормури.

¹⁵⁴ Развитие $*xš- >$ сибилант в среднеперсидском относится к более позднему по сравнению со скифским и бактрийским времени. Датировать время соответствующего перехода в (пра)пашто мы не можем, но, учитывая что пуштунов по экстралингвистическим соображениям считают потомками скифов, мы вправе предположить, что переход этот произошел достаточно рано.

Дополнительный аргумент в пользу реконструкции упомянутых фонетических особенностей скифского – то, что некоторые из них позволяют объяснить на первый взгляд немотивированные дублетные формы иранских слов. Так, ассирийские, эламские и греческие передачи иранских имен с анлаутом, восходящим к общеиранскому *xš- отражают либо xš- (ассирийское *ka-áš/kaš-ta-ri-ti* < *Xšāhrita*, эпиграфическое греч. *ξατράλης* < **xšāθrapā-* и т.п.), либо š/s- (*sa-tar-pa/ba-nu* < *Xšāθrapāna*, греч. *σατράλης* < **xšāθrapā-* и т.п.). Для передачи иранского биконсонантного анлаута ассирийцы постоянно использовали эпентетический гласный, так что появление начального s- вряд ли может объясняться стремлением избежать стечения согласных в начале слова¹⁵⁵. Поскольку греки, в свою очередь, проводили четкое различие между начальными xš- и š/s- иранских языков (см. выше), перебой xš-/s- в иноязычных передачах иранских слов объясняется, видимо, различиями в произношении самих иранцев. Представляет интерес и то обстоятельство, что практически все личные имена, отражающие данный переход, отражают и фонетические особенности мидийского¹⁵⁶, а именно в Мидии скифское влияние было наиболее сильным (ср. Vogelsang 1992: 11, 303, 304–315 et passim)¹⁵⁷. Учитывая, что переход *xš > s в начальной позиции из знакомых населению Ближнего Востока и грекам древнеиранских языков был характерен для скифского, но никак не для мидийского или древнеперсидского, можно предположить, что лексемы, отражающие

¹⁵⁵ Что до эламской передачи иранского xš- в начальной позиции, оба иранских слова, начинающихся с xš- в древнеперсидской версии Бехистунской надписи и транскрибированных в эламской, мидийское личное имя *Xšāhrita-* и название должности сатрапа, *xšācapāvan-*, по-эламски переданы соответственно как *Šá-at-tar-ri-tá* и *šá-ak-šá-ba-ma-na-me*, где *-me* – эламский суффикс. То же соответствие наблюдается и в более поздних эламских передачах иранских имен. Исключения из правила немногочисленны, а именно эламские *Ik-šá-šá-qa* и *Uk-šu-iš-tur-ra*, предположительно передающие древнеперсидское **xšācaqa-* и мидийское **xšāustra-* соответственно, причем в обоих случаях зафиксированы дублеты *Šá-ak-šá-qa* и *Šu-iš-tur-ra*. Представляется, таким образом, что а) начальный š в эламском не отражает перехода xš- > s- в соответствующих иранских словах, а б) варианты с протетическим гласным не были характерны для эламского и возникли под ассирийским влиянием.

¹⁵⁶ А именно *-θr-*, а не древнеперсидский *ç*. Единственное возможное исключение в сводах Hinz 1975 и Mayrhofer 1973 – имя, записанное по-арамейски как *ššhmr* на ахеменидской булле из Телло, где первая часть предположительно передает древнеперсидское *xšāca* (Hinz 1975: 134).

¹⁵⁷ Экстралингвистические данные (если таковые имеются) также указывают, что носители имен с начальным S- < Xš- были мидянами: так, некий *Ξατράβης*, согласно Эфиппу Олинфскому (аруд Athen. XII, 537, D) был при Александре сатрапом Экбатан, древней столицы Мидии (ср. Justi 1895: 292). Правда, Эфипп, видимо, ошибался относительно сана Сатрабата, поскольку все прочие источники: Арриан (Arg. Anab. IV 18, 3; VI 29, 3; VII 4, 5; 13, 2 и пр.), Диодор (XVIII 3, 3), Страбон (XI 13, 1 = C 523), Юстин (Just. XIII 4) называют сатрапом Мидии Атропата (на это обстоятельство обратил мое внимание А.С. Балахванцев), но показательно, что имя Сатрабата ассоциировалось с Мидией.

начальный иранский *s-* < **xš-*, происходят из скифского. Так как к их числу относятся важные социальные термины (как иранский прототип греческого *σατράλης*) и иранские имена, зафиксированные уже в конце IX в. до н. э., такие как *sa-ti-ri-a-a* (<**Xšathrija-*), царь страны Наири в 819 г. до н. э., возможно, следует пересмотреть хронологию и степень воздействия на местное население скифских походов в Переднюю Азию, хотя вопрос требует дальнейшего исследования.

Не менее интересно для уточнения наших представлений об этническом составе населения Скифии имя упоминаемого Геродотом (IV 80) скифского царя Октамасада (Ὀκταμασάδης). Как уже отмечалось выше, в свое время О.Н. Трубачев указывал, что сочетание *-kt-* в иранском дало *-xt-*, и на этом основании считал имя Октамасада (где греческое буквосочетание *-kt-*, по его мнению, передавало *-kt-*) индоарийским (Трубачев 1999: 199–201 = Трубачев 1985: 140–143). Последний вывод, однако, не обязателен: широко известны случаи передачи греческим *-kt-* иранского *-xt-*, в том числе и у Геродота – Βάκτρα из *Bāxtri-* или Ἀρταύκτης, видимо, из **Arta-uxta-*, и, напротив, насколько я могу судить, не засвидетельствовано случаев передачи иранского *-xt-* греческим *-χτ/θ-*. Зато можно с уверенностью утверждать, что греческое *-kt-* никогда не передает восточноиранского рефлекса индоиранского **-kt-*, а именно *-γd-*, неизменно передаваемого через греч. *-γd-* (Ἰυδαίτης, Σβυδῖος). Вряд ли стоит в связи с такой фонетической реализацией кластера пересматривать основы восточноиранской фонетики, предполагая, как это делает С.Р. Тохтасьев, что в некоторых восточноиранских языках, в частности, в скифском, индоиранский кластер *-kt-* мог дать *-xt-* без дальнейшего перехода в *-γd-* (Тохтасьев 2005а: 98–99 и примеч. 227). Скорее следует признать, что скифские цари могли носить западноиранские или иные арийские по происхождению имена, а значит, на территории или на границах Скифии имелось и невостоноиранское по языку население. Как уже говорилось (Глоссарий s. v. Ὀκταμασάδης), косвенный аргумент в пользу нескифского происхождения имени Октамасада – то, что его носил синдский царевич, упоминаемый в надписи с Семибратнего городища на Кубани. Очевидно под влиянием более древнего и авторитетного текста Геродота (IV 80), упоминающего скифского царя Октамасада, исследователи единодушно считают, что синды заимствовали скифское имя. Однако обратное направление заимствования не менее вероятно, особенно если учесть нескифский фонетический облик имени. При этом остаются в силе высказывавшиеся соображения о скифо-синдских связях.

Расхожее представление о том, что изучение скифского языка ничего принципиально нового дать не может, далеко от истины, и скифологов, хочется верить, ждет еще много не только археологических находок.

На основании уточненных фонетических соответствий между скифским и иными иранскими языками можно попытаться проанализировать до сих пор не объясненные скифские имена и пересмотреть некоторые общепринятые этимологии. Так, ввиду преобладавшего в иранском ротацизма (не считая некоторых звукоподражательных (?) слов вроде персидского *lab* ‘губа’ и т.п.), обилие скифских имен, содержащих *l*, представляет определенную загадку. Если же считать, что скифский *l* происходит из иранского **d*, а скифский *d* – из иранского **-nt-*, становится возможным дать непротиворечивые этимологии ряда скифских имен. Об имени Μαδύης было сказано выше. Имя царя Скилура с тем же фонетическим переходом Σκίλουρος < **skidura-* означает ‘Режущий; Победоносный’¹⁵⁸; имя его сына Палака (Πάλακος < **Pāḍaka-*, ср. древнеперсидское *pāda-* ‘нога’ и т.п.) – ‘Ногастый; (Длинно)ногий’¹⁵⁹. Имя Παρίσαλος, встречающееся в ряде надписей из Крыма и с Таманского полуострова, обычно считается фракийским (см., например, Vasmer 1923, S. 47). На самом же деле это явно «скифизированная» форма боспорского царского имени Перисад, Παρισάδης. Не исключено, что появление в скифском *l* на месте боспорского *d* могло явиться результатом гиперкоррекции, поскольку скифы, тесно контактируя с носителями иных иранских языков, не могли не замечать, что *d* этих языков в их собственном языке соответствует *l*¹⁶⁰.

Перечисленные выше особенности скифского языка важны для исторического исследования прежде всего потому, что позволяют верифицировать распространенные этимологии, на которых нередко

¹⁵⁸ Впервые предложивший эту этимологию О.Н. Трубачев, будучи одержим идеей о присутствии индоариев в Северном Причерноморье в скифское время, трактовал имя Скилура, несмотря на его типично юговосточноиранскую форму, как индоарийское (ср. выше, s.v. Σκίλουρος).

¹⁵⁹ См. выше, s.v. Πάλακος. О на первый взгляд противоречавшей выводу о переходе скифского *d* в *l* форме упоминаемого Геродотом (IV 76; 120; 126–127) имени скифского царя – Иданфирс см. выше. Появление *d* в таких скифских именах, как Игдампей (Ἰγδαμπαίης) (Яйленко 1980: 77–78, № 69, рис. 1) или Октамасад (Ὀκταμασάδης, Hdt. IV 80) объясняется в случае с Игдампеем сочетанием согласных *yd*, при котором, как и в современных юговосточноиранских языках, перехода *d > l* не происходило (ср. йидга *lūdo* ‘дочь’ из восточноиранского **duydar*; подробнее см. Эдельман 1986: 148–151), тогда как имя Октамасада, как неоднократно отмечалось выше, видимо, заимствовано из некоего арийского языка (синдского или меотского?).

¹⁶⁰ Типологические параллели см. выше, примеч. 134.

строятся историко-культурные выводы. Обратимся прежде всего к именам персонажей скифской генеалогической легенды о трех братьях, сыновьях первочеловека Таргитая – Липоксая (Λιπόξαις), Арпоксая (Ἀρπόξαις) и Колаксы (Κολάξαις) (Hdt. IV 5–7). Как уже отмечалось, В.И. Абаев (1949: 242) сравнил первый элемент имени Арпоксая с осетинским *arf* ‘глубокий’ (<*āpra) и перевел все имя как ‘владыка вод’ или ‘владыка Днепра’ (по Э.А. Грантовскому [1960: 7] ‘владыка глубины’). Начальный элемент имени Колаксы В.И. Абаев (1949: 243) возводил к иранскому *x^var* (**x^har*) ‘солнце’ и переводил как ‘Солнце-царь’. Развивая гипотезу В.И. Абаева, Э.А. Грантовский (1960: 19–20, примеч. 26) предположил, что Κολά- восходит к иранскому *x^varya-* (**x^harja-*, с характерным аланским переходом *ri/ry > l*), а все имя следует переводить как ‘царь неба’. Первый элемент имени старшего брата, Липоксы, который В.И. Абаев в работе 1949 года счел не поддающимся объяснению, Э.А. Грантовский (1960: 7–10) возводил к иранскому **ripa*, названию Рипейских гор, а также гор *par excellence*. В результате возникла стройная картина, согласно которой имена трех братьев отражали «представление о трех космических плоскостях: верхней – небесной, символизировавшейся солнцем, средней – надземной и нижней – водной или подземной» (Грантовский 1960: 9). В дальнейшем этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания. Увы, в данном случае нас ждет, по выражению Томаса Гексли, «величайшая трагедия Науки – убиение прекрасной гипотезы безобразным фактом» (The great tragedy of Science – the slaying of a beautiful hypothesis by an ugly fact) (Huxley 1894: 244). «Безобразный факт» в нашем случае заключается в том, что абсолютно все постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были невозможны. Метатезы **pr > rp* не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάναρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης), следовательно, первая часть имени Арпоксая не может восходить к слову *āpra- ‘глубина’. Не происходило в скифском и перехода *ri* в *li* или *ry* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик, чьи греческие формы и иранские этимологии приведены выше. Следовательно, первая часть имени Липоксы не может восходить к иранскому **ripa-*, а

первый элемент имени Колакская – к иранскому $x^h arja$ -. С исследователями сыграло злую шутку смешение разновременных языковых явлений: отмеченные ими фонетические процессы действительно происходили, но в гораздо более поздний период и в другом, хотя и родственном, языке. Сказанное не означает, что мы должны выплеснуть с водой и ребенка, отвергнув гипотезу о трехчастной мифологической модели мира в скифском мировоззрении: в пользу ее существования свидетельствуют, как будто, и иные данные (ср., например, Погребова 1948: 62; Раевский 1977: 119–123 = Раевский 2006: 148–151), но нельзя привлекать в подкрепление оной – как и любой другой – гипотезы заведомо неверную этимологию имен персонажей скифского мифа. Это не праздный вопрос, поскольку исследователи, к сожалению, до сих пор склонны опираться именно на означенную этимологию. Так, Ю.А. Дзицойты подкрепляет отстаиваемую им трактовку отдельных аспектов скифской мифологии утверждениями о том, что «имя Колакская в переводе со скифского означает ‘Солнце-царь’» (Дзицойты 2003: 116), а имя Липокская «могло означать либо ‘Гора-царь’, либо – что менее вероятно – ‘Земли царь’» (там же: 105). А.И. Иванчик в статье «Фрагмент скифского эпоса: “Колаксаев конь” в “Парфении” Алкмана» (Иванчик 2004) вновь пишет о «Солнце-царе» Колаксае и «царе глубин, вод» Арпоксае, во многом строя на этом свое исследование, и, ссылаясь на работу Э.А. Грантовского, говорит о существовании скифского диалекта, для которого был характерен переход $r > l$ перед i ¹⁶¹. По иронии судьбы и сам Э.А. Грантовский, и А.И. Иванчик из отмеченных первым фонетических особенностей скифского языка выбрали (следуя в этом за В.И. Абаевым) для дальнейшей интерпретации ономастического материала те, что были выделены ошибочно, не уделив должного внимания другому, как уже отмечалось, намного опередившему свое время наблюдению Э.А. Грантовского о переходе в этом языке (который Э.А. Грантовский считал одним из скифских диалектов) общеиранского $*d$ в l (хотя в последующих работах Э.А. Грантовский трактовал факты скифского языка с учетом данного перехода – ср. выше о его этимологии имени Палака). Перед нами – очередная иллюстрация того, что в науке никому, даже самому великому ученому, нельзя верить на слово.

Предложенные в нашем глоссарии имена сыновей Таргитая, разумеется, также нельзя считать ни твердо установленными, ни фонетически и семантически безупречными. Их единственное

¹⁶¹ Те же утверждения повторены и в монографии А.И. Иванчика (Иванчик 2005: 163, 165).

преимущество перед общепринятыми состоит в том, что они не входят в неразрешимое противоречие со скифской фонетикой.

Согласно переданной Геродотом (IV 5–6) скифской генеалогической легенде, потомки сыновей первочеловека Таргитая составили три «касты», или наследственные социальные группы (γένεα)¹⁶² скифов. «... [П]ервым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай... У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай... От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них цари, которые именуются паралатами»¹⁶³. Поскольку в иранской традиции средний сын прародителя считался родоначальником второй пиштры (варны), включавшей скотоводов и (позднее) земледельцев¹⁶⁴, многие скифологи с полным основанием полагали, что и скифские Κατίαιοι τε καὶ Τράσπιας (катиары и траспии) были представителями той же социальной группы¹⁶⁵.

В связи с истолкованием предполагаемого иранского оригинала наименования Κατίαιοι представляет интерес известное свидетельство Псевдо-Гиппократов о скифском образе жизни: «Так называемая “Скифская пустыня” представляет собою равнину, изобилующую травой, возвышенную¹⁶⁶ и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду со степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шести-

¹⁶² Об употреблении γένος у Геродота см. Jones 1996. К принимаемому здесь переводу ср. также трактовку этого слова в египетском логосе (II 164) Ф.Г. Мищенком (Геродот 1888 I): ‘класс’ и Г.А. Стратановским (Геродот 1972: 163) (‘каста’).

¹⁶³ Перевод И.А. Шишовой (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 101).

¹⁶⁴ Ср., например, Бундахишн, гл. XXXII (Зороастрийские тексты 1997: 309). Подробнее см. Грантовский 1960: 10–12.

¹⁶⁵ Подробнее см. Грантовский 1960: 12–13; Раевский 2006: 44, 88–105; Кулланда 2014: 328.

¹⁶⁶ Чтение «возвышенная» (ὕψηλή) дает рукописная традиция, подтверждаемая старым латинским переводом (*alta*) середины I тыс. н. э., дошедшим до нас в трех рукописях IX в. (Jouanna 1996: 110). Я. Корнарий (Janus Cornarius), издавший трактат в 1529 г. в Базеле, предложил конъектуру ψιλῆ «голая» (это последнее слово употреблено по отношению к скифским равнинам в следующей главе – XIX, 2), принятую многими последующими издателями (принята она и в своде Латышева). Однако в XIX главе говорится, что скифские равнины «возвышенны и обнажены» (μετέωρα γὰρ τὰ πεδία καὶ ψιλὰ...), так что Ж. Жуанна, отмечая, что нет оснований предпочитать конъектуру XVI в. чтению, восходящему, судя по латинскому переводу, по крайней мере к VI в., и возвращаясь к рукописному чтению, задается вопросом: не стояло ли в оригинале ὕψηλή καὶ ψιλῆ («возвышенная и голая»)? (Jouanna 1996: 323, примеч. 4).

колесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни одинарные¹⁶⁷, другие же и трехчастные; они непроницаемы¹⁶⁸ и для воды, и для снега, и для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и [табуны] лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда [ее] не [хватит], переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку (это сыр из кобыльего молока). Таков образ жизни и обычаи скифов»¹⁶⁹ (Ἡ δὲ Σκυθῶν ἐρημὴ καλευμένη πεδιάς ἐστι καὶ λεμμακῶδης καὶ ὑψηλὴ καὶ ἔνυδρος μετρίως. ποταμοὶ γὰρ εἰσι μεγάλοι οἱ ἐξοχετεύουσι τὸ ὕδωρ ἐκ τῶν πεδίων. Ἐνταῦθα καὶ οἱ Σκύθαι διαιτεῦνται, νομάδες δὲ καλεῦνται ὅτι οὐκ ἔστιν οἰκήματα, ἀλλ' ἐν ἀμάξῃσιν οἰκεῦσιν. Αἱ δὲ ἄμαξαι εἰσιν αἱ μὲν ἐλάχισται τετράκυκλοι, αἱ δὲ ἐξάκυκλοι. αὐταὶ δὲ πῖλοισι περιπεφραγμένοι < εἰσίν > εἰσὶ δὲ καὶ τετεχνασμένοι ὥσπερ οἰκήματα, τὰ μὲν ἀπλᾶ, τὰ δὲ καὶ τριπλᾶ. Ταῦτα δὲ καὶ στεγνὰ πρὸς ὕδωρ καὶ πρὸς χιόνα καὶ πρὸς τὰ πνεύματα. Τὰς δὲ ἀμάξας ἔλκουσι ζεύγεα τὰς μὲν δύο, τὰς δὲ τρία βοῶν κέρας ἄτερ. οὐ γὰρ ἔχουσι κέρατα ὑπὸ τοῦ ψύχους. Ἐν ταύτῃσιν μὲν οὖν τῆσιν ἀμάξῃσιν < αἱ > γυναῖκες διαιτεῦνται. αὐτοὶ δὲ ἐφ' ἵππων ὀχεῦνται οἱ ἄνδρες. Ἔπονται δὲ αὐτοῖσι καὶ τὰ πρόβατα < τὰ > ἐόντα καὶ αἱ βόες καὶ οἱ ἵπποι. μένουσι δ' ἐν τῷ αὐτῷ τοσοῦτον χρόνον ὅσον ἂν ἀποχρῆ αὐτοῖσι τοῖσι κτήνεσιν ὁ χόρτος ὀκόταν δὲ μηκέτι, ἐς ἐτέρην χώραν μετέρχονται. Αὐτοὶ δ' ἐσθίουσι κρέα ἐφθὰ καὶ πίνουσι γάλα ἵππων καὶ ἱπάκην τρώγουσι. τοῦτο δ' ἐστὶ

¹⁶⁷ Некоторые издатели исправляют рукописное чтение ἀπλᾶ ‘одинарные’ на διπλᾶ ‘двойные’ (так и в своде Латышева: «с двумя, другие с тремя [отделениями]»), что излишне, как справедливо отметил Жуанна (op. cit.: 324, примеч. 7), поскольку рукописное чтение трактуется вполне осмысленно: одни передвижные дома состоят из одного помещения, другие же из нескольких, вплоть до трех. В Scythica et Caucasia конъектуры добросовестно оговорены, но по-латыни, что затрудняет использование текстологического комментария даже теми скифологами-археологами, которые пользуются оригинальным изданием en regard, а не переизданием, воспроизводящим только перевод.

¹⁶⁸ Рукописным чтениям στενά ‘узкие, тесные’ (Codex Vaticanus Graecus 276) и σθενά (= σθενάρα?) (утраченный Codex Gadaldini, принадлежавший жившему в XVI в. итальянскому врачу и коллекционеру рукописей Августину Гадалдини, и дошедший до нас в выдержках и выписках – см. Jouanna 1996: 97–108) ‘крепкие, мощные’ издатели текста справедливо предпочитают конъектуру στεγνά ‘укрытые, непроницаемые’ (см. подробно Jouanna, op. cit.: 324, примеч. 8).

¹⁶⁹ Перевод В.В. Латышева (Латышев 1890 I: 60) в современной орфографии с изменениями, основанными на чтении греческого текста в современном критическом издании, следующем в основном рукописной традиции (см. примеч. 166–168), тогда как большинство отечественных исследователей, цитирующих данный пассаж по изданию Латышева, приводит и использует текст с неоправданными конъектурами и, соответственно, не вполне верный перевод (отсюда и необходимость привести критический текст).

турὸς ἴπλων. Τὰ μὲν ἐς τὴν δίαίταν αὐτῶν οὕτως ἔχει καὶ τοὺς νόμους.) (De aēr. XVIII). О том же повествует Геродот (IV 46): «...они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках». Свидетельством того же образа жизни служит и описание Токсариды, которого Лукиан называет «простым скифом, одним из многих тех, что зовутся у них «восьминогими», то есть владельцами двух волов и кибитки» (Scyth. 1)¹⁷⁰. К скифам предположительно относится и упоминание во фрагменте 151 гесиодического «Перечня женщин» о земле «млекоедов, имеющих жилища на повозках» (ср. выше)¹⁷¹.

Все это подкрепляет выдвинутую выше этимологию слова Κατί-αροι ‘имеющие передвижные жилища’ или ‘передвигающиеся в домах’.

В известном декрете в честь Протогена¹⁷², где повествуется о заслугах этого ольвиополита перед родным городом и соответственно упоминаются разные события и принимавшие в них участие этносы, в числе прочих народов, населяющих Северное Причерноморье, названы и фисаматы (Φισαμίαι, в тексте форма аккузатива Φισαμίατας¹⁷³). Учитывая, что в том же декрете, похоже, приведены в иранской форме некоторые этнонимы, данные Геродотом в его скифском логосе в переводе на греческий, а именно Σάϊοι (в тексте форма генитива Σαίων – из иранского *xšāja- ‘царь’, что соотносится с Геродотовым [IV 20] наименованием «скифы царские»¹⁷⁴, οἱ βασιλήϊοι Σκύθαι, в тексте в родительном падеже, τῶν βασιληίων Σκυθέων)¹⁷⁵ и Σαυδάραται, явно из иранского *saw-dar-a-ta*, ‘одетые в черное’ (ср. осет. *saw* ‘черный’, *daryn*

¹⁷⁰ Перевод Н.П. Баранова (Лукиан 2001 I: 66).

¹⁷¹ См. Иванчик 2005: 27.

¹⁷² IOSPE I², 32.

¹⁷³ Соответствующий пассаж (Ibid., В 9–10) гласит: ...Φισαμίατας καὶ Σκύθας καὶ Σαυδάρατας ἐπιθυμῆν τοῦ ὀχυρώματος, δεδιότας ὡσαύτως καὶ αὐτοὺς τὴν τῶν Γαλατῶν ὀμότητα... (...фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов... – пер. В.В. Латышева).

¹⁷⁴ “Nach dem Sturze der Skythenmacht... erhielt sich zwar noch ein Rest der ‘königlichen’ Skythen oder Σάϊοι (zd. khšaya) im Gebiet von Olbia...” («Хотя после крушения скифской державы... остатки “царских” скифов, или сайев (зендское khšaya) еще сохранялись в области Ольвии...») (Tomaschek 1893: 98). См. также Tomaschek 1888: 721.

¹⁷⁵ В историографии в связи с северопричерноморской этнонимией и антропонимией неоднократно указывалось на упоминание сайев у Архилоха (Archilochi frgm. 13 по изданию Archiloque 1958: 5–6) – см., например, Tomaschek 1893: 43–44; КБН: 95. К сожалению, контекст не дает воз-

‘носить [одежду]’, *sawdar(aeg)* ‘носящая траур’¹⁷⁶), сопоставимые с Геродотовыми меланхленами (Μελάνυχλαινοι, ‘[одетые в] черные плащи’)¹⁷⁷, я попытался предложить иранскую этимологию и для названия фисаматов и найти ему соответствие среди Геродотовых этнонимов (Глоссарий s. v. **Θισαμίται**), сравнив элемент Θισ- рассматриваемого этнонима с древнеиндийским корнем *śiṣ-* ‘оставлять; выделять’¹⁷⁸). Таким образом, слово Θισαμίται можно переводить, учитывая аористный характер основы, ‘отклонившиеся; удалившиеся’.

С этим этническим обозначением можно сопоставить сообщение Геродота (IV 21–22) о том, что за Танаисом (Доном), далеко к северо-

возможности установить их этническую принадлежность; речь идет о том, что кто-то из сайев (Σαίων τις) бахвалится щитом, брошенным лирическим героем: Ἀσπίδι μὲν Σαίων τις ἀγάλλεται, ἦν παρὰ θάμνοι / ἔντος ἀμόμτον κάλλιπον οὐκ ἐθέλων / ψυχὴν δ’ ἐξεσάωσα. Τί μοι μέλει ἀσπίς ἐκείνη ; / ἐρρέτω ἑξαυτίς κτήσομαι οὐ κακίω. Ср. русский стихотворный перевод В.В. Вересаева: «Носит теперь горделиво саиец мой щит безупречный: / Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах. / Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадет / Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть». Сайи Архилоха могут быть и фракийцами, у которых имелись иранские этнонимы в характерной скифской огласовке: так, Гекатей (St. Byz., fr. 129) и Геродот (VII 110–113) упоминают фракийское племя Σάτραι, чье имя явно отражает иранское xšaθra со скифским переходом xš- > s- в начале слова (ср. Tomaschek 1893: 68; об алаутном переходе xš- > s- в скифском см. Кулланда 2011: 53–55, 62–63). О фракийской принадлежности Архилоховых сайев говорит и его схолиаст: Ἀρχιλόχου ἐστὶ τὸ δίστιχον... Οὗτος ὁ Ἀρχιλόχος ἐξῆλθεν εἰς πόλεμον ἐν τῇ πρὸς Σαίους μάχῃ, ἐστὶ δὲ ἔθνος Θράκης, καὶ φοβηθεὶς ἔφυγε ῥίπας ἑαυτοῦ τὰ ὄπλα· αὐτὸν οὖν διαβάλλον λέγει... (Archiloque 1958, loc. cit) («Это Архилохово двустихие... Этот самый Архилох отправился на войну и в битве против сайев, фракийского племени, испугавшись, бежал, бросив свой доспех (resp. щит – С.К): так, во всяком случае, он говорит, черня самого себя...»).

¹⁷⁶ ИЭСОЯ I: 345–347; III: 42–45.

¹⁷⁷ Миллер 1887: 79; Tomaschek 1889: 18; Vasmer 1923: 51 (с литературой).

¹⁷⁸ С приведенными скифской и древнеиндийской лексемами в принципе сопоставим авестийский корень *siž-dīia-* ‘удаляться; отклоняться; отвергать’ (если *siž-* < **siš-* с озвончением перед последующим звонким; второй элемент в авестийской основе настоящего времени может быть вторичным и восходить к распространенному суффиксу инфинитива *-dīiāi*, ср. др.-инд. *-dhyai*, о котором см., например, Beekes 1988: 196–198). Авестийское словоупотребление см., например, в Y 32, 4: *vahjəuš sīzdīiamnā manajhō* ‘отпадающие от благой мысли»; ср. также Y 34, 9; Yt XIX, 84. Правда, Р. Беекес, как и другие авестологи (см., например, Kellens et Pirart II: 318–319), предпочитает выделять в авестийском *siždīia-* корень *sižd-*, который считает вариантом корня *syazd-/sīiazd-* ‘отступать’ (Beekes, op. cit: 212), но и при такой трактовке упомянутые исследователи, как и автор этимологических словарей древнеиндийского М. Майргофер, не отрицают возможности родства данного корня с древнеиндийским *śiṣ-* (см. об этом KEWA III: 348; EWAia II: 655). Но поскольку существует и альтернативная этимология авестийского корня, связывающая его с древнеиндийским *sedh-* ‘прогонять, отгонять’ (Humbach 1991, II: 111), подробно обоснованная А.М. Лубоцким (Lubotsky 2004; см. также Cheung 2007: 343), согласно которому индоиранское **ciāzdh* > индоарийское **syazdh* > **sazdh* через ассимиляцию сибилантов > **syedh* с закономерной утратой *-z- и компенсаторным удлинением гласного (индоарийский *e* долог по природе) > *sedh* (с потерей -y- как в *sītra-* «нить» < **syūtra-*), я предпочитаю исключить из рассмотрения авестийское *siždīia-*: сравнения Θис- в слове Θισαμίται с древнеиндийским *śiṣ-* вполне достаточно для этимологизации.

востоку от озера Меотиды (Азовского моря) жили «скифы, отложившиеся (*ἀλοστάντες*) от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну» (пер. И.А. Шишовой¹⁷⁹). Правда, поскольку во времена Геродота отложившиеся скифы жили далеко к северо-востоку от скифов царских¹⁸⁰, их присутствие в непосредственной близости от Ольвии кажется на первый взгляд маловероятным. Следует, однако, учесть, что на протяжении III в. до н. э. (события, описываемые в декрете в честь Протогена, датируются, по всей видимости, концом этого столетия) этническая карта Северного Причерноморья коренным образом изменилась, и скифы, возможно, ввиду изменения природных условий, покинули большую часть земель, которые до того населяли¹⁸¹. Можно предполагать, что и «отложившиеся» скифы были вынуждены перебраться на юго-запад.

¹⁷⁹ Цит. по изданию Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 109.

¹⁸⁰ Предлагались различные варианты отождествления земли отложившихся скифов и археологической культуры, носителями которой они были (обзор точек зрения см. Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 248–249, примеч. 230; Погребова, Раевский 1992: 198–202). В конце 1980-х годов в связи с проблемой отложившихся скифов М.Н. Погребова и Д.С. Раевский (Погребова, Раевский 1989) обратили внимание на средневолжские памятники раннеананьинской археологической культуры VIII–VI вв. до н. э., прежде всего Старший Ахмыловский и Пустоморквашинский могильники на территории республики Марий Эл. Сама ананьинская культура имеет местные корни и ее носителей считают (и, видимо, справедливо) предками финно-волжских народов. Примечательно, однако, что в раннеананьинских памятниках распространены предметы вооружения, детали конского убора и украшения в зверином стиле, генетически связанные с раннескифскими, а также предметы кавказского происхождения (Погребова, Раевский 1992: 203–214). Объяснить это обстоятельство торговыми связями и импортом скифских вещей вряд ли возможно, ведь «следует отметить значительную удаленность рассматриваемого региона от основной зоны распространения древностей скифского облика и разительное отличие его по уровню концентрации подобных находок от городецкого ареала (городецкая археологическая культура была распространена к юго-западу от ананьинской, от северных районов современной Саратовской области на юге до Волги на северо-востоке, между ананьинской и собственно скифской культурами – С.К.). Крайне маловероятно, что существование торговых связей, оставивших столь заметный след в раннеананьинских комплексах, могло никак не отразиться в памятниках промежуточной территории» (Там же, стр. 207). Именно поэтому М.Н. Погребова и Д.С. Раевский предположили, что появление скифских и кавказских вещей на Средней Волге было связано с переселением туда из Предкавказья, где концентрировалась раннескифская культура, отложившихся скифов. В связи с локализацией упомянутых выше памятников на территории расселения марийцев любопытно, что, как уже говорилось выше, В.И. Лыткин возводил марийское *lüštáš* и коми *lüštjini* ‘доить’ к иранскому **dauxs-/duxš-* ‘доить’ в юговостоноиранской форме, с переходом *d > l*. Однако, хотя заимствование приводившихся В.И. Лыткиным слов из юговостоноиранского, гесп. скифского, и нельзя полностью исключить, их финно-пермское происхождение не менее, если не более вероятно, и с далеко идущими выводами о языковых следах пребывания скифов на Средней Волге спешить не следует. С другой стороны, о скифском присутствии вроде бы свидетельствует сравнение ДНК современного населения этих мест и образцов древней ДНК из скифских могильников Ростовской области. Как отмечают генетики, «(н)аиболее близкие к скифским современные популяции обнаруживаются в низовьях Камы и Вятки» (Балановский и др. 2013: 60).

¹⁸¹ См. об этом Полин 1992.

О распространении скифского языка в Передней Азии свидетельствует пассаж Геродота, повествующий о том, как мидийский царь Киаксар препоручал скифам мидийских мальчиков для обучения языку и владению луком (παῖδας σφι παρῆδωκε τὴν γλῶσσαν τε ἐκματεῖν καὶ τὴν τέχνην τῶν τόξων – Hdt. I 73) (об этом сообщении Геродота мне напомнил А.Ю. Алексеев). Отсюда следует, что скифский язык считался в Мидии престижным. Попытки обнаружить скифские слова в других языках, как иранских, так и неиранских, уже предпринимались: например, П. Лекок (Lecocq 1987) и А.М. Лубоцкий (Lubotsky 1998) отнесли к скифскому словарному фонду иранское *farnah*-/*x^varnah* – обозначение эманации божественного света, несущей власть и процветание. Оба при этом имплицитно исходили из совершенно справедливой посылки, в более поздней работе сформулированной А.М. Лубоцким следующим образом: «Только при обнаружении характерных для скифского фонологических особенностей можно быть уверенным, что действительно имеешь дело со скифским заимствованием» (“Only when we find phonological features which are characteristic of Scythian can we be confident that we are indeed dealing with a Scythian loanword.”) (Lubotsky 2002: 189). С такой постановкой вопроса я полностью согласен, однако не могу сказать того же о критериях, по которым то или иное слово (в данном случае – слово *farnah*-/*x^varnah*–) предлагается считать скифским. Так, А.М. Лубоцкий исходит из презумпции, что фонетика скифского в основном совпадала с фонетикой осетинского¹⁸², и соответствующим образом интерпретирует имеющиеся данные. Традиционно считалось общепризнанным, что хварна – общеиранское понятие, но в отдельных языках начальное *x^v*- перешло в *f*-. В настоящее время представляется (хотя и не все с этим согласны), что авестийская форма *x^varənah* вторична и образована в порядке гиперкоррекции из заимствованного *farnah*, пехлевийская и персидская формы, отражающие начальное *x^v*-, заимствованы из авестийского (тем более что в персидском имеется и форма с начальным *f*-), а все прочие языки отражают только начальное *f*- (см. подробнее Skjægtvø 1983 – мнение о первичности формы с начальным *f*- этот автор не разделяет; Lubotsky 1998 – автор приводит остроумные лингвистические доводы в пользу вторичности авестийского *x^v*-). В связи с этим нельзя не вспомнить наблюдение Э.А. Грантовского (1970: 91, 98, 240–241, 224, 324, 325 = 2007: 103–104, 110–111,

¹⁸² “We only get onto firm ground when we consider the historical development of Ossetic, the modern representative of one of the Scythian dialects” – Lubotsky 2002: 190.

255, 275, 371; 1998: 135) о том, что в клинописных источниках зафиксирована именно форма с начальным *p*-, правильно отражающим иранское *f*- (а не *x*^v-, которое в ассирийских и эламских документах всегда передавалось иначе¹⁸³). Отсюда следует, что понятие (или, по крайней мере, слово для обозначения) фарна не было общеиранским, а распространилось из одного источника. Традиционно эту форму считают мидийской, хотя засвидетельствована она задолго до возвышения Мидии. Доказать, что источником слова (и понятия) «фарн» был мидийский, невозможно, поскольку все случаи предполагаемого развития *x*^v- > *f*- зафиксированы в так называемых «побочных традициях», Nebenüberlieferungen, т.е. в эламских и ассирийских текстах, где, за исключением в соответствующих языках фонемы *f*, она могла передаваться только через *p*. Соответственно практически каждый из немногочисленных примеров гипотетического перехода *x*^v- > *f*- можно, возводя дошедшее до нас в иноязычной передаче слово к иному иранскому прототипу, трактовать и как пример передачи иранского *p* ассирийским или эламским *p*. В связи с этим А.М. Лубоцкий отверг традиционное возведение формы *farna* к общеиранскому **x*^v*arnah*, и, сопоставив иранское слово с древнеиндийским *pārīṇas* ‘полнота, изобилие, процветание’, предположил, что первое распространилось по иранскому миру из какого-то языка, в котором начальное *p* перед гласным регулярно давало *f*. На основании того, что такой переход из всех иранских языков реально засвидетельствован только в сарматском и алано-осетинском, он сделал вывод о том, что такой переход был свойствен и восточноскифским диалектам, а слово *farna* принесли и в восточноиранские области, где создавалась Авеста, и в Мидию в конце IX – начале VIII в. до н. э. скифы (Lubotsky 2002: 191–195). К сожалению, эта заманчивая теория не выдерживает критики с точки зрения фонетики скифского языка. Перехода *p* > *f* перед гласным в скифском не было и гораздо позже – ср. наименование скифских царей *Παραλάται*, записанное Геродотом в V в. до н. э. Более того, его не было и в раннесарматском, о чем говорят такие формы как *Πουρθάκης* – явно из **puθraka* ‘сыннок’ с поздней метатезой *θr* > *rθ*, но еще без перехода *p* > *f*¹⁸⁴. Таким образом, перехода *p* > *f* в интересующую нас эпоху не происходило даже в тех языках, чьей отличительной чертой он стал впоследствии, и возводить

¹⁸³ В начальной позиции через *u*-, *um*-, *hum*-, *hu*-, *ku*- или *m*-. Ср. Mayrhofer 1973, №№ 8.908, 8.940, 8.996, 8.1718 и др.; Hinz 1975: 137–141.

¹⁸⁴ Все зафиксированные переходы *p* > *f* относятся к позднесарматской эпохе.

слово *farnah* к этимону с начальным **p*- неправомерно – по всей видимости, оно все-таки восходит к корню с начальным *x^v*-¹⁸⁵. С другой стороны, И.С. Якубович (Yakubovich 2003: 481) предположил, что *p* перед гласным в интересующем нас слове мог перейти в *f* по аналогии с родственными словами, где в позиции перед *r* такой переход закономерен, и привел в качестве параллели хотанское *phara/pharu* ‘много’ < *paru* якобы под влиянием форм сравнительной и превосходной степеней (ср., например, авестийское *pouru* ‘много’ наряду с *frāyah-* ‘больше’ и *fraēšta-* ‘наибольший’) и согдийское *-βr* в составе слов *c'βr* ‘quantum’ и *w'βr* ‘tantum’ (Yakubovich 2004: 393; Якубович 2013: 50–52). Не берусь судить о согдийском материале, но хотанский пример не вполне корректен, так как в этом языке переход **p* > *ph* происходил и без влияния *r*, будучи обусловлен другими причинами (например, *phuva* ‘гнилой’ от корня *pau-* – Bailey 1979: 262, ср. древнеиндийское *pūti* ‘гнилой; вонючий’), а *fra-*, напротив, давало *ha-*: ср. *haiāma-* ‘первый’ из *fratama* (Emmerick and Skjærvø 1982 – 1987 – 1997, II: 154–155), *haysān-* ‘знать’ из *fra-zān-* (Bailey 1979: 465–466) и т. п., поэтому предполагаемое родство *farna* и *pārīnas* по-прежнему, на мой взгляд (хотя я могу ошибаться и, более того, был бы рад оказаться неправым — уж очень красива этимология Лубоцкого) остается не подкрепленным иранскими данными. Однако в силе утверждение о том, что данное слово распространилось из одного источника, и этим источником, на мой взгляд, следует считать язык, в котором *x^v*- переходил в *f*-, что заставляет вернуться к гипотезе о «мидийском» происхождении лексемы *farnah*. К сожалению, приходится прибегать к *argumentum ex silentio*, поскольку, как отмечалось выше, нельзя доказать, что в мидийском **x^v*- давал *f*-, а единственное дошедшее до нас скифское слово с инициальной, предположительно восходящей к **x^v*- – это как раз *farna*-¹⁸⁶, которое может быть заимствованным. Тем не менее, пусть нельзя строго доказать, что в мидийском, точнее, в каком-то из иранских диалектов на территории современного Ирана, имел место переход *x^v*- > *f*-, нельзя доказать и обратное, зато можно продемонстрировать, что ни для какого другого дошедшего до нас древнеиранского языка подобный переход не был характерен, как

¹⁸⁵ Конечно, можно предположить, что слово *farna*- происходит из какого-то неизвестного иранского языка, в котором очень рано произошел переход *p* > *f*, но принятие такого объяснения требует множества произвольных допущений.

¹⁸⁶ Все прочие примеры якобы скифской передачи **x^v*а-, приводимые Фасмером, Харматтой и Абаевым (якобы **x^v*а- = греч. X-) или Лесоком (Лесоq 1987: 679–680 – якобы **x^v*а- > **f*а- = греч. Φ-), на самом деле являются сарматскими.

не свойствен он и сармато-алано-осетинскому¹⁸⁷. В связи с этим есть основания полагать, что понятие «фарн» вошло в скифский язык во время пребывания его носителей в Передней Азии, что немаловажно в свете споров о генезисе скифской культуры (см. Кулланда 2006: 206–207).

Еще одна предположительно скифская фонетическая особенность, указанная А.М. Лубоцким – переход $*ti > \theta i$. Он постулируется на основании «трех древнеперсидских слов, содержащих последовательность θi там, где этимологически ожидалось бы ti : *duvarθi*- ‘портик, колоннада’, *skauθi-/škauθi*- ‘слабый, бедный’ и $*\theta i gra(ka)$ - ‘чеснок’ (Lubotsky 2002: 195). Элемент θi - в последнем слове, однако, может восходить к общеиранскому $*\dot{s}i$ - (> северозападноиранское $\dot{s}i$ – юговосточноиранское θi), о чем свидетельствуют такие дублиеты как, например, *Tik/grakki* (*Ti-ik/g-ra-ak* — *᠖ki*)¹⁸⁸ и *Šik/graki* (*Ši-ik/g-ra-ki*), обозначающие одну и ту же местность в одной и той же надписи (Summary Inscription 7 Тиглатпаласара III из Кальху)¹⁸⁹. Что касается двух других слов, их скифское происхождение нельзя ни доказать, ни опровергнуть, поскольку нам неизвестны бесспорные случаи скифской передачи общеиранского $*ti$. Осетинскую ассимиляцию $*ti > t'i$, даже если она восходит к сарматскому, нельзя механически экстраполировать на скифский, поскольку последний относится к другой восточноиранской подгруппе (см. выше).

Вместе с тем, независимо от неизбежной спорности такого рода отождествлений, сам поиск скифских лексем в иных языковых традициях представляется весьма перспективным. Выше я уже пытался обосновать гипотезу о том, что дублиетные формы в иноязычной передаче некоторых иранских имен отражают фонетические особенности скифского. Рассмотрим еще один пример предполагаемого скифского заимствования в мидийском. Пример этот весьма интересен и показателен независимо от того, верно ли предположение о скифском происхождении рассматриваемого слова.

Речь пойдет об упоминающемся в древнеперсидских надписях этнониме *Skudra*. Известный из эпиграфики народ *Skudra* обычно отожд-

¹⁸⁷ Единственное осетинское слово, помимо *farṅ*, демонстрирующее переход $*x^v > f$, это *fyn/fun* ‘сон; сновидение’ (< $*x^v afna$ -), но здесь переход объясняется ассимиляцией ($*x^v - -f- > f - -f-$), предшествовавшей регулярному переходу $*afn > *avn > *aun > *yn/un$; ср. *ryn/run* ‘болезнь’ < $*rafna$ -, *tyṅ/tunæ* ‘1. луч; 2. сукно’ < $*tafna$ - – ИЭСОЯ I: 496; II: 444–445; III: 336–337.

¹⁸⁸ Через t ассирийские источники регулярно передают юговосточноиранское θ – см. Грантовский 1970: 90–91 = 2007: 102–103.

¹⁸⁹ Tadmor 1994: 164, 166 and note 37. Подробно см. Грантовский 1970: 241 слл. = 2007: 275 слл.

дествляют с фракийцами, поскольку при перечислении народов, подвластных Ахеменидам, они упоминаются после «заморских скифов» (*Sakā tayaiy para draya*) и перед «греками, носящими [головной убор в виде] щита»¹⁹⁰ (*yaunā takabarā*)¹⁹¹. Такая этническая атрибуция, видимо, в значительной мере справедлива (ср. ниже), но подтверждают ее исключительно географические соображения. И наименование «скудра», и одежда представителей этого этноса, изображенных на древнеперсидских рельефах¹⁹², указывают скорее на иранцев¹⁹³. Да, слово *Skudra* пытались отождествить с такими топонимами, как *Skodra* в Иллирии, *Skydra* в Македонии и т.п.,¹⁹⁴ но толку в этом не больше, чем в сравнении этнонима Русь с гидронимом Рось. Гораздо убедительнее этимология Семереньи (Szemerényi 1980). Основываясь на аккадской (*ašguza*, *asguza*, *iškuzāia*)¹⁹⁵ и греческой (Σκύθαι) передаче самоназвания скифов, он убедительно показал, что θ в греческом и z в аккадском отражают отсутствовавший в этих языках звонкий межзубный фрикативный δ (который в условной иранистической транскрипции принято обозначать греческой дельтой, δ), характерный восточноиранский рефлекс общеиранского *d, и реконструировал раннескифское самоназвание **Skuḍa*¹⁹⁶. Далее Семереньи сопоставил это самоназвание с этнонимом *Skudra* и предположил, что последний представляет собой мидийское производное от корня **skud-*, образованное при помощи суффикса *-ra*,

¹⁹⁰ Имеется в виду широкополая шляпа *πέτασος*. Что речь идет именно о шляпах, а не о щитах как таковых, ясно из аккадского текста надписей, где уточняется, что щиты «у них на головах» (*ina qaqqadīsumi*).

¹⁹¹ Hammond (1980: 58, n. 20) считал, что *yaunā takabarā* – македонцы, поскольку их цари на монетах изображались в подобных шляпах.

¹⁹² Относительно одежды персонажей, прямо обозначенных в подписях к рельефам как *Skudra* (*iyam Skudra*, «это скудра») или идентифицируемых в качестве таковых, см. Walser 1966: 54–55, 60–61, 65–66, 85, 95–97.

¹⁹³ По словам И.М. Дьяконова (1981: 140, note 65), “V.A. Livshits told me he had toyed with the idea that the land *Skudra-* of the Bisutun inscription may stand for European Scythia, and not for Thrace as is usually assumed (or for both)...”

¹⁹⁴ Хэммонд (ibid.), ссылаясь на Гааса (1966: 20; 70 слл.), полагает, что все они восходят к фригийскому слову, подразумевающему места, изобилующие водой (**Skudra*, like *Skodra* in Illyria, *Skidre* in western Macedonia, *Kudrai* in Pelagonia and *Kudrara* on the Phrygian border in Asia, is a Phrygian word alluding probably to watery places”).

¹⁹⁵ Как уже упоминалось выше (примеч. 127), в древнесемитских языках слог не мог начинаться с двух согласных, отсюда протетический гласный в аккадском слове.

¹⁹⁶ Впоследствии в скифском, как в юговостоноиранских языках (бактрийском, пашто, мунджанском, йидга), спирант δ/δ перешел в l. Это объясняет записанную Геродотом форму Σκόλοτο, т.е. **skula-ta*, где *-ta* – показатель множественности, и является одной из изоглосс, объединяющих скифский с юговостоноиранскими, а не с сармато-алано-осетинскими языками, как традиционно считалось (см. об этом Szemerényi 1951; id. 1980; Витчак 1991; Кулланда 2005; Id. 2006; Id. 2011a; Id. 2011b).

и является, таким образом, мидийской передачей самоназвания скифов, стоящей в одном ряду с аккадским *ašguza*, *asguza*, *iškuzāia* и греческим Σκίθοι. Действительно, едва ли мидянам, союзникам скифов, не было известно самоназвание последних, хорошо знакомое даже их противникам-ассирийцам. Единственное, что вызывает возражения в этой этимологии – мысль о том, что слово *Skudra* представляет собой не фонетическую передачу чужого этнонима, а его перерасчленение с вычленением корня и добавлением иного суффикса. Разумеется, ираноязычные персы или мидяне, в отличие от ассирийцев или греков, могли вычленить корень в скифском слове, но для этого рефлекс гипотетического корня **skud-* должен был бы существовать в их собственном языке, а ничего подобного в западноиранских языках нет. Все предполагаемые объяснения первоначальной семантики слова **Skuda* либо вообще не подкрепляются иранским материалом¹⁹⁷, либо опираются на данные исключительно восточноиранских языков¹⁹⁸ (см. подробно выше). Скорее древнеперсидский, точнее, мидийский (ср. ниже), подобно аккадскому и греческому, пытался передать своими фонетическими средствами звучание отсутствовавшей в нем фонемы. Это кажется тем более вероятным, что в мидийском имеется и другой пример передачи восточноиранского δ (δ) сочетанием “зубной + *r*”, а именно «мидийское» *Bāxtrī*¹⁹⁹ при авестийском *Bāxδī*. Нерегулярное соответствие *-xtr-* – *-xδ-* до сих пор не нашло убедительного объяснения. Считается, что первоначальной восточноиранской формой было **Bāxδrī-*, а в дальнейшем произошло выпадение *-r-* (Humbach 1966: 52; Grenet 1989 apud Humbach). Мы, однако, не знаем других случаев подобного развития в восточноиранских языках. Не логичнее ли, сравнивая два отражения восточноиранских имен собственных в мидийском, предположить, что мидяне, подобно ассирийцам и грекам, пытались средствами своего языка воспроизвести отсутствовавшую в нем фонему δ , передавая ее в интервокальной позиции через сочетание звон-

¹⁹⁷ Как впервые сформулированная, видимо, Лейбницем гипотеза, согласно которой это слово восходит к индоевропейскому корню со значением ‘стрелять’.

¹⁹⁸ Как гипотезы Корнильо (Cornillot 1981), сопоставившего слово **Skuda* с ваханским *skid* «тюбетейка», и Трубачева (1999: 137, впервые опубликовано в 1980 году), сравнившего самоназвание скифов с осетинским причастием *skʷd/skʷud* ‘рваный; лопнувший; треснутый’.

¹⁹⁹ Собственно древнеперсидская форма, где *tr > ç*, сохранилась в эламской передаче *ba-ak-ši-iš* – см. эламскую версию Бехистунской надписи (DB I, § 6, 13; II, § 38, 80–81 по изданию Weissbach 1911/§ 31, 80–81 по изданию Grilhot-Susini, Herrenschmidt, Malbran-Labat 1993; §39, 85 по изданию Weissbach 1911/§32, 85 по изданию Grilhot-Susini, Herrenschmidt, Malbran-Labat 1993) и т.н. таблички крепостной стены (PF 1555, 8–9 – Hallock 1969: 434).

кого зубного с сонантом (-*dr-*), а в положении после глухого согласного *x* – через сочетание глухого зубного с сонантом (-*tr-*)? О том, что мидийская форма – не исконная, а искусственная, свидетельствует и отсутствие в ней ожидаемого перехода *tr* > *θr*²⁰⁰.

Разумеется, возникает вопрос: почему наименование скифов могло быть перенесено на фракийцев? Дело в том, что, как свидетельствуют античные источники, между скифами и фракийцами существовали тесные связи. В частности, среди названий фракийских племен встречаются и явно иранские, причем демонстрирующие специфически скифское фонетическое развитие. Так, Гекатей (St. Byz., fr. 128 FHG = fr. 157 FGh) и Геродот (VII, 110–113) упоминают фракийское племя Σάτραι, чье имя явно отражает иранское *xšāθra* со скифским переходом *xš-* > *s-* в начале слова (ср. Tomaschek 1893: 68). В стихотворении Архилоха упоминается этноним сайи (ср. выше). Вряд ли все совпадения скифских и фракийских этнонимов можно считать простой случайностью²⁰¹. Подробнее о внешних связях скифского языка см. Kullanda 2014b.

Мы, конечно, не знаем, при каких обстоятельствах фракийцы восприняли скифские этнонимы, однако можно предполагать, что все происходило примерно так же, как при заимствовании в качестве самоназвания восточными славянами скандинавского слова «Русь» или болгарами их тюркского имени. Видимо, относительно небольшая группа скифов, сформировавших тем или иным способом (относительно мирным, как в случае с восточными славянами и русью, или в результате завоевания, как в случае с болгарами) элиту фракийского общества, передала свои самоназвания фракийцам и растворилась среди них, как скандинавы и тюрки среди славян.

Итак, и лингвистические, и экстралингвистические соображения указывают на то, что употреблявшийся в «мидийском» и древнеперсидском по отношению к фракийцам этноним *Skudra* произошел от само-

²⁰⁰ Отсутствие перехода *tr* > *θr* в названии Бактрии пытались объяснить влиянием предшествующего спиранта *x*, ссылаясь на якобы аналогичное развитие в авестийском (Kent 1953: 31). В авестийском, однако, подобного не наблюдается: там сочетание *-tr-* после *x* дает *-θr-*, ср. *vaxθra-* ‘речь’ < **ʰakra-* (Beekes 1988: 16; Martínez & De Vaan 2001: 34). Недавно Ф. де Блуа предложил иное объяснение различных форм данного топонима: якобы в раннебактрийском в постконсонантной позиции иранский кластер *θr* давал *δ*, впоследствии закономерно переходивший в *l* (Blois 2013). Однако оба приводимых им примера такого перехода (цорло ‘смерть’ < **murθra-* < **mʰθra-* и орлаγνο ‘Веретрагна’ < **wurθragna* < **ʷrθragna-*) демонстрируют его только после *r* и вполне могут быть объяснены как результат регулярного развития *θr* > *hr* с выпадением *h* (как в названии месяца цороγανο < **mīθra-kāna-*) и диссимиляцией плавных.

²⁰¹ О фрако-скифских связях на археологическом материале см. также Мелюкова 1979, а на лингвистическом Абаев 1995: 530–545.

названия скифов **Skiḍa*. Отсюда следует очевидный вывод, что в переднеазиатских походах принимали участие северопричерноморские, а не центральноазиатские скифы. А поскольку предполагаемая мидийская передача имевшейся в слове **Skiḍa* специфической восточноиранской фонемы δ/δ через зубной + *r* находит аналогию в мидийской передаче восточноиранского топонима *Bāxḍī-*, с той лишь разницей, что в последнем случае после глухого фрикативного оглушается зубной согласный – *Bāxtrī-*, можно предполагать, что в заимствованных из восточноиранских языков мидийских словах восточноиранский δ/δ регулярно (если, конечно, при столь малом количестве примеров можно говорить о регулярности) передавался сочетанием зубной + *r*.

Слабость предлагаемой гипотезы в том, что она подтверждается минимальным количеством примеров, но вряд ли мидийский заимствовал из восточноиранских уж очень много слов, содержавших δ/δ , так что обилия соответствий восточноиранского δ/δ мидийскому *dr/Ctr* ожидать не приходится. Но вспомним, что общепринятая альтернативная гипотеза – о падении *r* в восточноиранском – не подтверждается ни одним примером аналогичного развития. Гипотеза же о вставном -*r*- как о попытке передать имеющийся в заимствованном слове специфический согласный, чуждый воспринимающему языку, не противоречит, как мы видели, ни историческим данным, ни материалам компаративистики и лингвистической типологии²⁰².

Как отмечалось выше, есть некоторые основания выделять скифские заимствования в иранских языках Передней Азии (в частности, к таким заимствованиям, по нашему мнению, относится известный титул «сатрап»), что подтверждает данные нарративных источников, согласно которым скифы не просто совершали на Ближний Восток грабительские походы, но и достаточно тесно взаимодействовали с местными народами и государствами. Это немаловажно в том числе и в связи с дискуссионным вопросом о переднеазиатском влиянии на сложение скифского звериного стиля.

Еще в позапрошлом веке было замечено, что в Авесте есть слова, которые, будучи иранскими, демонстрируют фонетическое развитие, отличное от собственно авестийского (подобно мидизмам в древнеперсидском или старославянизмам в русском) (Jackson 1892: 29; GiPh I: 166).

Так, Керсаспа именуется то *gaēsu-* (Y. 9, 10), то *gaēθu-* (Yt. 13, 61; 136) ‘курчавый’, наряду с *sūra-* ‘сильный, могучий’ (ср. др.-инд. *śūra-*)

²⁰² Появление на письме дополнительного неэтимологического -*r*- при передаче оттенков произношения определенной фонемы – явление не столь уж редкое; ср., например, соответствие санскритского *doṣa-* ‘грех’ мальгашскому *trosa* ‘долг’.

встречается *aiβi-θūra-* ‘могущественный’ (Yt. 10, 6; 78; 13, 40; 75; Y 1, 18; 4, 6; 65, 12). В Видевдате (15, 8) для одного и того же слова со значением ‘чей срок еще не пришел’, причастия от корня *sak-* ‘проходить (о времени)’, часть рукописей дает регулярную авестийскую форму *ana-saxta-*, а часть – *anathaxta-*. В Ясне (32. 15) встречается корень *nas-* с приставкой *vī*, который Бартоломе переводил как ‘быть обреченным на гибель’, а более поздние исследователи (Инслер, Гумбах, Келленс и Пирап) как *lost, dépourvues de pouvoir* и т. п. Точное соответствие мы видим в древнеиндийском *vi-naś-* ‘погибать, исчезать’. У него в Младшей Авесте имеется дублет *vi-naθ-*, который в каузативе (Бартоломе считал, что это итератив, но форму с «усиленным вокализмом», по Т.Я. Елизаренковой, т.е. с долгим гласным и суффиксом *-aya-* с не меньшим основанием можно считать каузативом) означает нечто вроде ‘сдирать шкуру; снимать скальп’²⁰³. Можно было бы привести и другие примеры, но, думаю, достаточно и уже упомянутых. Интересующие нас рефлексы восходят к индоиранскому *ś (< индоевропейского *k).

Из засвидетельствованных древнеиранских языков развитие *ś > θ характерно для древнеперсидского и скифского (ср. выше). Ниже будут приведены доводы в пользу скифского, а не древнеперсидского происхождения рассмотренных лексем²⁰⁴.

В авест. *sātar-* (Y. 9, 18; Yt 13, 135) ‘властитель’, прежде всего применительно к правителям, враждебным маздаяснийской вере,

²⁰³ Ср., например, ...*paštō.fraβaŋhəm hē kamərəḍəm vīnāθaiien* (Vd. 3, 20): «...пусть оскальпируют ему башку, насколько простирается кожа».

²⁰⁴ Я намеренно не привлекаю к рассмотрению сомнительные случаи, где образование схожих дублетов объясняется, видимо, иными причинами, вроде зафиксированных в Гатах лексем *duuaēšah-* ‘враждебность’ (Y. 28, 6; 44, 11) и *duuaēθa-* ‘враждебный’ (Y. 32, 16; 48, 9). Вроде бы здесь мы наблюдаем то же звуковое соответствие, что и в приведенных выше примерах: авест. *s* – заимствованное *θ*, но в данном случае авест. *s*, перешедший по т.н. правилу *RUKI* (т.е. в позиции после *r, k, u, i*) в *š*, восходит к индоиранскому *s. Вряд ли *š* < *s переходил в *θ* так же, как *ś < *k, скорее *θ* в слове *duuaēθa-* восходит к индоиранскому *th. Правда, прилагательные при помощи суффикса *-tha обычно не образуются, но значение прилагательного для *duuaēθa-* реконструируется лишь гипотетически. Не связаны, видимо, с различной рефлексацией праиранских фонем и некоторые авестийские лексемы, на первый взгляд демонстрирующие переход общиранского *žh* в *d/δ* вместо регулярного *z*: встречающиеся в Гатах *uruuāzā-* (ж.р.) ‘радость’ (?) и *uruuādah-* (ср. род) ‘id’ (?) или известное из Младшей Авесты *gərəḍa-* ‘логово’ (о жилище дайвов) – ср. древнеиндийское *grhā-* ‘дом’. В последнем случае сравнительные данные (готское *gards* ‘дом’, литовское *garīdas* ‘загон’, старославянское *gradь*) показывают, что в древнеиндийском имело место нерегулярное развитие из *grhā- (EWAia I: 495) в предударной позиции. Ситуация с соотношением *uruuāzā-* и *uruuādah-* сложнее, тем более что относительно их формы и значения единого мнения нет. Келленс и Пирап предпочитают возводить эти слова к разным корням, сравнивая второе с древнеиндийским *ūrdhvā* ‘направленный вверх; выпрямленный’ и переводя соответственно как ‘station debout’, ‘положение стоя’. Правда, в тексте (Y. 43, 2) речь идет о том, что данное состояние способствует долголетию, так что традиционный перевод ‘радость’ вроде бы больше соответствует контексту. Относительно *uruuāzā-* Бартоломе [Bartholomae 1904: Sp. 1544]

можно предполагать переход *xš- > s в анлауте, если возводить эту лексему к *xšaHtar- – имени деятеля, образованному при помощи суффикса tar- от корня xšaH-. Альтернативное объяснение предполагает выпадение s в кластере -st-, связывая, таким образом, sātar- с хорошо документированным sāstar- ‘властитель’ (ср. др.-инд. *sāstár-* ‘id’), но надо иметь в виду, что параллельных примеров такого упрощения кластера в древнеиранских языках не засвидетельствовано.

Переход общеиранского *xš- в анлауте, т.е. в начале слова, в шипящий или свистящий (точно сказать невозможно, поскольку этот переход достоверно фиксируется в греческой передаче через единственный греческий сибилант, сигму) – характерная особенность скифского языка.

Любопытны и авестийские примеры нерегулярной для известных древнеиранских языков рефлексации праиранского *s в кластере *sr- в анлауте: авест. *θraotah-* ‘поток’, ср. др.-инд. *srótas-* ‘id’, авестийская лексема сохранилась в составе сложных слов *θraotō.stak-* и *θraotō.stāt-* ‘проточный’, чаще в женском роде и во множественном числе, поскольку речь идет о водах, *āp*²⁰⁵. Возможно, в языке, из которого были заимствованы эти слова, sr- в начале слова регулярно давал θr-. Это не было характерно для древнеперсидского, где рефлекс того же этимона, что дал авестийское *θraotah-*, демонстрирует развитие *sr- > *hr- > r- – *rautah-*. Развитие sr- > θr- демонстрирует и авест. *θraxti-*, засвидетельствованное наряду со *sraxti-* ‘угол, сторона’, ср. др.-инд. *srakti-*, но здесь, видимо, мы имеем дело еще и с гиперкоррекцией: поскольку иранский sr не может соответствовать древнеиндийскому sr, форма *sraxti-* была, видимо, образована от *θraxti-* по аналогии с дублетами *sūra-/θūra-* и т. п.

Когда-то Стиг Викандер отметил, что существование описанных выше дублетов Бартоломе справедливо объяснял смешением диалектов (Dialektmischung), но обратил внимание, что это смешение особого рода, когда одно и то же слово в разном фонетическом оформлении встречается, в том числе и в одном и том же тексте, в одном и том же значении (в отличие от уже упоминавшихся мидизмов и старославянизмов – ми-

считал, что *uruiāz-* – это “s-’Erweiterung’ aus *urvād-*”. С. Инслер [Inslер, 1975: 163] трактует эту форму как локатив от *uruiāzī-* ‘радость’. Келленс и Пирап [Kellens et Pirart, 1990: 313] считают ее глагольной и переводят как *je régate*, «я потчую». Одним словом, лучше воздержаться от каких-либо далеко идущих выводов на столь ненадежном материале.

²⁰⁵ *yeyhā paiti θraotō.stācō āpō tacinti nāvaiiā* («по которой [земле] бегут проточные судоходные воды» – Yt 13, 10); [*yazamaide...*] *vispā āpō xā paiti θraotō.stātasca* («[почитаем жертвой] все воды, что в источниках и потоках» – Y 71, 9).

дийско-персидские дублеты не встречаются в одном и том же тексте, а за старославянизмами и исконными словами, сосуществующими в русском языке, как правило, закреплены разные значения – небо и нёбо, прах и порох и т.п., хотя есть и исключения вроде нрав и норв, враг и ворог). В связи с этим Викандер предположил, что мы имеем дело с устоявшимися культовыми формулами, заимствованными целиком из некоего диалекта. Он связывал слова, в которых общеиранский *ś дает θ, с туранцами, т.е. со степными кочевниками (Wikander 1938: 37), не приводя, правда, в пользу такой идентификации лингвистических аргументов, что попытался сделать я. Поясню, почему я считаю эти заимствования скорее скифскими, чем древнеперсидскими. Во-первых, в Авесте не зафиксировано иных характерных для древнеперсидского фонетических черт, кроме перехода *ś в θ, а наличие иных особенностей, невозможных в древнеперсидском, но либо характерных, либо не исключенных для скифского, предполагать можно (ср. выше). Во-вторых, некоторые из обозначаемых интересующими нас словами реалий действительно скорее связаны со степными культурами, а не с Персией (например, о скифском обычае снятия скальпов писал Геродот – IV 64). В связи с этим можно вспомнить и название Парфии – *Parθava-* (на это обстоятельство обратила мое внимание С.П. Виноградова). Его, конечно, можно возводить к индоиранскому **Parthu-* и сравнивать с соответствующими индийскими этнонимами. Но, принимая во внимание, что в иранской этнонимии распространены названия, восходящие к индоиранскому **Parśa-/u-*: таковы, в частности, самоназвания персов (хотя и не в исконно персидской, которая должна была бы иметь вид **Parθa-*, а в мидийской форме) и пуштунов, можно предположить, что имя парфян восходит к иранскому языку, где *ś давало θ, т.е., учитывая расположение Парфии на границе с кочевым миром, не исключено, что к скифскому, гесп. сакскому (Кулланда 2012а).

Лингвистические данные подтверждают, уточняют, а иногда и меняют наши представления о раннескифской истории, выработанные в результате анализа письменных источников и археологических материалов. Так, приведенные примеры свидетельствуют, что скифы не только совершали грабительские рейды по территории Передней Азии, но и пробыли там довольно долгое время, и это нашло отражение как в их языке, так и в языках местных ираноязычных народов, прежде всего мидян. Это в свою очередь подтверждает возможность влияния переднеазиатского искусства на создание скифского звериного стиля.

Кроме того, коль скоро мы знаем, что иранцы, называвшие себя скифами, не позднее первой четверти VII в. до н. э. активно действовали в Передней Азии, поскольку в клинописных документах встречается аккадская передача их самоназвания, закономерно соответствующая греческой передаче и более поздней форме того же самоназвания, записанной Геродотом, по крайней мере с середины VII в. до н. э. памятники, в которых есть предметы ближневосточного производства или демонстрирующие ближневосточное влияние, с высокой долей вероятности можно связывать с ранними носителями интересующего нас этнонима. Конечно, часть этих памятников могла принадлежать и другим этническим группам, участвовавшим в переднеазиатских походах (киммерийцам?), но все же наиболее вероятно, что они оставлены именно скифами, носителями искусства т.н. «скифского пласта Зивие», «эволюционировавшего затем в собственно скифское искусство» (Погребова, Раевский 1992: 156).

В контексте этнической истории скифов представляет интерес ареал скифских антропоморфных изваяний. При том, что памятники скифской архаики встречаются прежде всего на территории Предкавказья и восточноевропейской лесостепи, антропоморфная скульптура в основном распространена в Предкавказье и степи; в лесостепи каменные изваяния есть, но их гораздо меньше (около десяти экземпляров по сравнению с более чем полутора сотнями в степных районах) (Бессонова 2009: 17). Конечно, это может быть связано в том числе и с природными условиями (малое количество камня в лесостепи, хотя изваяний там мало и в местах естественных выходов каменных пород), да и «в пределах степных территорий Причерноморья, безоговорочно относимых к собственно скифским, устойчиво сохраняются “белые пятна”, где нет каменных изваяний. К таким территориям, в частности, относятся Керченский полуостров, предгорья и район внешней гряды Крымских гор...» (Там же). Как пишет далее С.С. Бессонова, «[е]сли применить изваяния как скифский этнокультурный критерий к памятникам лесостепи, то весь массив эталонных для раннескифской культуры воинских погребений, в том числе Посулья и бассейна Тясмина, – территорий, куда предполагался отток части скифов с Кавказа... окажется не только не скифским (в “узком” понимании), но и не имевшим отношения кномадам и степнякам (в расширительном смысле термина “скифы”). На Северном Кавказе ареал изваяний также не совпадает с ареалом наиболее выразительных раннескифских курганных погребе-

ний. Вне его оказываются курганные могильники центральной зоны Закубанья – Келермесские, Ульские и др. (А.Ю. Алексеев предполагает, впрочем, что в Келермесе и в одном из Ульских курганов могли находиться каменные изваяния: см. Алексеев 2009 а; Idem 2009 b. – С.К.). Таким образом, этому критерию (изваяниям) не соответствуют территории с “наиболее скифскими” памятниками VII–VI вв. до н. э., причем не только в Приднепровской лесостепи, которая является основным ареалом раннескифской культуры в Северном Причерноморье, но и на Северном Кавказе, где произошло окончательное формирование облика изваяний. Из этого следуют допущения, касающиеся “этнического содержания” изваяний, которые могут быть приняты как рабочая гипотеза. 1. Традиция скифской каменной монументальной скульптуры... была изначально свойственна конкретному кочевому этносу... и связана с определенной идеологией. 2. Распространение традиции происходило в рамках возглавляемого этим этносом военно-политического объединения. 3. Возможны этносы скифской культуры, в том числе степные кочевники, не знавшие этой традиции, поэтому ареал изваяний был меньше территории, традиционно отводимой скифским кочевым этносам, даже в пределах степной зоны Причерноморья» (Там же: 17–18). О гетерогенности этноса, оставившего раннескифские погребения Северного Кавказа, пишет, основываясь на неоднородности погребений, и автор раскопок Краснознаменского могильника В.Г. Петренко. По ее мнению, могильник представлял собой «группирующееся вокруг царских усыпальниц дружинное кладбище, на котором были захоронены представители не менее чем двух орд кочевников, входивших в объединение, возглавляемое вождем или царем, погребенным в кургане 1. К одной из них, условно названной “новозаведенской”, принадлежали люди, захороненные в ямах со склепами внутри, дополненных надмогильной конструкцией, включающей вал вокруг могилы и перекрытия из жердей и тростника, образующие на уровне горизонта шатрообразные сооружения...». Погребальные сооружения этой группы В.Г. Петренко считает восходящими к погребальным памятникам эпохи поздней бронзы в степях Северного Причерноморья (Петренко 2006: 117). Вторая же «орда кочевников, включавшая правящую династию..., имела погребальные сооружения в виде наземных каменных гробниц», конструктивные особенности которых (а также использованные при их возведении строительные приемы и некоторые черты погребального обряда), согласно В.Г. Петренко, обнаруживают определенное сходство

с дандыбай-бегазинскими погребениями Центрального Казахстана IX–VIII вв. до н. э., сакскими мавзолеями Северного Тагискена VIII–VII вв. до н. э. и некоторыми погребальными сооружениями Уйгарака, хотя нельзя исключать и влияние переднеазиатских строительных приемов и форм (Там же). Таким образом, резюмирует исследователь, «в культуре населения Центрального Предкавказья и прилегающего к нему степного Прикумья, наиболее полно характеризующейся элитарными могильниками раннескифской культуры, прослеживается два компонента. Один местный, связанный с культурами предскифского периода, уходящий корнями в эпоху поздней бронзы, и второй, аналогии которому ведут на восток» (Там же: 118). Именно для памятников второго типа характерно наличие каменных изваяний, тогда как на памятниках первого типа (могильник Новозаведенное II и т.п.) «обычай установления изваяний, видимо, не получил развития» (Бессонова 2009: 26). Этим, однако, гетерогенность раннескифской культуры не ограничивается. Скифские изваяния не встречаются за Лабой, где находятся главные раннескифские памятники Прикубанья – Келермесские и Ульские курганы (Каменецкий 2001: 68; Бессонова 2009: 30 и примеч. 42, 74). Именно в междуречье Лабы и Урупа проходит граница между западно-кубанской и меотской археологическими культурами. «Ареал основных протомеотских памятников фактически соответствует ареалу больших кубанских курганов скифского времени... и совпадает с ареалом находок предметов вооружения и узды “киммерийских” типов в Закубанье... То есть, междуречье Фарса – Белой с прилегавшим участком поймы Кубани обладало особым притяжением как для меотов так и для ранних кочевников – вначале киммерийцев, а затем скифов. Пограничная зона двух историко-культурных ареалов... одновременно является и границей двух природно-ландшафтных зон. По междуречью Лабы – Урупа проходит примерная граница лугостепных и степных ландшафтов. Последние расположены к востоку от Урупа (это часть западнокубанского ареала по В.И. Козенковой), а лугостепные в сочетании с лесными – к западу (меотский ареал)... Естественно предположить, что здесь же, по крайней мере, на раннем этапе, проходил и раздел сфер влияния скифских группировок, “сотрудничавших” с населением своих “этнических ниш” – кубанцами и меотами» (Бессонова 2009: 30).

Заманчиво было бы подкрепить тезис о существовании двух скифских объединений, образовывавших симбиоз соответственно с кубанцами и меотами (условно отождествляемыми большинством изучающих их ар-

хеологов соответственно с носителями восточно- и западнокавказских языков, хотя ниже будут приведены аргументы в пользу арийской языковой принадлежности меотов), лингвистическим материалом, но, к сожалению, у нас нет никаких данных о языке носителей кобанской археологической культуры. С меотским языковым материалом дело обстоит несколько лучше. Прежде всего, до нас дошел их этноним *Μαῖται*²⁰⁶/*Μαιῶται*²⁰⁷/*Μαιῆται*²⁰⁸ – неясно, правда, был ли он самоназванием или экзоэтнонимом (хотя вероятнее первое, ср. ниже), да и фонетическая его структура такова, что при желании его можно пытаться толковать из самых разных языков (что и происходит на практике). Скажем, О.Н. Трубачев возводил его к индоевропейскому **māiā* ‘мать’, постулировавшемуся им на основании греческого *μαῖα* ‘матушка; мамка-кормилица; повитуха’ и считал производным «типа **maj-at-*, **maj-it-* с приблизительным значением ‘материнский’, полагая, что в этнониме отразился местный культ богини-матери (Трубачев 1999 [1976]: 26–28), а меоты были индоариями. Приводимые им индоарийские параллели (второй элемент новоиндийского *Maha-Mai* ‘Великая Мать’ и *Māyā*, имя матери Будды) на самом деле таковыми не являются, представляя собой соответственно новоиндийскую и праkritскую формы древнеиндийского *mātār-* «мать». Упоминаемое как еще одна параллель древнеиндийское *māyā-* ‘волшебная сила’ (Трубачев 1999: 253) тем более не имеет отношения к словам со значением ‘мать’, хотя на народно-этимологическом уровне его и связывают с именем матери Будды. Скорее уж этноним «меоты» сопоставим с авестийским *maēt-/mit-/θ-* ‘пребывать, проживать’ (анализ этого корня Э. Пираром см. в Kellens 1995: 84–85, n. 6; ср. также Pokorny 1959: 715). При такой этимологии он означал бы что-то вроде ‘(коренные) жители’. С другой стороны, само отождествление О.Н. Трубачевым имен меотов и переднеазиатских ариев, основавших государство Митанни, было, видимо, правильным (ср. Немировский 2012). Такое отождествление позволяет относить к меотскому (или близкородственному меотскому) языку встречающееся в хеттоязычном трактате митаннийца Киккули о тренинге колесничных коней слово *ua-ša-an-na* ‘беговой круг’ (от индоевропейского корня, к которому, в частности, восходит русское ‘везти’). Оно фонетически не может быть

²⁰⁶ Вариант, представленный в эпиграфике: см. КБН 10, 25, 40, 180, 971, 972, 1015, 1039. В этот список не включены надписи 8, 9, 11, 39, 1040, где интересующий нас этноним надежно восстанавливается по стандартной титулатуре (за исключением надписи 9, где формула не вполне обычна).

²⁰⁷ Вариант, наиболее распространенный в древнегреческой литературе.

²⁰⁸ Ионийский вариант, встречающийся у Геродота (IV 123).

индоарийским (там начальный согласный второго слога звучал бы как *h*), зато вполне может передавать индоиранский **ʒh*. Таким образом мы получаем лингвистический аргумент в пользу того, что меотский язык представлял собой самостоятельную (не иранскую и не индоарийскую) ветвь общеарийского или индоиранского (в противовес широко распространенному причислению меотов к носителям западнокавказских языков).

Это не обязательно означает, что все меоты были ариями — последние могли, как в Митанни, составлять только господствующий слой и правящую династию. Любопытно, однако, что исследования митохондриальной ДНК костных останков из меотских могильников демонстрируют наибольшую генетическую близость отнюдь не к западнокавказцам, а к армянам²⁰⁹, что также скорее свидетельствует в пользу арийского происхождения всех меотов (вспомним об армяно-греко-арийской общности — о современном состоянии проблемы см. Martirosyan 2013). Понятно, что генетика и языковая принадлежность не идут рука об руку, но вспомним, что к абхазо-адыгам меотов относят по сугубо географическому признаку без каких-либо лингвистических оснований. С другой стороны, есть данные о том, что скифы контактировали и с восточно-, и с западнокавказцами. Относительно первых доказательством их связей со скифами может служить фонетический облик иранского заимствования в восточнокавказских языках, для которого реконструируется праформа **uēlθi* ‘войлок; бурка’ (арчинское *warti* ‘бурка’, табасаранское *verč* ‘войлок’, лезгинское *lit* ‘войлок’, даргинское акушинское *warhi*, даргинское чирагское *warse* ‘бурка’, лакское *warsi* ‘бурка’, аварское *burtina* ‘бурка; войлок’, чеченское *werta* ‘бурка’ и др.) (Климов 1972: 54; Старостин 1988: 113 = 2007: 314) — ср. авестийское *varəsa-* ‘волос’, родственное приведенному русскому слову (а также древнеиндийскому *vālsā-*) и имеющее тем самым индоевропейскую этимологию. Как отметил С.А. Старостин, фонема **θ* реконструируется только для восточнокавказского в очень малом количестве по-видимому неисконных корней (Старостин 1988: 154, примеч. 3 = 2007: 314, примеч. 2). Для нас она представляет интерес тем, что из документированных древнеиранских языков регулярна только для древнеперсидского и скифского, в которых представляет собой рефлекс общеиранского **ʒ*, давшего в большинстве иранских *s*. Таким образом, восточнокавказцы могли заимствовать слово, содержащее этот рефлекс **ʒ*, либо из древнеперсидского, либо из скифского. Но язык предков

²⁰⁹ См. Рычков и др. 2013.

древних персов при их появлении в Передней Азии еще сохранял *ś*, иначе они не восприняли бы название Ассирии (*Aššur*) в виде **Asura*, что впоследствии дало древнеперсидское *Aθura*: непосредственная передача аккадского *-šš-* через *-θ-* при несомненном наличии в прадревнеперсидском явно более близких к аккадской фонеме (как бы она реально ни произносилась, как свистящий или шипящий) звуков *s* и *š* маловероятна. Конечно, не исключено, что персы восприняли название Ассирии через мидян в закономерной мидийской форме **Asura* и, зная, что мидийскому *s* в их языке часто соответствует *θ*, автоматически заменили *s* на *θ*²¹⁰, но, учитывая, что в ряде позиций мидийскому *s* соответствует *s* в древнеперсидском, в данном случае такой автоматический «пересчет» едва ли мог произойти. Следовательно, когда (и если²¹¹) носители прадревнеперсидского контактировали с восточнокавказцами, они еще не могли передать им слово, содержащее фонему *θ*, появившуюся в их языке позднее. Тем самым единственным реально засвидетельствованным кандидатом на роль языка-донора в случае с восточнокавказским **uēlθi* остается скифский²¹².

О связях скифов с западнокавказцами свидетельствует разбивавшееся выше скифское **sana* ‘вино’ < праадыгейско-кабардинского **saná* ‘смородина; вино’. Правда, это слово наличествует и в осетинском (иронское *sæn*, дигорское *sænæ* ‘вино’ – см. ИЭСОЯ III: 66–68, где скифское слово ошибочно считается источником северокавказских), не являющемся потомком скифского, поэтому могло быть заимствовано и в доскифский, общевосточноиранский период, но поскольку в других иранских языках оно не засвидетельствовано, велика вероятность того, что мы имеем дело со скифским заимствованием в аланском, гегр. осетинском, тем более, что в осетинском известны слова с нерегулярными для осетинского, но регулярными для скифского рефлексамии общиранских фонем (точнее, одной фонемы **ś*, ср. выше).

Таким образом, лингвистические данные при всей их скудости подтверждают сделанный на археологическом материале вывод о взаимодействии скифов с по меньшей мере двумя (а по лингвистическим

²¹⁰ О возможности таких замен см. выше, примеч. 135.

²¹¹ Мы не можем утверждать с уверенностью, что предки персов пришли в места своего последующего обитания именно через Кавказ, хотя мне это представляется более вероятным, чем их приход с востока, из Средней Азии.

²¹² Как всегда в подобных случаях, приходится оговорить, что рассматриваемое слово могло происходить и из какого-то не дошедшего до нас древнеиранского языка, в котором, как в древнеперсидском и скифском, общиранский **ś* давал *θ*, но я предпочитаю исходить из имеющихся в нашем распоряжении языковых фактов.

данным – тремя: восточно- и западнокавказскими и синдо-меотской²¹³) различными культурами Северного Кавказа и Предкавказья.

Если соответствует истине гипотеза о том, что второй элемент имени греческого Аполлона – Γοιτόσυρος (вар. Οἰτόσυρος, предлагается также конъектура Γοιτόσυρος, см. подробно в Глоссарии) отражает общеиранское **sūra-* ‘сильный, могучий’ (ср. древнеиндийское *sūra-*, авест. *sūra-* ‘id’), а это вполне правдоподобно, то можно утверждать, что скифы включили в свой пантеон божество (или божеств – ср. также s.v. *ἈρΓιτήσα, Θαιμασάδας) носителей другого арийского (не обязательно иранского) языка (в собственно скифском **s* дал *θ*), а в свой ономастикон – их имена (ср. s.v. Σαριακος). Логично предположить, что и сами носители этого языка (или языков) образовали один из компонентов скифского этноса. Не исключено, что этот язык принесли в Северное Причерноморье носители отличной от раннескифской археологической культуры и антропологических особенностей, повлиявшие на формирование классической скифской культуры и, судя по антропологическим данным, вошедшие в состав классических скифов. С другой стороны, в скифском этногенезе явно приняли участие носители автохтонной культуры, чей симбиоз с раннескифской можно видеть, например, в сочетании двух погребальных обрядов в кургане Перепятихе. Они также могли быть ариями или иранцами-нескифами.

Еще один заслуживающий внимания аргумент в пользу наличия в Северном Причерноморье носителей неиранской арийской речи – этимология этнонима «синды», известного в том числе и по эпиграфике, т.е. вполне аутентичного. Если возводить его к арийскому **sindhu-* ‘река’, а первоначально, видимо, «естественная граница», будь то река или море (EWAia II: 729–730, с литературой), становится понятным, что скифы и впрямь могли называть синдов индами, поскольку в их иранском языке арийскому слову должно было соответствовать **hindu*²¹⁴.

Вышеизложенное дает основания несколько модифицировать старую гипотезу о предполагаемом индоарийском населении Восточной Европы²¹⁵. Она, как справедливо отметили Э.А. Грантовский и Д.С. Раевский, имеет

²¹³ Учитывая сообщение Страбона (XI 2. 11), что синды – часть меотов, и языковые данные, свидетельствующие, что и те, и другие говорили на неиранском арийском (ср. также ниже).

²¹⁴ Что мы видим в иранском названии Индии, первоначально индийской сатрапии империи Ахеменидов (совр. Синд), воспринятом европейскими языками, причем название это считается иранизацией индийского топонима, так что теоретически скифы, столкнувшись с синдами, также могли иранизировать самоназвание последних.

²¹⁵ Гипотезу об индоарийском населении на Тамани и в Прикубанье в первой половине прошлого века разрабатывал П. Кречмер. С 70-х годов О.Н. Трубачев писал уже об индоарийском языковом субстрате практически на всей территории Северного Причерноморья.

«два аспекта: 1) принципиальная возможность их пребывания здесь и 2) его реальные доказательства для скифской эпохи. Первое теоретически допустимо и согласуется с выводом о длительном обитании индоиранцев и их разделении на две ветви в Юго-Восточной Европе²¹⁶», а вот поиски реликтов индоарийского языка на этой территории пока не дают желаемых результатов» (Грантовский, Раевский 1984: 48). Действительно, практически все примеры якобы индоарийских лексем (Трубачев 1999; Яйленко 2011) либо вообще не подкрепляются сколько-нибудь надежным материалом, либо опираются на сходство со словами позднего санскрита, не зафиксированными в ведийском и явно представляющими собой заимствования из неарийских языков Индии, либо могут по фонетическому облику с равным основанием считаться и индоарийскими, и иранскими, и иными арийскими (Грантовский, Раевский 1984). Представляется, что приведенный выше материал, при всей его скудости, свидетельствует принадлежности нескифского населения Северо-Западного Кавказа (меотов/синдов) не к индоарийской, а к другой самостоятельной ветви арийских языков.

Лингвистический материал, насколько можно судить, подтверждает выводы археологов о контактах скифов с фракийцами: напомним о явно иранских наименованиях некоторых фракийских племен (сайи, сатры, см. выше) и о древнеперсидском (изначально, видимо, мидийском) обозначении фракийцев «скудра», видимо, восходящему к самоназванию скифов (Szemerényi 1980: 23–25; Кулланда 2009 – оба автора согласны в том, что *Skudra* происходит от *Skuda*, хотя по-разному объясняют возникновение мидийско-древнеперсидской формы) (см. подробнее выше). Можно также вспомнить, что, по мнению ряда исследователей, этноним Σκύθαι греки заимствовали через фракийское посредство (об этом см. выше, примеч. 132). Языковые данные свидетельствуют и о контактах скифов с носителями восточных и западных северокавказских языков. Нет бесспорных данных о том, что северокавказский компонент вошел в состав скифского этноса (хотя антропологические материалы вроде бы свидетельствуют о захоронении в кобанском могильнике Уллубаганалы представителей двух разных антропологических типов: характерного для автохтонного кобанского населения и пришлого – см. Ковалевская 2005: 63), но при наличии тесных связей, отразившихся в материальной культуре, это весьма вероятно. То же

²¹⁶ Вспомним, что сам Э.А. Грантовский писал (в соавторстве с Э.О. Берзиным) о возможных следах пребывания индоариев в Северном Причерноморье (Berzin and Grantovsky 1962). Исследователи, в частности, обратили внимание на то, что во всех рукописях труда Геродота при описании земли, находящейся по другую от скифов сторону Боспора Киммерийского, и ее жителей упоминаются этноним «инды» (Ἰνδοί, IV 28) и название их страны «Индика» (Ἰνδική, IV 86), которые издатели заменяют на «синды» и «Синдика».

можно сказать и о взаимоотношениях скифов с носителями арийских языков, являвшимися автохтонами Северного Причерноморья, и с фракийцами.

Наконец, судя по тому, что говорилось выше об имени скифской богини Табиты и названии Танаиса, скифы в Северном Причерноморье тесно взаимодействовали с носителями некоего неарийского индоевропейского языка, убедительные аргументы в пользу существования которого привел Г. Гольцер.

Подводя итоги, перечислю еще раз основанные на языковых данных выводы относительно праиранцев, скифов, их языка, этногенеза и межэтнических связей.

- 1) Праиранцы до распада общеиранского, произошедшего в самом конце II тыс. до н. э., и восточные иранцы (в состав которых входили предки скифов) после этого распада находились в контакте с носителями северокавказских языков (так, из пранахского идет, видимо, иранское «акинак»), т. е. праиранская и восточноиранская прародины располагались относительно близко к местам расселения северокавказцев, видимо, не восточнее реки Урала, чего, как правило, не учитывают археологи, выводящие скифов «из глубин Азии».
- 2) Скифский язык, вопреки распространенному мнению, четко отличался от сарматского, что позволяет, в частности, по формальным признакам исключить принадлежность к сарматам носителей определенных этнонимов (сайи) и антропонимов (Сайтафарн).
- 3) Скифские заимствования предположительно вошли в мидийский и древнеперсидский (через мидийское посредство?), что согласуется с данными письменных источников о деятельности скифов в Передней Азии.
- 4) Скифы, по-видимому, заимствовали имена (и образы?) некоторых божеств (Табиты, Гойтосира и др.) у носителей иных иранских и неиранских индоевропейских языков, на которые в Восточной Европе наложился скифский.
- 5) Скифские (и по крайней мере одно северокавказское, воспринятое через скифское посредство) заимствования распознаются во фракийском, что подтверждает исторические и археологические сведения о скифо-фракийских связях.
- 6) Пласт слов, которые по фонетическим особенностям можно отнести к скифским, прослеживается в Младшей Авесте, что подтверждает сообщения античных авторов о едином происхождении среднеазиатских саков и европейских скифов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Труды, в той или иной мере затрагивающие вопросы происхождения скифов, достаточно четко делятся на построенные на археологическом материале (Мурзин 1990; Погребова, Раевский 1992; Иванчик 2001; Мозолевский 2005; Бессонова 2009), на лингвистических данных (Vasmer 1923; Абаев 1949; Он же 1965; Он же 1979; Schmitt 2003; Mayrhofer 2006; Humbach & Faiss 2012) и ориентирующиеся на письменную, прежде всего античную традицию (Куклина 1985; Иванчик 2005). Это обусловлено не только профессиональными интересами того или иного исследователя (хотя они, конечно, играют в большинстве случаев главную роль в выборе основной категории источников), – иначе две работы одного и того же автора (А.И. Иванчика) не попали бы в разные рубрики, – но и спецификой разноприродных источников, чьи сведения свести воедино чрезвычайно трудно, если не невозможно. Моя работа, как явствует из ее названия – не исключение. Будучи историком по образованию и роду занятий, я во многом вынужденно, хотя и с охотой, должен был проделать для начала (конечно, опираясь во многом на достижения предшественников) чисто лингвистическое исследование остатков скифского языка, дабы вычленив слой исконной лексики и определив его принадлежность, а затем попытаться отождествить заимствования в скифском и скифские заимствования в иных языках. Но для этого, в свою очередь, потребовалось разобраться в истории дошедших до нас текстов античных авторов, прежде всего Геродота, чтобы оценить достоверность передачи в них скифских слов и предпочесть тот или иной рукописный их вариант, заново рассмотреть отклонения от регулярных фонетических соответствий в некоторых древнеперсидских, мидийских и авестийских лексемах и пр. Полученные сведения позволяют, на мой взгляд, четко отделить скифов от соседних восточных иранцев, прежде всего сармат, выявить их языковые контакты с различными, в том числе и неиндоевропейскими этносами, а заодно дают пищу для размышлений относительно сюжетов, непосредственно к скифологии отношения не имеющих, вроде проблем формирования Младшей Авесты или греческой исторической фонетики. Кроме того, стало возможным предложить ряд новых этимологий скифских (и общеиранских) слов. Читателю судить, насколько мне удалось свести столь разные сюжеты в единое повествование.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные архаические скифские памятники²¹⁷

АЛЕКСЕЕВКА

Курган у села Алексеевки (иногда называемый Криворожским по расположению у слободы Криворожье) на реке Калитве, левом притоке нижнего течения Северского Донца, высотой 0,35 м и диаметром 3,25 м. Случайно раскопан при добыче камня в 1869 г. Обнаружены остатки погребения посредством трупосожжения в деревянной сожженной конструкции (Ильинская, Тереножкин 1983: 90). Среди инвентаря имеются золотой обруч, серебряная головка быка, видимо, ближневосточного производства, которую считают украшением трона или табурета или фрагментом ритона, и греческий сосуд с горлом в виде бараньей головы, датируемый концом VII в до н. э. (Алексеев 2003: 113). Концом VII в. до н. э. датируется и само погребение.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ ХУТОР

Разрушенное погребение у хутора Алексеевского близ Невинномыска на Ставрополье. Среди инвентаря имеются раннескифские трехдырчатые бронзовые псалии, одной оконечности которых придана форма конского копыта, удила со стремечковидными окончаниями и с литой нарезкой в шашечку на одной из поверхностей²¹⁸, двухлопастные наконечники стрел с изогнутым шипом, бронзовые и костяные столбики для перекрестных уздечных ремней и пр. А.А. Иессен считал его незначительно предшествующим по времени Келермесским курганам (Иессен 1954).

ГОВЕРДОВСКИЙ ХУТОР.

Курганы у хутора Говердовского в Адыгее, на западной окраине Майкопа, насчитывающие 21 насыпь. Исследовались в 1985–1986 гг.

²¹⁷ Критерием отбора, помимо хронологии, служило наличие среди инвентаря памятников вещей ближневосточного производства, являющееся веским аргументом в пользу принадлежности этих памятников носителям этнонима, зафиксированного в ассирийских текстах начала VII в. до н. э. и дошедшего до нас в форме «скифы».

²¹⁸ Как отмечает В.Г. Петренко, «этот орнамент ... широко представлен в памятниках VIII–VII вв. до н. э. на стержнях двукольчатых удил и практически не встречается на удилах VI в. до н. э.» (Петренко 1983: 44).

экспедицией Адыгейского областного краеведческого музея под руководством А.А. Нехаева. Курганы 1 и 2, расположенные на восточной оконечности группы, относились ко времени скифской архаики, остальные содержали комплексы конца IV– начала III вв. до н. э. (Эрлих, Нехаев 2011). Высота кургана 1 – около 1,2 м, диаметр насыпи – около 40 м. Насыпь сооружена над ритуальной площадкой в центре кургана. Обнаружены бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и псалии, железные петельчатые удила с фрагментированными трехпетельчатыми псалиями, два навершия в виде головы грифона, бронзовый котел с двумя зооморфными ручками в виде фигурок горных козлов и пр. Высота северной полы сильно распаханного кургана 2 составляет 0,68 м, южной – 0,9 м, диаметр 40 м. Могильная яма с каменным закладом открыта в 7,4 м к западу от центра кургана. Найдены железные двучастные петельчатые удила и стержневидные Г-образные псалии с тремя петлями. Оба кургана авторы интерпретируют как подкурганые святилища и на основании анализа инвентаря соотносят курган 1 с младшей группой Келермесских курганов, и соответственно датируют близко к рубежу VII–VI вв. до н. э., а курган 2 с келермесским этапом в целом (с сер. VII до рубежа VII–VI вв. до н. э.), т.к. данных для более узкой хронологии нет (с. 143).

КЕЛЕРМЕССКИЙ МОГИЛЬНИК.

Тридцать четыре кургана эпохи бронзы и раннего железа, расположенных цепочкой, растянутой на 2 км, у станицы Келермесской²¹⁹ в 25 км к северу от Майкопа. Раскапывались в 1903–1904 гг. Д.Г. Шульцем и в 1904 г. Н.И. Веселовским, доисследовались в 1980–95 гг. Келермесской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Л.К. Галаниной (1980–1983) и А.Ю. Алексеева (1984–1995), а в 1989–90 гг. совместно с Гиагинской экспедицией Института археологии РАН под руководством Т.М. Кузнецовой. Инвентарь «младших» курганов, раскопанных Шульцем, включает многочисленные изделия переднеазиатской торевтики, серебряное зеркало, два ритона, бронзовые удила и уздечные бляшки, бронзовые навершия, железный меч в золотых ножнах, золотую диадему с головкой грифона, железную секиру, обложенную золотом, бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий и пр. Общая датировка со 2-ой – 3-ей четверти VII до рубежа VII–VI вв. до н. э. (Галанина 1997; Она же 2006) или с 660 по 620 гг. до н. э.

²¹⁹ От адыгского *кълэр мэз* «черемшовый лес», по названию балки, идущей от горы Махошевской до станицы Келермесской (Коков 1974: 194).

(Алексеев 2003: 109). «Старшие» же курганы, раскопанные Веселовским, практически не содержат очевидных переднеазиатских артефактов²²⁰ и потому могут датироваться и более ранним временем, на что обратил мое внимание А.Ю. Алексеев (см. Alekseev 2007: 33, 34; Алексеев 2008). О погребальных сооружениях курганов, раскопанных кладовиском Шульцем, почти ничего не известно (говорится лишь об отсутствии в могилах деревянных конструкций). Н.И. Веселовский реконструировал следы деревянных столбов на дне расположенных уступами прямоугольных могильных ям, но доисследование его кургана 2 (31 по современной нумерации) выявило ошибочность этого суждения, хотя деревянные конструкции все же имелись: дно могилы было обшито досками (Алексеев 2003: 105). Дощатым, возможно, было и перекрытие могилы (Артамонов 1966: 18–19; Петренко 1989: 221).

КЛАДЫ, КУРГАН 41

Один из курганов могильника в урочище Клады, Адыгея, Майкопский район, долина р. Фарс. Диаметр каменно-земляной насыпи 23 м, высота – 1,1 м. Под слоем земли – подпрямоугольная каменная насыпь площадью 15 на 12 м и высотой 0,8–0,9 м. Погребение было ограблено, сохранились бронзовые удила со стремечковидными окончаниями, железные подражания бронзовым двукольчатым удилам, различные виды наконечников стрел и пр. Исследован экспедицией под руководством А.Д. Резепкина. Отнесен к раннекелермесскому времени, около середины VII в. до н.э. (Резепкин 1981; Лесков, Эрлих 1999: 69–70).

КОСТРОМСКОЙ КУРГАН

Расположен близ станицы Костромской (Краснодарский край). Раскопан Н.И. Веселовским в 1897 г. На насыпной площадке, возведенной скифами над скрытой насыпью кургана эпохи бронзы, было, по сведениям раскопщика (не во всем подтверждаемым современным доисследованием) возведено квадратное деревянное сооружение с четырьмя вертикально врытыми бревнами по углам и шестью столбами вдоль каждой стороны, «а шатрообразную кровлю образовывали столбы, поставленные наклонно по пять в ряд с наружных сторон склепа: сверху все сооружение было перекрыто камышом...» (Петренко 1989: 221). «Промежутки между столбами, вероятно, были заплетены прутьями и

²²⁰ Как отмечал А.Ю. Алексеев, к таковым можно было бы отнести только серебряный подток рукояти парадной секиры из кургана № 2 и серебряные фалары из кургана № 1 (Алексеев 2003: 105). Но для этих вещей (прежде всего для подтока секиры) допускается и их собственно скифское происхождение (Алексеев 2008: 9).

обмазаны глиной. Сверху вдоль стенок лежали четыре балки, на которые опирались скаты пирамидальной крыши... Деревянное сооружение... уцелело потому, что перед засыпкою землей оно было подожжено и бревна успели обгореть и обуглиться» (Артамонов 1966: 27–28). Курган ограблен, но сохранились отдельные вещи, в том числе золотая пластина в виде оленя, предположительно украшавшая поверхность горита (ОАК 1897; Алексеев 1996). Рубеж VII–VI вв. до н.э.

КРАСНОЗНАМЕНСКИЙ КУРГАНЫЙ МОГИЛЬНИК.

Ставропольский край, близ хутора Красное Знамя в 2 км к югу от села Дубовки и в 10 км к западу от районного центра, села Александровского, на возвышенном правом берегу Халявинского ручья, впадающего в р. Дубовку, приток р. Томузловки. Исследован в 1973–1975 и 1978–1980 гг. Ставропольской (впоследствии Краснознаменской) экспедицией под руководством В.Г. Петренко. Девять курганов, датирующихся периодом от второй до последней четверти VII в. до н. э. (Петренко 2006). Под насыпью кургана 1 обнаружены три погребальные камеры, огражденные общей стеной, и не имеющее аналогов каменное сооружение, возможно, святилище. Для сравнения с другими раннескифскими погребальными сооружениями особый интерес представляет южная могила кургана 1, являющая собой «каменную гробницу площадью около 50 кв. м, стены которой составляли вкопанные вертикальные плиты высотой 2,5 м. Внутренняя поверхность стен и коридора была обмазана слоем светлой глины. Деревянная с каменным покрытием крыша гробницы опиралась на деревянные столбы, поставленные у стен, стенку внутренней перегородки и каменную колонну в центре. Выход обрамляли две каменные колонны. Для повторных захоронений к основной гробнице пристраивали камеры или отдельные входы. Входы имели вид более или менее длинного коридора с каменными стенами, перекрытого деревом» (Петренко 1989: 217–218). Краснознаменский могильник содержал разнообразный погребальный инвентарь, состоящий из предметов вооружения, конской узды, украшений, керамики. Наибольший интерес представляют детали погребальных колесниц и останки запряженных в них коней. Изображение на обкладке дышла из кургана 1 было идентифицировано с богиней Иштар в ассирийском исполнении, что, в частности, послужило одним из оснований для уточнения хронологии и определения передневосточных связей, отразившихся в материале могильника.

МЕЛЬГУНОВСКИЙ, ИЛИ ЛИТОЙ

Курган (по имени генерал-поручика Мельгунова, приказавшего в 1763 году осуществить раскопки) близ города Елисаветграда (совр. Кировоград) в междуречье верховьев Ингула и Ингульца. VII–VI вв до н. э. Сбоку в верхней части насыпи был обнаружен каменный ящик, в котором помещался клад. Ниже шла перегорелая земля с углями, перегоревшими костями и расплавленным металлом, т.е. погребение совершалось по обряду трупосожжения. Клад включал меч, обложенный золотом (или электром), украшенный изображениями, сочетающими ближневосточные и скифские черты, в том числе фигуру скифского оленя на лопасти для подвешивания. Имелись также золотая лента с изображениями животных в греческом стиле, семнадцать скифских золотых блях в виде птицы, золотая диадема из трех рядов цепочек, пропущенных сквозь девять розеток и другие украшения, серебряные детали ближневосточного табурета (?), а также сорок втульчатых бронзовых наконечников стрел листовидной и трехгранной формы, иногда с шипами (Артамонов 1974: 70).

НАРТАН

Курганный могильник у села Нартан близ г. Нальчика (Кабардино-Балкария). Новостроечной экспедицией Кабардино-Балкарского института истории, филологии и этнографии в 1978–1979 гг. раскопано 24 кургана, из них около десяти (относительно датировки некоторых среди исследователей нет единодушия, поэтому не привожу точной цифры) относятся ко второй половине VII в. до н. э. (Петренко 1989: 219). В каждом кургане – по одной подквадратной погребальной камере под центром насыпи с какими-то деревянными конструкциями по периметру. Инвентарь включает изделия в зверином стиле: бутероль с изображением свернувшегося хищника, бронзовые псалии с зооморфными концами в виде «рогатой птицы» и т. п. (Батчаев 1985; Петренко 1989: 219; Алексеев 2003: 108–111).

НОВОЗАВЕДЕННОЕ II.

Могильник Новозаведенное II расположен у давшего ему название села Новозаведенного на левобережном плато среднего течения реки Кумы немного ниже впадения в нее Подкумка и включал 16 курганов, из которых курганы 2 и 5 относятся к VII в. до н. э. Маслов, Петренко 1998; Петренко, Маслов, Канторович, 2000; Петренко, Маслов, Канторович 2009). В инвентаре кургана 16 встречено сочетание ионийской

керамики с передневосточными импортами, что позволило датировать его рубежом VII–VI вв до н. э. Находки предметов, имеющих аналогии в Закавказье, продемонстрировали связи, осуществлявшиеся на всем протяжении существования могильника, относящегося к келермесскому кругу. Среди находок наибольший интерес представляют изделия в зверином стиле, парные железные ножи, детали узды и вооружения. О конструкции погребальных сооружений см. **Пегушин-1.**

НОВОПАВЛОВСК.

Ставропольский край, юго-западная окраина г. Новопавловска. Курган исследован экспедицией под руководством А.Р. Канторовича в 2006 г. Датирован концом VII–началом VI вв. до н. э. Первые для раннескифской эпохи находки колес со спицами, главным образом их отпечатков, от двухколесной колесницы, а также уздечные принадлежности, железные наконечники, костяная пронизь, предметы вооружения, различные украшения (преимущественно бусы) и мелкие изделия, керамические и бронзовые сосуды (Канторович, Петренко, Маслов 2007). О конструкции погребальных сооружений см. **Пегушин-1.**

ПЕГУШИН-1

Ставропольский край, между г. Новопавловском и хутором Пегушином. К раннескифскому времени относятся курганы 4 (исследован экспедицией Государственного музея искусства народов Востока под руководством Т.А. Габуева в 2006–2007 гг.) и 14 (исследован экспедицией МГУ под руководством А.Р. Канторовича). Среди находок золотая накладка, способствующая установлению относительной хронологии, изделия в зверином стиле, пряжка от конской упряжи. Авторы раскопок отмечают ряд черт погребального обряда кургана 14, зафиксированных также в Новозаведенном II и Новопавловске, а именно надмогильную конструкцию, при которой несущие деревянные элементы опираются на вал выкида и столбы и перекрываются камышом, ритуальные площадки за пределами могилы под южной полкой и т.д. Рубеж VII–VI вв. до н. э. (Канторович, Маслов, Петренко 2011б).

ПЕРЕПЯТИХА

Курган Перепятиха в Правобережной лесостепи на Киевщине, в междуречье Ирпени и Роси, раскопанный в 1846 г. Н.Д. Иванишиным (Ильинская, Тереножкин 1983: 279), датируется второй половиной или концом VII в. до н.э. (традиционная дата: середина – вторая половина

VI в. до н. э. была удревлена в результате исследований последних десятилетий). Этот курган высотой более 10 м, окруженный глинобитным «валом» высотой в 2 м (Там же), «не имел насыпи как таковой и полностью был сооружен из пластов дерна и глинобитных вальков, под которыми располагалось огромное погребальное сооружение, реконструируемое как склеп площадью 180 кв. м, имевший толстые глинобитные стены, деревянный пол, двускатное перекрытие, опиравшееся на 16 дубовых столбов. На перекрытии находилась выкладка из большого количества гранитных камней» (Скорый 2003: 80). Курган ограблен, от инвентаря его полностью разрушенного центрального погребения «сохранились лишь серебряная и золотая штампованные бляшки в виде грифонов и обрывки золотых лент от женского головного убора, указывающие, что главное захоронение было парным.

По периметру погребальной камеры, вдоль стен, располагались 14 труположений в деревянных гробовищах (умершие лежали вытянуто на спине, головой на запад) и трупосожжения в многочисленных глиняных сосудах-урнах и возможно урнах-ямах, выкопанных в полу. Количество кремированных покойников не известно» (Там же). Среди инвентаря можно отметить такие характерные для раннескифской культуры категории как бронзовые зеркала и каменные блюда, а также уже упомянутые бляшки в виде грифонов переднеазиатского производства (Ильинская, Тереножкин 1983: 279). Как отмечает С.А. Скорый, в конструкции погребального сооружения и погребальном обряде отразились две традиции – собственно скифская, характеризующая основное погребение (использование пластов дерна, вал вокруг кургана, ингуляция и пр.), и автохтонная (деревянный пол и двускатная крыша склепа, трупосожжение с помещением праха в сосуды-урны) (Скорый 2003: 80).

ТЕМИР-ГОРА.

Погребение на Керченском п-ве в Крыму к северо-востоку от Керчи, датируемое серединой – второй половиной VII в. до н. э. Совершено в вырубленной в скале могильной яме округлой формы (4 x 3 x 1,4 м), видимо, перекрытой «деревянным накатом с устроенным над ним каменным закладом, просевшим в могилу» (Ильинская, Тереножкин 1983: 107) Умерший лежал головой на запад (Там же). Среди инвентаря – грибовидные застёжки (восемь штук), резные костяные предметы в виде птичьей головки и свернувшегося хищника и греческая ойнохоя 640–630-х гг. до н. э. (Артамонов 1966: 25).

УЛЬСКИЕ КУРГАНЫ (РАННЯЯ ГРУППА)

Расположены в Адыгее на восточной окраине аула Уляп. 9 курганов раскопано Н.И. Веселовским. Своими размерами отличался курган 1 1898 г., относящийся к группе второй половины или конца VI - рубежа VI-V вв. и содержавший более 360 конских скелетов. Под его насыпью в центре «открыты остатки деревянного сооружения с четырьмя столбами по углам, между которыми на длинных сторонах находилось по 6, а на коротких по 4 столба» (Артамонов 1966: 26–27), сходного с соответствующим сооружением Костромского кургана. Все погребения грабленные, но сохранились изделия в зверином стиле, предметы конского снаряжения, навершия. Ранняя группа относится ко второй половине VII или рубежу VII–VI вв. до н. э.

ЦУКУР-ЛИМАН

Курган на западном берегу Цукурского лимана на Таманском п-ве. Погребение открыто случайно, поэтому сведений об устройстве гробницы не сохранилось. Среди инвентаря имелся бронзовый клевец, архаический набор наконечников стрел, бронзовое украшение в виде двух хищников, стоящих на задних лапах друг против друга. У ног умершего – килик и ойнохоя, датируемые концом VII–началом VI в. до н. э. (Артамонов 1966: 25; Ильинская, Тереножкин 1983: 107–108).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории, Москва.
- ВЯ – Вопросы языкознания. Москва.
- ИЭСОЯ – В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Тт. I–IV, Указатель. Ленинград и Москва: Издательство Академии наук СССР, Наука, 1958–1995.
- КБН – *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*. Корпус боспорских надписей. М. – Л.: Наука, 1965.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.
- КСИНА – Краткие сообщения Института народов Азии. Москва.
- Латышев SC – *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. СПб.: Типография Императорской Академии наук, Т. I–II, 1893–1906.
- НАА – Народы Азии и Африки. Москва.
- СА – Советская археология. Москва.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. Москва: Наука, 2006.
- ЭСИЯ – В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. Т.1 – 2000, т. 2 – 2003, т. 3 – 2007, т. 4 – 2011 (издание продолжается).
- Acta Ant. Hung.* – *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, Budapest.
- Acta Orient. Hung.* – *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Budapest.
- BSO(A)S – *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*, London.
- CLI – *Compendium Linguarum Iranicarum*. Hrsg. von Rüdiger Schmitt. Wiesbaden: Reichert, 1989.
- EWAia – Manfred Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen*. Bd. I–III, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992–1996–2001.
- FGrH – *Die Fragmente der Griechischen Historiker*. Von Felix Jacoby. Leiden (–New York–Köln): E.J. Brill. Bd. I–IV.

- FHG – *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Ed. C. et Th. Muller. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot.
- GiPh – *Grundriß der iranischen Philologie*. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Bd. I, Abschnitt 1, 1895–1901, Abschnitt 2, 1898–1901. Bd. II, 1896–1904. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- IGBulg I² – *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Edidit Georgius Mihailov. Volumen I. *Inscriptiones orae Ponti Euxini*. Editio altera emendata. *Serdicae MCMLXX*: Academia litterarum Bulgarica.
- IOSPE I² – *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici*. Iterum edidit Basilius Latyshev. Volumen primum. *Inscriptiones Tyrae, Olybiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens*. Ed. alt., Petropoli MCMXVI.
- JA – *Journal Asiatique*, Paris.
- NCED – S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Ed. by S.A. Starostin. Moscow 1994: Asterisk Publishers.
- New Pauly – *Brill's Encyclopaedia of the Ancient World*. New Pauly. Leiden – Boston: Brill.
- Pauly-Wissowa RE – *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen. Herausgegeben von Georg Wissowa. Stuttgart: J.B. Metzler'sche Buchhandlung.
- RV – *Ригведа*.
- SAA – *State Archives of Assyria*. Helsinki: The Neo-Assyrian Text Corpus Project.
- SI – *Studia Iranica*. Paris.
- UEW – K. Rédei. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Wiesbaden 1988–1991: Otto Harrassowitz.
- WZKM – *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Wien.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев 1945 – В.И. Абаев. Древнеперсидские элементы в скифском языке. – Иранские языки I (Переиздано в: Абаев 1949).
- Абаев 1949 – В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Том I. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР.
- Абаев 1965 – В.И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Абаев 1972 – В.И. Абаев. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. – Древний Восток и античный мир. М.: Наука (переиздано в Абаев 1995).
- Абаев 1979 – В.И. Абаев. Скифо-сарматские наречия. – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 272–364 (слегка переработанный вариант раздела «Скифский язык» из книги 1949 года).
- Абаев 1980 – В.И. Абаев. Выступление на круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». – НАА, № 5: 129–130.
- Абаев 1981 – В.И. Абаев. Геродотовские SKUTHAI GEÖRGOI. – ВЯ, № 2.
- Абаев 1990 – В.И. Абаев. Избранные труды. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: «Ир».
- Абаев 1995 – В.И. Абаев. Избранные труды. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: «Ир».
- Алексеев 1980 – А.Ю. Алексеев. О скифском Аресе. – Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 39–47.
- Алексеев 1991 – А.Ю. Алексеев. Этюды об акинаках. – Л.С. Клейн. Археологическая типология. Л.: Издательство «Ленинград», 271–280.
- Алексеев 1996 – А.Ю. Алексеев. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи. – Материалы к конференции, посвященной столетию со дня рождения А.А. Иессена. Между Европой и Азией. Кавказ в III – I тыс. до н. э. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 130–134.
- Алексеев 2003: А.Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Алексеев 2008 – А.Ю. Алексеев. «Старшие» Келермесские курганы. – Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: Институт археологии РАН, 9–10.
- Алексеев 2009 а – А.Ю. Алексеев. Каменный жертвенник или база антропоморфного изваяния? (к этнической принадлежности Келермесских

курганов). – Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А.Скорого. Киев-Полтава: Институт археологии Национальной Академии наук Украины, 12–18.

Алексеев 2009 б – А.Ю. Алексеев. Особенности топографии «предскифских» и раннескифских изваяний в Северном Причерноморье. – Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 3–4.

Артамонов 1966 – М.И. Артамонов Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага–Ленинград: Артия, Советский художник.

Артамонов 1974 – М.И. Артамонов. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л.: Издательство Ленинградского университета.

Балановский и др. 2013 – О.П. Балановский, Е.Ф. Батиева, С. Der Sarkisyan, В.В. Запороженко, А. Cooper, Е.В. Балановская, W. Naak. Скифские могильники Нижнего Подонья в контексте современного и древнего населения Евразии. – Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Сборник статей. 26–30 августа 2013 г. Ростов-на-Дону, Издательство ЮНЦ РАН, с. 59–61.

Барроу 1976 – Т. Барроу. Санскрит. Перевод с английского Н. Лариной, редакция и комментарий Т.Я. Елизаренковой. М.: Прогресс.

Батчаев 1985 – В.М. Батчаев. Древности предскифского и скифского периодов. – Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. т. II. Нальчик: Эльбрус, 7–115.

Берзин 1986 – Э.О. Берзин. Сивка-Бурка, вещая Каурка, или Древняя Европа в зеркале мифов и сказок. – Знание – сила, № 11: 42–48.

Бессонова 2009 – С.С. Бессонова. Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии. – STRATUM plus. Культурная антропология и археология. № 3. 2005–2009. Скифские интерпретации. СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест: Университет «Высшая антропологическая школа», 14–93.

Бурлак, Старостин 2005: С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия».

Бухарин 2013 – М.Д. Бухарин. Колаксай и его братья (античная традиция о происхождении царской власти у скифов). – «Аристей» № 8: 20–80.

Бухарин 2014 – М.Д. Бухарин. Красное и Черное: цветовая символика в названиях морей в свете сравнительной мифологии и этнической истории народов Евразии в древности и средневековье. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.

- Васильков 2010 – Я.В. Васильков. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: Издательство «Европейский дом».
- Виноградов 1972 – В.Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.) (вопросы политической истории, эволюции культуры и этногенеза). Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство.
- Виноградов, Дударев 1983 – В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья. – Эрмитаж. Археологический сборник 23. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 49–54.
- Виноградов 1980 – Ю.Г. Виноградов. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н. э. – СА, № 3: 92–109.
- Витчак 1992 – К.Т. Витчак. Скифский язык: опыт описания. – ВЯ, № 5: 50–59.
- Вишневская 1973 – О.А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв до н. э. М.: Наука.
- Высотская 1979 – Т.Н. Высотская. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка.
- Гаврилюк 2007 – Н.А. Гаврилюк. Отклик на публикацию В.П. Яйленко «Очерки этнической и политической истории Скифии в V – III вв. до н. э.». – Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва – Киев – Запорожье: Дикое Поле, 2007, 119–123.
- Галанина 1985 – Л.К. Галанина. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). – Культурное наследие Востока. Л.: Наука.
- Галанина 1997 – Л.К. Галанина. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. Т. I. М.: Палеограф.
- Галанина 2006 – Л.К. Галанина. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984: Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- Гарматта 1951 – Я. Гарматта. Мифические северные племена у Гелланика. – Acta Ant. Hung., T. I, fasc. 1–2.
- Гесиод 2001 – Гесиод. Полное собрание текстов. Перевод В. Вересаева, О. Цыбенко. М.: Лабиринт.

Гиндин 1984 – Л.А. Гиндин. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV). – Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М.: Наука, 36–42.

Горелик 2003 – М.В. Горелик. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). 2-е дополненное издание. СПб.: «Атлант».

Граков 1950 – Б.Н. Граков. Скифский Геракл. – КСИИМК XXXIV: 7–18.

Граков 1954 – Б.Н. Граков. Каменское городище на Днепре. М.: Изд-во Академии наук СССР.

Граков 1971 – Б.Н. Граков. Скифы. М.: Изд-во Московского университета.

Грантовский 1960 – Э.А. Грантовский. Индо-иранские касты у скифов. М.: Издательство восточной литературы.

Грантовский 1963 – Э.А. Грантовский. Из истории иранских племен на границах Индии. – КСИНА LXI.

Грантовский 1963а – Э.А. Грантовский. Племенное объединение Paṅṣi-Paṅṣava у Панини. – История и культура древней Индии. М.: Издательство восточной литературы, 68–100.

Грантовский 1970 – Э.А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Грантовский 1975 – Э.А. Грантовский. О восточноиранских племенах кушанского ареала. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. Т. II. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 76–92.

Грантовский 1980 – Э.А. Грантовский. Выступление на круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». – НАА, № 6: 67–72.

Грантовский 1981 – Э.А. Грантовский. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья». – Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 59–78.

Грантовский 1998 – Э.А. Грантовский. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.: Восточная литература.

Грантовский 2007 – Э.А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература.

Грантовский, Раевский 1984 – Э.А. Грантовский, Д.С. Раевский. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху. – Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 47–66.

Дешериев 2006 – Ю.Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения горских кавказских народов. Издание второе, исправленное. М.: URSS.

Дзицойты 2003 – Ю.А. Дзицойты. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение.

Доватур, Каллистов, Шишова 1982 – А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, И.А. Шишова. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука.

Доза 1956 – А. Доза. История французского языка. Москва: Издательство иностранной литературы.

Дударев 1998 – С.Л. Дударев. К вопросу о месте “киммерийских” комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии. – ВДИ, № 4: 77–93.

Дьяконов 1991 – И.М. Дьяконов. Аккадский язык. – Языки Азии и Африки. Т. IV, кн. 1. Афразийские языки. М: Наука, Главная редакция восточной литературы, 70–108.

Дьяконов 2008 – И.М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. Издание 2-е, дополненное. Под редакцией С.Р. Тохтасьева и В.А. Якобсона. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Дьяконов, Старостин 1988 – И.М. Дьяконов, С.А. Старостин. Хурритоурартские и восточнокавказские языки. – Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 164–207.

Дыбо 2007 – А.В. Дыбо. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М.: Восточная литература.

Дюмезиль 1990 – Ж. Дюмезиль. Скифы и Нарты. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Егоров, 1955 – Н.М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. – КСИИМК, вып. 58: 53–62.

Живлов 2013 – М.А. Живлов. Андроновский арийский язык. – Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М.: Academia, 217–220.

Зайцев 1999 – Ю.П. Зайцев. Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы). – ВДИ, № 2: 127–148.

Зороастрийские тексты 1997 – Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Зуев 1996 – В.Ю. Зуев. Научный миф о «савроматских жрицах». – Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 54–68.

Иванов 1983 – Вал. Вас. Иванов. Историческая грамматика русского языка. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Издательство «Просвещение».

Иванов 1988 – Вяч. Вс. Иванов. Древневосточные связи этрусского языка. – Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 208–218.

Иванов 2004 – Вяч. Вс. Иванов. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока. – У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сариниди. М: Старый сад, 41–67.

Иванчик 1996 – А.И. Иванчик. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VII – VII вв. до н. э. М.

Иванчик 2001 – А.И. Иванчик. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М. – Берлин: Палеограф.

Иванчик 2004 – А.И. Иванчик. Фрагмент скифского эпоса: «Колаксаев конь» в «Парфении» Алкмана. – ВДИ, № 2: 81–88.

Иванчик 2005 – А. И. Иванчик. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва – Берлин: Палеограф.

Иванчик 2007 – А. И. Иванчик. Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Кёлера в Берлине. – EYXAPICTHPION: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История, 182–213.

Иванчик 2009 – А.И. Иванчик. К вопросу о скифском языке. – ВДИ, № 2: 62–88.

Иессен 1954 – А.А. Иессен. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. – Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 112–131.

Ильинская, Тереножкин 1983 – В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка.

- Исмагил 2006 – Р. Исмагил. Легенда о происхождении скифов как раннетюркский источник (Геродот, IV, 5–7). – Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного. Уфа: Гилем, 117–122.
- Итина, Яблонский 1997 – М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Івченко 2013 – А.В. Івченко. Статер Емінака з передмістя Ольвії. Археологія, № 2, Київ: Інститут археології НАН України, 115–118.
- Казанский 2014 – Н.Н. Казанский. Социолінгвістическа ситуація в Боспорському царстві і особливості мовної політики елліністических держав. – Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 188–199.
- Камболов 2006 – Т.Т. Камболов. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: «Ир».
- Каменецкий 2001 – И.С. Каменецкий. О скифах на Кубани. – Третья Кубанская международная археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар–Анапа.
- Канторович, Маслов, Петренко 2011а – Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Скифский курган (К. 14) могильника «Пегушин-1» Ставропольского края. – Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: 103–109.
- Канторович, Маслов, Петренко 2011 б – А.Р. Канторович, В.Е. Маслов, В. Г. Петренко. Новый памятник эпохи скифской архаики на территории Ставропольского края. – Древность: историческое знание и специфика источника. М.: ИВ РАН: 100–103.
- Канторович, Петренко, Маслов, 2007 – А.Р. Канторович, В.Г. Петренко, В.Е. Маслов. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска (Предварительная публикация) – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Ставрополь: Наследие, М.: Памятники исторической мысли.
- Карышковский 1960 – П.О. Карышковский. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ. – СА № 1, 179–195.
- Карышковский 1962 – П.О. Карышковский. Монеты западнопонтийских династий, найденные в Северном Причерноморье. – СА № 4: 49–58.
- Кассий Дион Коккеян 2011 – Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX. Перевод с древнегреческого под редакцией

- А.В. Махлаюка. Комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета.
- Касьян 2011 – А. С. Касьян. Некоторые соображения о лексических сходжениях между хурритским и северокавказскими языками. – ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XV. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. 20–22 июня 2011 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 406–415.
- Кипшидзе 1914 – И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб.: Типография Императорской академии наук.
- Клейн 1975 – Л.С. Клейн. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос. – ВДИ, № 4: 14–27.
- Клейн 2010 – Л.С. Клейн. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия.
- Климов 1994 – Г.А. Климов. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: «Наследие».
- Ковалев 2014 – А.А. Ковалев. Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние. – Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета: 124–136.
- Ковалевская 2005 – В.Б. Ковалевская. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: Объединенное научно-техническое издательство Пушинского научного центра РАН.
- Коган 2005 – А.И. Коган. Дардские языки. Генетическая характеристика. М.: Восточная литература.
- Коган 2009 – Л.Е. Коган. Семитские языки. – Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 15–112.
- Козинцев 2007 – А.Г. Козинцев. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение. – Археология, этнография и антропология Евразии 4 (32), 143–157.
- Козинцев 2013 – А.Г. Козинцев. Краниометрия населения южнорусских и украинских степей в эпоху бронзы. – Международная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). 26 – 30 августа 2013 г. Сборник статей. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 34–36.
- Коков 1974 – Дж.Н. Коков. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус.

- Королькова, Алексеев 1994 – Е.Ф. Королькова, А.Ю. Алексеев. Олень из Куль-Обы. – Проблемы археологии. Вып. 3. СПб.
- Крупнов, 1960 – Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М.: Издательство АН СССР.
- Крюкова 2013 – В.Ю. Крюкова. Авестийский термин *urāra-* и древнеиранские модели мира. – *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. Под ред. С.Р. Тохтасьева и П.Б. Лурье. — СПб.: Нестор-История, 50–58.
- Кузнецова 1988 – Т.М. Кузнецова. Историко-культурные связи Скифии VI–III вв до н. э. (зеркала как исторический источник). Автореф. канд. дис. М.
- Кузнецова 2002 – Т.М. Кузнецова. Зеркала Скифии VI–III века до н. э. том I. М.: Индрик.
- Куклина 1985 – И.В. Куклина. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука.
- Кулланда 2000 – С.В. Кулланда. Авестийское *xšaēta-* и осетинское *bon*: семантические параллели. – Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 205–207.
- Кулланда 2005 – С.В. Кулланда. Еще раз о скифском языке. – Аспекты компаративистики. М.: РГГУ, 215–225.
- Кулланда 2006a – С.В. Кулланда. *Lingua Scythica ad usum historici*. – Древности скифской эпохи. Сборник статей. М.: ИА РАН, 194–209.
- Кулланда 2006b – С.В. Кулланда. Истоки индоиранских варн. – *Smaramam*. Памяти О.Ф. Волковой. Сборник статей. М.: Восточная литература, 19–47.
- Кулланда 2008 – С.В. Кулланда. *Scythica obsoleta*. – ВДИ, № 1: 204–210.
- Кулланда 2009 – С.В. Кулланда. *Thraco-Scythica denuo*. – *STRATUM plus*. Культурная антропология и археология. № 3. 2005–2009. Скифские интерпретации. СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест: Университет «Высшая антропологическая школа», 142–145.
- Кулланда 2011a – С.В. Кулланда. Уроки скифского. – Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. № 5: 48–68.
- Кулланда 2011b – С.В. Кулланда. Скифы: язык и этнос. – Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика» № 2 (64). 11: 9–46.
- Кулланда 2011c – С.В. Кулланда. Прародины индоиранцев и иранцев. – Лексика, этимология, языковые контакты. К юбилею доктора филологических наук, профессора Джой Иосифовны Эдельман: Сборник статей. М., «Тезаурус», 195–203.
- Кулланда 2011d – С.В. Кулланда. Иранистика и эллинистика. – Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы меж-

дународной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Выпуск V. М.: 126–127.

Кулланда 2012а – С.В. Кулланда. Скифские слова в Авесте? – Восток, № 1: 18–22.

Кулланда 2012б – С.В. Кулланда. К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. – ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-ХVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 406–415.

Кулланда 2014 – С.В. Кулланда. Скифские варны. – Археологические вести, вып. 20: 318–331.

Кулланда, Раевский 2002 – С.В. Кулланда, Д.С. Раевский. *Scythica sub specie Iranicorum (Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского)*. – ВДИ, № 4: 213–226.

Кулланда, Раевский 2004 – С.В. Кулланда, Д.С. Раевский. Эминак в ряду владык Скифии. – ВДИ, № 1: 79–95.

Кумахов, Кумахова 1998 – М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие.

Курочкин, Субботин 1993 – Г.Н. Курочкин, А.В. Субботин. Боевые чеканы (клепцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения). – Античная цивилизация и варварский мир, ч. II. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества.

Лазаров 1985 – Михаил Лазаров. Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сариака. – ВДИ № 3, 47–49.

Ламберти 1913 – Арканджело Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией / Перевел с италианского К.Ф. Ган. Тифлис.

Лейпунская, Назарчук 1991 а – Н.А. Лейпунская, В.И. Назарчук. Новая находка монеты Эминака в Ольвии. – Древнее Причерноморье. II. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса.

Лейпунська, Назарчук 1991 б – Н.О. Лейпунська, В.І. Назарчук. Нова знахідка монети Емінака в Ольвії. – Археологія № 1, 115–120.

Лелеков 1980 – Л.А. Лелеков. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол. Выступление. – НАА, № 5: 125–128.

Лесков, Эрлих 1999 – А.М. Лесков, В.Р. Эрлих. Могильник Фарс/Клады. М.: Государственный музей Востока.

Лома 2000 – А. Лома. Праслав. **xaloga* < др.-греч. *φάλαγγ*- и скифский переход *f* > *χ*. – Этимология 1997–1999. М.: Наука, 87–96.

- Лома 2010 – А. Лома. Из топонимии древней Скифии – в поисках страны будинов. – Вопросы ономастики. № 1 (8). Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 53–65.
- Лукиан 2001 – Лукиан Самосатский. Сочинения. Тт. I–II. СПб.: Алетейя.
- Лукин 1941 – А.Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. – Государственный Эрмитаж. Труды Отдела истории первобытной культуры. Том I. Ленинград, 17–97.
- Лурье 2010 – С.Я. Лурье. Геродот. Издание 2-е, исправленное. М.: URSS (перепечатка издания 1947 года).
- Лыткин 1951 – В.И. Лыткин. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. – Известия АН СССР, отд. Литературы и языка, № 4: 385–392.
- Лыткин, Гуляев 1970 – В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука.
- Маслов, Петренко 1998 – В.Е. Маслов, В.Г. Петренко. Курган № 12 могильника Новозаведенное II. – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1, Ставрополь.
- Махортых 2000 – С.В. Махортых. Об актуальных вопросах раннескифской археологии. – Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. Сборник статей. М.: Институт археологии РАН, Государственный исторический музей, 186–193.
- Миллер 1882 – Всеволод Миллер. Осетинские этюды II. М.: Ученые записки Императорского московского университета. Отдел историко-филологический.
- Миллер 1887 – Всеволод Миллер. Осетинские этюды III. М.: Издание Императорского Московского Университета.
- Миллер 2006 [1773] – Г.Ф. Миллер. Избранные труды. М.: Янус-К «Московские учебники».
- Мищенко 1888 – Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф.Г. Мищенко, с его предисловием и указателем. Издание 2-е, исправленное, добавленное в предисловии и снабженное картами. Тт. I–II. М.: Издание А.Г. Кузнецова.
- Мозолевський 2005 – Б.М. Мозолевський. Етнічна географія Скіфії. Київ: «Корвін прес».
- Мошкова 2000 – М.Г. Мошкова. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре. – Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М.
- Мурзин 1990 – В.Ю. Мурзин. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка.

- Мурзін 2013 – В.Ю. Мурзін. Деякі міркування щодо трактування скифських етногенетичних легенд. – Археологія. Київ, 2013, № 3: 26–31.
- Мусбахова 2011 – В.Т. Мусбахова. Аристей Проконнесский и время создания «Аримаспей». – Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб: Нестор–История, 421–445.
- Назаренко 1989 – А.В. Назаренко. К этимологии этнонима ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6). – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М.: Наука, 233–237.
- Напольских 2010 – В.В. Напольских. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы. – Индоевропейская история в свете новых исследований (сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). М.: Издательство МГОУ, 231–244.
- Немировский 2005 – А.А. Немировский. Массажеты Геродота и саки тиграхауда. – Эдубба вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 217–224.
- Немировский 2012 – А.А. Немировский. Умман-манда месопотамских текстов и ранние представления Месопотамии о дальнем Севере – Доклад на конференции памяти Н.Я. Мерперта (Москва, 11 сентября 2012 г.) (рукопись).
- Нерознак 1978 – В.П. Нерознак. Палеобалканские языки. М.: Наука.
- Николаев 2012 – С.Л. Николаев. Восточнославянские рефлексы акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-* основами. – Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2. М.
- Норманская 2008 – Ю.В. Норманская. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинно-угорского, прафинно-пермского, праугорского, прафинно-волжского). – *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики 3. М., 679–734.
- Оранский 1988 – И.М. Оранский. Введение в иранскую филологию. Издание 2-е, дополненное. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Отрощенко 1984 – В.В. Отрощенко. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка. – Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 121–126.

- Петренко 1983 – В.Г. Петренко. Скифская культура на Северном Кавказе. – Эрмитаж. Археологический сборник 23. Л.: «Искусство». Ленинградское отделение, 43–48.
- Петренко 1989 – В.Г. Петренко. Скифы на Северном Кавказе. – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 216–223.
- Петренко 1990 – В.Г. Петренко. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. – Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, ГРВЛ, 60–81.
- Петренко 2006 – В.Г. Петренко. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва – Берлин – Бордо: Палеограф.
- Петренко, Маслов, Канторович 2000 – В.Г. Петренко, В.Е. Маслов, А.Р. Канторович. Хронология центральной группы могильника «Новозаведенное II» – Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М.: 238–248.
- Петренко, Маслов, Канторович 2009 – В.Г. Петренко, В.Е. Маслов, А.Р. Канторович. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное II в 1991–2003 гг. – Археологические открытия 1991–2003 гг. Европейская Россия. М.
- Петров 1968 – В.П. Петров. Скифы: мова і етнос. Київ: Наукова думка.
- Погребова 1948 – Н.Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. – КСИИМК, вып. XXII: 62–67.
- Погребова 2006 – М.Н. Погребова. Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса. – Древности скифской эпохи. Сборник статей. М.: ИА РАН, 172–193.
- Погребова, Раевский 1989 – М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22). – ВДИ, № 1: 40–65.
- Погребова, Раевский 1992 – М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Подосинов, Скржинская 2011 – А.В. Подосинов, М.В. Скржинская. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Индрик.
- Полин 1992 – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев: НПК «Археолог».
- Пьянков 1997 – И.В. Пьянков. Средняя Азия в античной географической традиции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Раевский 1977 – Д.С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: ГРВЛ «Наука».

- Раевский 1985 – Д.С. Раевский. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: ГРВЛ «Наука».
- Раевский 2006 – Д.С. Раевский. Мир скифской культуры. М.: «Языки славянских культур».
- Расторгуева 1990 – В.С. Расторгуева. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М.: Наука.
- Резепкин 1981 – А.Д. Резепкин. Работы близ станицы Новосвободной. – АО 1980, М.
- Скорый 2003 – С.А. Скорый. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: НАН Украины; Институт археологии; Национальный историко-культурный заповедник Чигирин.
- Скржинская 1987 – М.В. Скржинская. Древнейшее свидетельство о знакомстве греков с мифологией скифов. – Скифы Северного Причерноморья. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 30–33.
- Смирнов 1961 – К.Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. – СА, № 1: 47–72.
- Старостин 1988 – С.А. Старостин. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы. – Древний Восток: этнокультурные связи. М.: ГРВЛ Наука, 112–163.
- Старостин 1989 – С.А. Старостин. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: ГРВЛ Наука.
- Старостин 1995 – С.А. Старостин. Несколько новых хурритских этимологий. – ВДИ, № 2: 133–136.
- Старостин 2007 – С.А. Старостин. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур.
- Стеблин-Каменский 1981 – И.М. Стеблин-Каменский. Бактрийский язык. – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 314–346.
- Стеблин-Каменский 1999 – И.М. Стеблин-Каменский. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение».
- Суриков 2008 – И.Е. Суриков. ЛОГОГРАФОИ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания). – ВДИ, № 2: 25–37.
- Суриков 2011 – И.Е. Суриков. Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур.
- Тарасюк 1956 – Л.И. Тарасюк. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. – Краткие сообщения института истории материальной культуры № 63. М.: Издательство Академии наук СССР, 22–30.

- Татищев 2005 – Василий Татищев. История российская. М.: АСТ Ермак.
- Тереножкин 1980 – А.И. Тереножкин. Выступление на «круглом столе» «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». – Народы Азии и Африки, № 5: 119–121.
- Толстой 1953 – И.И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Топоров 2012 – В.Н. Топоров. Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XLIV. М.
- Тохтасьев 2005a – С.Р. Тохтасьев. Проблема скифского языка в современной науке. – *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Edited by Victor Cojocaru. Iași: Trinitas, 59–108.
- Тохтасьев 2005b – С.Р. Тохтасьев. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE. – Херсонесский сборник. Выпуск 14. Севастополь: Издательский дом «Максим», 291–306.
- Тохтасьев 2008 – С.Р. Тохтасьев. Рец. на: А.И. Иванчик. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва – Берлин, «Палеограф», 2005 (*Pontus Septentrionalis III*). – ВДИ, № 1: 193–204.
- Тохтасьев 2015 – С.Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья. XXII: Несколько скифских и сарматских имен. – ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2015 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 890-898.
- Трубачев 1967 – О.Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. – Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М: Наука, 3–81.
- Трубачев 1977 – О.Н. Трубачев. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. – ВЯ, № 6, 13–29.
- Трубачев 1979 – О.Н. Трубачев. «Старая Скифия» (*Ἀρχαία Σκυθία*) Геродота и славяне. Лингвистический аспект. – ВЯ, № 4, 29–45.
- Трубачев 1980 – О.Н. Трубачев. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол. Выступление. – НАА, № 5: 117–118.

Трубачев 1983 – О.Н. Трубачев. INDOARICA. Этимологии. – Этимология 1981. М.: Наука, 101–108.

Трубачев 1985 – О.Н. Трубачев. INDOARICA в Северном Причерноморье. Этимологии. – Этимология 1982. М.: Наука, 140–148.

Трубачев 1999 – О.Н. Трубачев. INDOARICA в Северном Причерноморье. М.: Наука.

Фролова, Абрамзон 2005 – Н.А. Фролова, М.Г. Абрамзон. Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Хелимский 2000 (1998) – Е.А. Хелимский. Южные соседи финноугров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)? – Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. Москва: Языки русской культуры (впервые опубликовано в: ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998): 502–510.

Цаболов 2001–2010 – Р.Л. Цаболов. Этимологический словарь курдского языка. Т. I–II, М.: Издательская фирма «Восточная литература».

Цитланадзе 1976 – ლეილა წითლანაძე. ხვეის არქეოლოგიური ძეგლები (ყაზბეგის განძი). თბილისი: მეცნიერება [Лейла Цитланадзе. Археологические памятники Хеви (Казбегский клад). Тбилиси: Мецниереба].

Черненко 1978 – Е.В. Черненко. Рецензия на: А.М. Хазанов. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: «Наука», 1975. – «Вопросы истории», 1978, №8, 148–150.

Черненко 1979 – Е.В. Черненко. Персидские акинаки и скифские мечи. – Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. Тезисы докладов. М.

Черненко 1980 – Е.В. Черненко. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс). – Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка.

Членова 1993 – Н.Л. Членова. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира». – Петербургский археологический вестник № 7: 49–77.

Шелов 1974 – Д.Б. Шелов. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики. – ВДИ, №1: 80–93.

Шрамм 1997 – Готтфрид Шрамм. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communications.

Эдельман 1986 – Д.И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука.

- Эдельман 1992: Д.И. Эдельман. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности. – ВЯ 3, 44–66.
- Эдельман 1999: Д.И. Эдельман. Индоиранские языки. – Языки мира: дардские и нуристанские языки. М.: Индрик, 10–13.
- Эдельман 2008 – Д.И. Эдельман. Хорезмийский язык. – Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М.: Восточная литература, 6–60.
- Эдельман 2009 – Д.И. Эдельман. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания. – Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. № 1: 81–94.
- Эдельман 2013 – Д.И. Эдельман. Ложка мёда и бочка вина. – *Compendationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. Под ред. С.Р. Тохтасьева и П.Б. Лурье. — СПб.: Нестор-История, 19–25.
- Яблонский, 1996 – Л.Т. Яблонский. Саки Южного Приаралья. (Археология и антропология могильников) М.: ИА РАН, информ.-издат. центр «ТИМР».
- Яйленко 1980 – В.П. Яйленко. Граффити Левки, Березани и Ольвии. – ВДИ, № 3: 75–116.
- Яйленко 2004 – В.П. Яйленко. Вотив Левкона I из Лабриса. – Древности Боспора. Том 7. М.: 425–445.
- Яйленко 2005 – В.П. Яйленко. Магические надписи Боспора. – Древности Боспора. Том 8. М.: 465–515.
- Яйленко 2011 – В.П. Яйленко. Индоарийский Ахилл, индоарии и киммерийцы Северного Причерноморья в VIII–VII вв. до н. э. – В царстве Клио. Российско-германский сборник статей по историческим дисциплинам. Выпуск 2. Часть 1. Москва–Берлин: 226–301.
- Яйленко 2013 – В.П. Яйленко. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. Москва: “Onebook.ru”.
- Якубович 2013 – И.С. Якубович. Новое в согдийской этимологии. М.: Языки славянской культуры.
- Alekseev 2007 – A. Alekseev. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext. – Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe. Der Skythenkongress [Berlin]: 33–34.
- Alexandre 1872 – C. Alexandre. Dictionnaire grec-français composé sur un nouveau plan où sont réunis et coordonnés les travaux de Henri Estienne, de Schneider, de Passow et des meilleurs lexicographes et grammairiens anciens et modernes augmentés de l’explication d’un grand nombre de formes difficiles et suivi de plusieurs tables nécessaires pour l’intelligence des auteurs. Treizième édition avec un vocabulaire des noms historiques, mytho-

- logiques et géographiques par A. Pillon. Paris: Librairie Hachette et Cie.
- Allen 1987 – W. S. Allen. *Vox Graeca: a guide to the pronunciation of classical Greek*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Aly 1921 – Wolfgang Aly. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Archiloque, 1958 – Archiloque. *Fragments*. Texte établi par François Las-serre, Privat Docent à l'Université de Genève, traduit et commenté par André Bonnard, Professeur à l'Université de Lausanne. Paris: Société d'édition « *Les Belles Lettres* ».
- Arena 1967 – Renato Arena. Die Vertauschung θ/ϕ bei einigen altgriechischen Inschriften. – *Glotta* 44: 14–19.
- Bailey 1960 – H.W. Bailey. *Indagatio Indo-Iranica*. Transactions of the Philological Society. London – Hertford, 62–88.
- Bailey 1979 – H.W. Bailey. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bartholomae 1904 – Christian Bartholomae. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Beekes 2010 – Robert Beekes with the assistance of Lucien van Beek. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden–Boston: Brill (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. By Alexander Lubotsky. Vol. 10/1–2)
- Benveniste 1937 – Émile Benveniste. *Noms d'armes orientaux en grec*. – *Mélanges Émile Boisacq I. Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*. Tome V. Bruxelles: Secrétariat des Éditions de l'Institut, 37–46.
- Benveniste 1966 – Émile Benveniste. *Relations lexicales entre la Perse et la Grèce ancienne*. – *Accademia Nazionale dei Lincei. Quaderno № 76. Problemi Attuali di Scienza e di Cultura. Atti del convegno sul tema : La Persia e il Mondo Greco-Romano (Roma 11–14 aprile 1965)*. Roma: 479–487.
- Berzin and Grantovsky 1962 – E. Berzin and E. Grantovsky. *Kinsmen of Indians on Black Sea Shores*. – *Soviet Land*, no. 10. May: 26–27.
- Bielmeier 1989 – Roland Bielmeier. *Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch*. – *CLI*: 236–245.
- Blažek 2003 – Václav Blažek. *Toward the Fenno-Ugric cultural lexicon of Indo-Iranian origin*. – *Indogermanische Forschungen*. 108. Band: 92–99.
- Blois 2013 – François de Blois. *Bactria, Vāxδī-, Balx*. – *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица*. Под ред. С.Р. Тохтасьева и П.Б. Лурье. – СПб.: Нестор-История, 268–271.
- Boetticher 1851 – Paulus Boetticher. *Arica. Halae*: J.F. Lippert.
- Bopearachchi 1993 – Osmund Bopearachchi. *Indo-Greek, Indo-Scythian*

- and Indo-Partian Coins in the Smithsonian Institution. Washington, D.C.: The National Numismatic Collection, Smithsonian Institution.
- Bopearachchi and Pieper 1998 – O. Bopearachchi, W. Pieper. *Ancient Indian Coins*. Turnhout: Brepols.
- Brandenstein 1953 – W. Brandenstein. *Die Abstammungssagen der Skythen*. – *WZKM*, 52: 183–211.
- Brandenstein 1954 – W. Brandenstein. *Bemerkungen zur Völkertafel in der Genesis*. – *Sprachgeschichte und Wortbedeutung: Festschrift Albert Debrunner*. Bern: Francke, 57–83.
- Buck 1955 – C.D. Buck. *The Greek Dialects. Grammar. Selected Inscriptions. Glossary*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Chantraine 1999 – Pierre Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Nouvelle édition mise à jour. Avec un Supplément sous la direction de : Alain Blanc, Charles de Lamberterie, Jean-Louis Perpillou. Paris: Klincksieck.
- Cheung 2007 – Johnny Cheung. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden – Boston: Brill (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. By Alexander Lubotsky. Vol. 2).
- Cornillot 1981 – François Cornillot. *L'origine du nom des Scythes*. – *Indo-Iranian Journal*, vol. 23. Dordrecht/Boston: 30–39.
- Cornillot 1981a – François Cornillot. *De Skythès à Kolaxais*. – *SI*, Tome 10, fasc. 1: 7–52.
- Darmesteter 1883 – J. Darmesteter, *Etudes iraniennes*. Paris : F. Vieweg, libraire-éditeur.
- Diakonoff 1981 – I.M. Diakonoff. *The Cimmerians*. – *Monumentum Georg Morgenstierne I (Acta Iranica 21)*. Leiden: E.J. Brill, 103–140.
- Diakonoff and Starostin 1986 – I. Diakonoff and S. Starostin. *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian language*. München: Kitzinger.
- Dumézil 1962 – Georges Dumézil. *La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles ?* – *IJ*, vol. V, № 3: 187–202.
- Dumézil 1963 – Georges Dumézil. *Caucasique du Nord-Ouest et parlars scythiques*. – *Annali dell'Istituto orientale di Napoli. Sezione linguistica*, V, dicembre 1963. Roma.
- Dumézil 1978 – Georges Dumézil. *Romans de Scythie et d'alentour*. Paris: Payot.
- Dzitstsojty 2007 – Jurij Dzitstsojty. *A propos of Modern Hypotheses on the Origin of the Scythian Language*. – *Scythians, Sarmatians, Alans. Iranian-speaking nomads of the Eurasian Steppes. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 7–10 May 2007. Abstracts of papers*. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 11–12.

Ebel 1857 – Hermann Ebel. Scytische Namen. – (Kuhns) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 6: 400.

Emmerick and Skjærvø 1982 – 1987 – 1997 – R.E. Emmerick and P.O. Skjærvø. Studies in the Vocabulary of Khotanese. Vol. I–III, Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Engberg and Lubotsky 2003 – Sysse Engberg, Alexander Lubotsky. Alanic marginal notes in a Byzantine manuscript: a preliminary report. – Nartamongæ. The Journal of Alano-Osetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris – Vladikavkaz/Dzæwydžyqæw, Vol. II, № 1–2: 41–45.

Ernout et Meillet 2001 – Alfred Ernout et Antoine Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4e édition augmentée d'additions et de corrections par Jacques André. Paris: Klincksieck.

Frisk 1960–73 – Hjalmar Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg: Carl Winter.

Fuchs and Schmitt 1999 – A. Fuchs and R. Schmitt. Barta-tua. – The Propography of the Neo-Assyrian Empire. Volume I, Part II: B–G. Ed. by Karen Radner. The Neo-Assyrian Text Corpus Project. [Helsinki], 1999: 273.

Gauthiot 1914–1923 – R. Gauthiot. Essai de grammaire sogdienne. Paris: Paul Geuthner.

Gauthiot 1916 – R. Gauthiot. Du pluriel persan en -hā. – Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. 20, fasc. 2.

Ghirshman 1977 – Roman Ghirshman. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden: E.J. Brill.

Grenet 1989 – Franz Grenet. Bactria II. In the Avesta and in Zoroastrian Tradition. – Encyclopedia Iranica, s.v. Bactria.

Grillot-Susini, Herrenschmidt, Malbran-Labat 1993 – Françoise Grillot-Susini, Clarisse Herrenschmidt, Florence Malbran-Labat. La version élamite de la trilingue de Behistun : une nouvelle lecture. – JA, Tome 281, 1–2 : 19–59.

Haas 1966 – O. Haas. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia: Académie bulgare des sciences.

Hallock 1969 – Richard T. Hallock. Persepolis Fortification Tablets. Chicago Illinois: The University of Chicago Oriental Institute Publications. Volume XCII.

Hammond 1980 – N.G.L. Hammond. The Extent of Persian Occupation in Thrace. – Chiron: 10.

Hansen 2005 – Hesyehii Alexandrini Lexicon. Volumen III (Π – Σ) editionem post Kurt Latte continuans recensuit et emendavit Peter Allan Hansen. Berlin – New York: Walter de Gruyter.

- Harmatta 1951 – János Harmatta. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. – *Acta Orient. Hung.*, T. I, fasc. 2–3: 261–314.
- Harmatta 1969 – J. Harmatta. Late Bactrian Inscriptions. – *Acta Ant. Hung.* XVII/3–4.
- Harmatta 1994 – J. Harmatta. Languages and Scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms. – *History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250* / Ed. J. Harmatta. Co-ed. B.N. Puri, G.F. Etemadi: UNESCO Publishing, 397–416.
- Hemmerdinger 1981 – Bernard Hemmerdinger. *Les manuscrits d’Hérodote et la critique verbale*. Genova: Pubblicazioni dell’Istituto di filologia classica e medievale.
- Henkelman 2011 – Wouter F. M. Henkelman. Of Tapyroi and tablets, states and tribes: the historical geography of pastoralism in the Achaemenid heartland in Greek and Elamite sources. – *Bulletin of the Institute of Classical Studies University of London* 54-2 (2011): 1–16.
- Henning 1939 – W.B. Henning. Sogdian Loan-words in New Persian. – *BSOS*, vol. X, part. 1: 93–106.
- Hinge 2006 – George Hinge. Herodot zur skythischen Sprache. Arimaspen, Amazonen und die Entdeckung des Schwarzen Meeres. – *Glotta* 81: 86–115.
- Hintze 1998 – Almut Hintze. The Migrations of the Indo-Iranians and the Iranian Sound-Change s > h. – *Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Innsbruck, 22.–28. September 1996*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 139–153.
- Hinz 1975 – Walther Hinz. *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Unter Mitarbeit von Peter-Michael Berger, Günther Korbel und Annegret Nippa [Göttinger Orientforschungen III 3], Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Holzer 1989 – G. Holzer. Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indoeuropäischen Sprache im Urbaltischen und Urslavischen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Horn 1893 – Paul Horn. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Horrocks 1997 – Geoffrey C. Horrocks. *Greek: a history of the language and its speakers*. London and New York: Longman.
- Hude3 – *Herodoti Historiae. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Carolus Hude. Editio tertia*. Oxonii: Oxford University Press, 1927, T. I–II.

Humbach 1960 – H. Humbach. *Scytho-Sarmatica*. – Die Welt der Slaven 5, München: 322–328.

Humbach 1966 – Helmut Humbach. *Baktrische Sprachdenkmäler I*. Mit Beiträgen von Adolf Grohmann. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Humbach 1968 – Helmut Humbach. *Μαραθοί*. – *Pratidānam*. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to Franciscus Bernardus Jacobus Kuiper on his sixtieth Birthday. The Hague: Mouton, 154–156.

Humbach 1991 – Helmut Humbach in collaboration with Josef Elfenbein and Prods O. Skjærvø. *The Gāthās of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts*. Part I. Introduction. Text and Translation. Part II. Commentary. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

Humbach & Faiss 2012 – Helmut Humbach and Klaus Faiss. *Herodotus's Scythians and Ptolemy's Central Asia*. Semasiological and Onomasiological Studies. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.

Huxley 1898 – Thomas Huxley. *Biogenesis and Abiogenesis*. – *Collected Essays*, vol. 8. New York: D. Appleton and Company.

Huyse 1998 – P. Huyse. *Gab es eine Lautentwicklung /k/ → /x/ im "Skytho-Sarmatischen"?* – *Hyperboreus* 4, 167–190.

Insler 1975 – Stanley Insler. *The Gāthās of Zarathushtra*. Téhéran – Liège: Bibliothèque Pahlavi (*Acta Iranica* 8).

Isebaart 1982 – L. Isebaert, *Encore grec τάρανδ(ρ)ος 'renne'*. – *Glotta* 60: 62–65.

Jackson 1892 – A.V. Williams Jackson. *An Avesta Grammar in Comparison with Sanskrit*. Part I. Phonology, Inflection, Word-Formation with an introduction on the Avesta. Stuttgart: W. Kohlhammer.

Jeffery 1961 – L.H. Jeffery. *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford: Oxford University Press.

Jones 1996 – C.P. Jones. *ἔθνος and γένος in Herodotus*. – *Classical Quarterly* 46 (II), pp. 315–320.

Jouanna 1996 – Hippocrate. Tome II, 2e Partie. *Airs, eaux, lieux*. Texte établi et traduit par Jacques Jouanna. Paris: Société d'édition « Les Belles Lettres ».

Juret 1938 – A.-C. Juret. *Phonétique grecque*. Paris: Société d'édition « Les Belles Lettres ».

Justi 1895 – F. Justi. *Iranisches Namenbuch*, Marburg: Elwert; фототипическое переиздание – Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963.

Justi 1896–1904 – Ferdinand Justi. *Geschichte Irans von dem ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden*. – *GiPh*, Bd. 2 : 395–550.

- Kassian 2010/2011 – A. Kassian. Hurro-Urartian from the lexicostatistical Viewpoint. – Ugarit-Forschungen. 2010/2011. 42. Münster: Ugarit-Verlag, 383–451.
- Kellens 1995 – Jean Kellens. Liste du verbe avestique. Avec un appendice sur l'orthographe des racines avestiques par Eric Pirart. Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Kellens et Pirart 1988–1991 – Jean Kellens, Eric Pirart. Les textes vieil-avestiques. Vol. I–III, Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Kieffer 1989 – Charles M. Kieffer. Le parāčī, l'ōrmuṛī et le groupe des langues iraniennes du Sud-Est. – CLI: 445–455.
- Kluge – Seebold 2002 – Friedrich Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeitet von Elmar Seebold. 24., durchgesehene und erweiterte Auflage. Berlin – New York: de Gruyter.
- Kōiv 2011 – Mait Kōiv. A note on the dating of Hesiod. – Classical Quarterly 61. 2: 355–377.
- Kullanda 2014a – S.V. Kullanda. North Caucasian loanwords in Indo-Iranian and Iranian. – Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том третий. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе. М., «Собрание», 2014, 717–725.
- Kullanda 2014b – S.V. Kullanda. External relations of Scythian. – Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. № 11, 81–90.
- Kuz'mina 2007 – Elena E. Kuz'mina. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden – Boston: Brill.
- Latte 1953 – Hesychii Alexandrini Lexicon. Volumen I (A – Δ). Recensuit et emendavit Kurt Latte Regiomontanus. Hauniae : Ejnar Munksgaard editore.
- Latte 1966 – Hesychii Alexandrini Lexicon. Volumen II (E – O). Recensuit et emendavit Kurt Latte. Hauniae : Ejnar Munksgaard editore.
- Lecoq 1987 – Pierre Lecoq. Le mot *farnah-* et les Scythes. – CRAI: 671–681.
- Lejeune 1972 – Michel Lejeune. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris: Éditions Klincksieck.
- Livshitz 1970 – V.A. Livshitz. A Sogdian Alphabet from Panjikant. – W.B. Henning Memorial Volume. London: Lund Humphries Publishers, 256–263.
- Loma 2000 – A. Loma. Skytische Lehnwörter im Slawischen. – Studia Etymologica Brunensia 1: 333–350.
- Lubotsky 1995 – A. Lubotsky. Sanskrit $h < *dh, bh$. – «Стхапакашраддха». Сборник статей памяти Г.А. Зографа. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 104–144.
- Lubotsky 1998 – A.M. Lubotsky. Avestan $x^varenah-$: the etymology and con-

cept. – W. Meid (ed.) Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 479–488.

Lubotsky 2001 – A. Lubotsky. The Indo-Iranian Substratum. – Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Ed. Chr.Carpelan, A.Parpola, P.Koskikallio. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 301–317.

Lubotsky 2002 – A. Lubotsky. Scythian elements in Old Iranian. – Indo-Iranian Languages and Peoples. Proceedings of the British Academy, 116: 189–202.

Lubotsky 2004 – Alexander Lubotsky. Avestan *siazd-*, Sanskrit *sedh-*, Latin *cēdere* ‘to flinch’. – Per aspera ad asteriscos. Studia Indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV. Ed. by Adam Hyllested, Anders Richardt Jørgensen, Jenny Helena Larsson and Thomas Olander. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 2004, 323–332.

Lucian 1955 – Lucian with an English translation by A.M. Harmon in eight volumes. V. Cambridge, Massachusetts – London: Harvard University Press – William Heinemann Ltd.

Mallory & Adams 1997 – J.P. Mallory and J.Q. Adams (Eds.). Encyclopedia of Indo-European Culture. London and Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.

Marquart 1895 – J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Iran I. – Philologus 54.

Marquart 1896 – J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Iran II. – Philologus 55.

Marquart 1901 – J. Marquart. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Martínez & De Vaan 2001 – Javier Martínez & Michiel de Vaan. Introducción al Avéstico. Madrid: Ediciones Clásicas.

Martirosyan 2010 – Hrach K. Martirosyan. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden–Boston: Brill (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. By Alexander Lubotsky. Vol. 8).

Martirosyan 2013 – The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian. – Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. № 10: 85–137.

Mayrhofer 1965 – M. Mayrhofer. Germano-Iranica. – (Kuhns) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 224–230.

Mayrhofer 1973 – M. Mayrhofer. Onomastica Persepolitana. Das altira-

- nische Namengut des Persepolis-Täfelnen, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Mayrhofer 1979 – Manfred Mayrhofer. Die altpersischen Namen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Mayrhofer 1989 – Manfred Mayrhofer. Vorgeschichte der iranischen Sprachen; Uriranisch. – *CLI*: 4–24.
- Mayrhofer 2006 – Manfred Mayrhofer. Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Meyer 1856 – Leo Meyer. Εἰς μῦα ἔν. – (Kuhns) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung V. Berlin: F. Dümmler's Verlagsbuchhandlung, 161–166.
- Minorsky 1930 – V. Minorsky. *Transcaucasica*. – *JA*, Tome CCXVII, 1: 41–112.
- Mitchiner 1976 – M. Mitchiner. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. V. Establishment of the Scythians in Afghanistan and Pakistan. The Parthians, the Dynasties of Otannes and Vonones, the Conquests of Maues circa 130 to 40 B.C. London: Hawkins Publications.
- Morgenstierne 2003 – Georg Morgenstierne. A New Etymological Vocabulary of Pashto. Compiled and edited by J. Elfenbein, D.N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Müllenhoff 1866 – Karl Müllenhoff. Über die herkunft und sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. Auszug aus dem Monatsbericht der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, VIII: 549–576.
- Müllenhoff 1892 – Karl Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde III*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung (слегка измененное и дополненное переиздание работы 1866 г.).
- Orël and Starostin 1990 – V. E. Orël, S.A. Starostin. Etruscan as an East Caucasian Language. – *Proto-Languages and Proto-Cultures: Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory*, Ann Arbor, Michigan, November 1988 / Ed. V. Shevoroshkin. Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 60–68.
- Paap 1948 – A.H.R.E. Paap. *De Herodoti reliquiis in papyris et membranis Aegyptiis servatis (Papyrologica Lugduno-Batava IV)*. Leiden: E.J. Brill.
- Pinault 1998 – Georges-Jean Pinault. *Analyse de latin caesaries*. – *Moussylanaea. Mélanges de linguistique et de littérature anciennes offerts à Claude Moussy*. Louvain – Paris (Bibliothèque d'études classiques dirigée par Guy Serbat et Paul-M. Martin. 15): Éditions Peeters, 15–30.
- Pinault 2008 – Georges-Jean Pinault. La langue des Scythes et le nom des Arimaspes. – *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 105–138.

Pisani 1973 – V. Pisani. Manuale storico della lingua greca. Seconda edizione con un'Appendice: *Il Miceneo* di Celestina Milani, Brescia: Paideia Editrice.

Pokorny 1959/69 – Julius Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern – München: Francke.

Rau 1972 – Wilhelm Rau. Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH.

Risch 1954 – E. Risch. Die Sprache Alkmans. – *Museum Helveticum* 11: 20–27.

Rosén 1987–1994 – Herodoti Historiae. Edidit Haiim B. Rosén. Vol. I–II. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft.

SAA 4 – Queries to the Sungod. Ed. by I. Starr. Helsinki 1990.

Šafařík 1836 – Pawel Josef Šafařík. Slawanské Starožitnosti. Oddíl Dějepisný. Swazek II. Arch. 11–20. Pomoci českého museum w Praze: Tiskem Jana Spurného.

Schmitt 1967 – Rüdiger Schmitt. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot. – *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 117. Wiesbaden: 119–145.

Schmitt 1978 – Rüdiger Schmitt. Die Iranier-Namen bei Aischylos. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Schmitt 1989 – Rüdiger Schmitt. Andere altiranische Dialekte. – *CLI*: 86–94.

Schmitt 2002 – Rüdiger Schmitt. Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophons. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Schmitt 2003 – Rüdiger Schmitt. Die skytischen Personennamen bei Herodot. – *Annali dell'Istituto Universitario di Napoli [AION]*, 63/1–4: 1–31.

Schmitt 2006 – Rüdiger Schmitt. Iranische Anthroponyme in den erhaltenen Resten von Ktesias' Werk (*Iranica Graeca Vetustiora*. III). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Schmitt 2012 – Rüdiger Schmitt. Die Sprache(n) von Skythen, Sarmaten und Alanen. Bemerkungen zur nordiranischen Sprachgeschichte. – *Philologia Fenno-Ugrica* 16–17, 2010–2011 [2012], 1–27.

Schwyzer 1960 – *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora* ('Delectus inscriptionum Graecarum propter dialectum memorabilium' quem primum atque iterum ediderat Paulus Cauer editio tertia renovata). Edidit Eduardus Schwyzer, professor Turicensis. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung (первое издание – Leipzig 1923).

Schwyzler 1968 – Eduard Schwyzer. Griechische Grammatik. I–IV, München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

- Senior 2001 – R.C. Senior. Indo-Scythian Coins and History. Vol. I. An Analysis of the Coinage. Vol. II. The Illustrated Catalogue of Indo-Scythian and Indo-Parthian Coins. London: Classical Numismatic Group.
- Sims-Williams 1981 – Nicholas Sims-Williams. The Sogdian Sound-system and the Origins of the Uyghur Script. – JA, Tome 269: 347–360.
- Sims-Williams 1989 – Nicholas Sims-Williams. Sogdian. – CLI: 173–192.
- Sims-Williams 1997 – Nicholas Sims-Williams. A Bactrian god. – Bulletin of the School of Asian and African Studies. Vol. 60. Part 2: 336–338.
- Sims-Williams 2002 – Nicholas Sims-Williams. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions. – Indo-Iranian Languages and Peoples. Ed. by Nicholas Sims-Williams. Proceedings of the British Academy 116. Oxford: Oxford University Press, 225–242.
- Skjærvø 1983 – Prods O. Skjærvø. *Farnah-* : mot mède en vieux perse ? – Bulletin de la Société de linguistique de Paris, Tome 78, fascicule 1: 241–259.
- Skjærvø 1989 – Prods O. Skjærvø. Pashto. – CLI: 384–410.
- Starostin 2007 a – Sergei Starostin. Indo-European among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships. – С.А. Старостин. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 806–820.
- Starostin 2007 b – Sergei Starostin. Indo-European glottochronology and homeland. – С.А. Старостин. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 821–826.
- Strahlenberg 1730 – F.-J. Strahlenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographisch Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemahls ans Licht gegeben Tabula Polyglotta von Zwey und dreysigerley Arten Tatarischen Völcker Sprachen und einen Kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charten con den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstischen so die Asiatisch-Scytische Antiquität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschafft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm: in Verlegung des Autoris.
- Szemerényi 1951 – Oswald Szemerényi. Iranica. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 101: 197–219.
- Szemerényi 1966 – Oswald Szemerényi. Iranica II. – Sprache 12: 190–226.

- Szemerényi 1968 – Oswald Szemerényi. The development *s* > *h* in Indo-European languages. – Sprache 14: 161–163.
- Szemerényi 1980 – Oswald Szemerényi. Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian – Skudra – Sogdian – Saka. – Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 371. Band. Veröffentlichungen der Iranischen Kommission. Band 9. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Tadmor 1994 – Hayim Tadmor. The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria. Critical Edition, with Introductions, Translations and Commentary. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities.
- Tomaschek 1881 – W. Tomaschek. Die Goten in Taurien. Wien: Alfred Hölder.
- Tomaschek 1888 – W. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden, I. – Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Bd. 116. Wien.
- Tomaschek 1889 – W. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden, II. – Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Bd. 117. Wien.
- Tomaschek 1899 – W. Tomaschek. Borysthenes. Pauly-Wissowa RE, Bd. III, Sp. 736–739.
- Trask 2000 – Larry Trask. Some issues in relative chronology. – Time Depth in Historical Linguistics. Volume 1. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 157–176.
- Tremblay 1998 – X. Tremblay. Sur *parsui* du Farhang-i-Ōim, *ratu-*, *pərətu-*, *pitu-* et quelques autres thèmes avestiques en *-u*. Essai de grammaire comparée des langues iraniennes III. – SI, Tome 27, fasc. 2.
- Troubetzkoy 1921 – N. Troubetzkoy. Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional. Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Tome XXII, fasc. 5. Paris.
- De Vaan 2008 – Michiel de Vaan. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden – Boston: Brill.
- Vasmer 1923 – M. Vasmer. Die Iranier in Südrußland. Leipzig: In Kommission bei Markert & Petters.
- Vogelsang 1992 – W.J. Vogelsang. The Rise and Organization of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence. Leiden – New York – Köln: E.J. Brill.
- Voigtlander 1978 – Elisabeth N. von Voigtlander. The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version. London: Lund Humphries.
- De Vries – De Tollenaere 1991 – J. de Vries – F. de Tollenaere. Met medewerking van A.J. Persijn. Etymologisch Woordenboek. Vijftiende druk, ver-

meerderd en verbeterd door dr. F. de Tollenaere. Utrecht: Het Spectrum.
Wackernagel 1896 I – J. Wackernagel. *Altindische Grammatik*. Bd. I. Lautlehre. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
Walser 1966 – Georg Walser. *Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis*. Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe. Berlin: Verlag Gebr. Mann.
Weissbach 1911 – F.H. Weissbach. *Die Keilinschriften der Achämeniden*. Leipzig: Hinrichs.
Whitney 1955 (1889) – William Dwight Whitney. *Sanskrit Grammar Including both the Classical Language, and the older Dialects, of Veda and Brahmana*. Eighth issue of the second edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; – London: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press.
Wikander 1938 – Stig Wikander. *Der arische Männerbund*. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund: H. Ohlssons Buchdruckerei.
Winckler 1893–97 – H. Winckler. *Altorientalische Forschungen I*. Leipzig: Verlag von Eduard Pfeiffer.
Yakubovich 2003 – Ilya S. Yakubovich. Review of: *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Proceedings of the British Academy, 116. Oxford: Oxford University Press, 2002. – *The Journal of Indo-European Studies*, vol. 21, nos. 3–4, 2003.
Yakubovich 2004 – Ilya S. Yakubovich. *Nugae Sogdicae II*. – *Turfan Revisited – The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road*. Ed. D. Durkin-Meisterernst et al. Berlin: Reimer, 393–397.
Zeuß 1837 – Kaspar Zeuß. *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. München: Bei Ignaz Joseph Lentner.
Zgusta 1955 – L. Zgusta. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha: Nakladatelství Československé Akad. Věd.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВОФОРМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ

**b^her*- 23
**d^he_u(H)*- 43
**dh₂n*- 91, 113
**dh₂p*- 91
**h₂enk*- 42
**h₂enkul*- 42
**h₁neh₃m_ṛ* 17, примеч. 25
**kaik*- 21, примеч. 38
**kaikerksās*- 21
**kaikrokseh₂es*- 21
**kais* 21, примеч. 38
**kes*- 21, примеч. 39
**kses*- 21, примеч. 39
ker-/ *kj*- 92
**k(e)rentero*- (?) 92
**k̑l̑ōu/ġl̑ōu* 17, примеч. 25

**lejp*- 73
**māīā*(?) 140
**min(e)h₁* 60
**ṛ-dhu-r*- 43
peh₂- 81
**peh₃(i)* 61, примеч. 83
**peṛ*- см. **peh₃(i)*
**per*- 82
**p^lh₁* 75, 82
**p^lth₂ú*- 82
**p^ṛh₂os* 82, примеч. 107
**róth₂o* 91, примеч. 117
**skeH*- 85
*(*s*)*ker*- 58
**spaksu*- 110, таблица

ИНДОИРАНСКИЙ

**abhi* 41
**aiša*- 27
**asura*- 17, 18, примеч. 26
**ćiazdh* 124, примеч. 178
**d^haH*- 82, примеч. 107
**g^ṛdhá*- 134, примеч. 204
*(*H*)*uarg*- 95
**jam*- 65
**jama*- 65
**mantu*- 46, 107, 111, таблица
**matsja*- 75
**min*- 60
**paish*- 6
pántaHs*/pathás* 80
**par*- 82

**parH*-/*prā*- 75
**Parśa*-/*u*- 136
**Parthu*- 136
**pat*- 77
**pādu*- 80
**ratha*- 91, примеч. 117
**ścidura* (?) 88
**śyHas* 85
**-tha* 134, примеч. 204
**ukṛta*- (?) 77
**ukta*- 77, 78
**uak*- 77
**ūarāz^h/j^ha* 22
**uāzra*- 72
**ž^h/j^hasra*- 17

ОБЩЕИРАНСКИЙ

**abi* 41
**ad*- 45

**āgunda*- 66
**akṛsaka* (?) 45

**amantuka* 45, 110, таблица
 **arima*- 52
 **ati*- 43
 **axrauřaka* (?) 45
 **ax^uā*- 83
 **āxš*- см. *Haxš*-
 **axšajna*- 61
 **-aya*- 53
 **āgarH*⁻¹ 42
 **āgarH*⁻² 42
 **āma*- 45
 **āmāda* 45
 **āpra*- 53
 **bar* 58
 **barg*- 95
 **čahrja*- 69
 **čarH*- 85, 94
 **daiH*⁻¹ 73
 **daiH*⁻² 73
 **daiHp*-/*diHp*- 73
 **danta* 74, 107
 **dauxš*- 27, 125, примеч. 180
 **Dūka*- (?) 74
 **duxš*- 27, 125, примеч. 180
 **gaja-dā*- 57
 **gaisa*- 20, примеч. 35
 **gaH*⁻¹ 57
 **gar*⁻² 57
 **garH*⁻¹ 49
 **garH*⁻³ 57
 **garH*⁻⁴ 43
 **gurH*- 43
 **hada*- 44
 **haminaka*- 60
 **handāma*- 66
 **har*- 54
 **harpa*- 54
 **hatja*- 54
 **haxā*- 55
 **humara*- 47
 **HaHsu* 43
 **Hai*¹ 65

**Hai*⁻²/*i*-/*ja* 44
 **Haid*-/*Hid*- 44
 **Har*⁻²/*Hr*- 53, 69 и примеч. 97
 **HauH*/*HuH* 49
 **Haxš*- 55
 **jā*- 65
 **-ik* 78
 **-ka* 45, 60, 69, 78, 81, 115
 **kad*- 70, примеч. 99
 **kafa*- 70, примеч. 99
 **ka(H)ud*- 72
 **kanH*- 70, примеч. 99
 **kani*- 68
 **kap/f*- 90
 **kata*- 69
 **kataka*- 69
 **kaup*¹- 90
 **kaup*²- 90
 **kerəřaru*- 68, 110, таблица
 **madu*- 74, 107
 **maiša*- 27
 **mantu*- 74, 107, 110, таблица
 **ma[s]šja*- 75
 **mazda*- 62, 63
 **mās-pərənā*-[*pṛnā*-] (?) 76
 **miθra-kāna*- 132, примеч. 200
 **mṛθra*- 132, примеч. 200
 **napāt*- 76
 **paH*¹- 54, 65, 79, 81
 **paH*²- 61, примеч. 83
 **paiša*- (?) 51
 **panča*- 81
 **paraśu*- 51
 **paru* 83
 **pati*- 76
 **paθi*- 61
 **pṛHnā*- 83
 **pṛHnā-ax^uā*- 83
 **pṛta*- 84
 **pra-raip*- 73
 **rafna*- 129, примеч. 187
 **Raha* 26, примеч. 45

- *rašana-* 96
**ripa-* 73, 119
**sar¹-* 85
**sar²-* 85
**sarH¹-* 85
**sarH²-* 85
**sarH³-* 85
**(s)kand-* 88
**skāp-* 90
**(s)kauda-* 72, 89 и примеч. 115, 111 и примеч. 149
**skud-* (?) 130-131
**spāda-* 106, примеч. 144
**spaka-* 59, примеч. 79, 67, 87, примеч. 112
**spana-* 59, примеч. 79, 87, примеч. 112
**spas/šu-* 110, таблица
**šarmi-* 96
**šaudya-* (?) 87, примеч. 113
**šjāua-* 87
**šjāuaka-* 87
**šjāuamaka-* 88
**šūah-* 60
**šūaka-* 59, примеч. 79, 87, примеч. 112
**sūra-* 59, 143
**tafna-* 129, примеч. 187
**tap-* 90
**tauH-* 94 и примеч. 121
**təpor(?)* 73, примеч. 103
**-tūa-* 99, примеч. 129, 103, примеч. 136
**uxšan-* 43
**uāič-* 65
- *uāij-* 65
**uāira-* 76
**uāktra-* 132, примеч. 200
**uār-* 78
**uāra-* 78
**uārHz-* 95
**uāri-* 78
**uāria-* 78
**uārūtra-* 58
**uaxša-* 43
**uāzra-* 72
**uāinda-* 66
**uāira-* 76
uθragna- 132, примеч. 200
**xad-* 70, примеч. 99
**xafa-* 70, примеч. 99
**xanH-* 70, примеч. 99
**x/kauda-* 70
**Xšaitafarna-(?)* 84, 110, таблица
**xšamH-* 61 и примеч. 83
**xšāH-* 55
**xšaHtar-(?)* 135
**xšaθra-* 86, 104, 132
**Xšaθraka-(?)* 86
**Xšaθrija-(?)* 117
**xšud-* 87
**xšuid-* 88
**x^dafna-* 129, примеч. 187
**x^dan-* см. **x^dar-*
**x^dar-* 52, 70, 119
**x^darja-* 70
**x^darnah(?)* 126
**x^darnahvahu-(?)* 83
**Yakšāmpāyah(?)* 61

ПРАВОСТОЧНОИРАНСКИЙ

- *āšu-* 43
**Bāxdrī-(?)* 131
**duydar* 118, примеч. 159
**hamīnaka-* 60
- *kanθaka-* 80
**kapa-* 68, 80
**Pādaka-* 79
**uīyda-* 65

ПРАЗАПАДНОИРАНСКИЙ

**uxta*- 77

ДРЕВНЕИРАНСКИЕ

АВЕСТИЙСКИЙ

<p><i>-aot-/vat</i> 49 <i>axšaēna</i>- 61 <i>aya</i>- 41 <i>ayra</i>- 45 <i>aiti</i>- 43 <i>aibī</i> 41 <i>aiβi</i> 41 <i>aiβiθūra</i>- 134 <i>ana</i> 46 <i>anaθaxta</i>- 134 <i>anasaxta</i>- 134 <i>aṇda</i>- 70 <i>airime</i>- 52 <i>auruuā</i>- 50, 69 <i>asu</i>- 50 <i>aspa</i>- 52, примеч. 72, 95 <i>Ašī</i>- 50 <i>ahura</i>- 17 <i>ahmākəm</i> см. <i>vaēm</i> <i>ahuuā</i>- 83 <i>aṇhuuā</i>- 83 <i>aṇhvā</i>- см. <i>aṇhuuā</i>- <i>āgar</i>- 42 <i>Āθβiia</i>- 54 <i>āp</i>- 135 <i>Āp</i>- 48, 56 <i>āp.saokəntauuaitī</i>- 90 <i>ā-mā</i>- 64 <i>ərəzifya</i>- 20, примеч. 33 <i>kata</i>- 69 <i>kərəsa</i>- 45 <i>xara</i>- 95 <i>xraoša</i>- 45 <i>xšqnmənē</i> 61 <i>xšuuīd</i>- 88</p>	<p><i>x^vaētu</i>- 55, 59 <i>x^vara</i>- 46 <i>x^varənah</i> 125, примеч. 180, 126 <i>gaēθā</i>- 59 <i>gaēθu</i>- 133 <i>gaēsa</i>- 19 <i>gaēsu</i>- 133 <i>gaodāiiāh</i>- 57 <i>gaodāiiu</i>- 57 <i>gaiiō.dā</i>- 57 <i>gəndərəβa</i>- 21 <i>gərəda</i>- 134, примеч. 204 <i>caθvāra</i>- 99, примеч. 129, 103, примеч. 136 <i>caṇraṇhak</i>- 69 <i>tak</i>- 91 <i>taxš</i>- 91 <i>tanū</i>- 92 <i>-tauuāh</i>- 92, 93 <i>tar</i>- 93, 135 <i>tauruuāiia</i>- 93 <i>Tauruuī</i>- 93 <i>tuuaṇt</i>- 84 <i>θraotah</i>- 135 <i>θraotō.stak</i>- 135 <i>θraotō.stāt</i>- 135 <i>θraxti</i>- 135 <i>θrā</i>- 94 <i>dānu</i>- 92 <i>darəs</i>- 41 <i>duuāēθa</i>- 134, примеч. 204 <i>duuāēšah</i>- 134, примеч. 204 <i>-diiāi</i> 124, примеч. 178 <i>paēs</i>- 6 <i>paēsa</i>- 90, 110, таблица</p>
--	---

paiaah- 61
paity- 76
paity.tavaah- 84
paraḍāta- 81, 97 и примеч. 123,
 98, примеч. 127, 110, таблица
parā 82, примеч. 107
parō 82, примеч. 107
pouru- 83, 128
pat- 77
paṭhñ- 76, примеч. 106
pad-/pād- 79
paṇṭā-/paṇ- 80
pauruuatāt 82
pā- 78
pārātu- 82, 84
pārəṭā- 82
pārəṭu- 82
fraṣṣta- 128
frāyah- 128
Vāxḍi- 115, 131, 133
band- 23
baṣṣra- 56
baṣṣri- 26, примеч. 47, 56
bərazī.pādō- 79
napāt- 76
nāfah 47
nurəṭ 47
maēt/θ- 140
maxš- 17
maḍaxa- 96
maḍu- 22
mantu- 46, 74, 107, 110, таблица
māiiā- 50
marəyā- 78
masiia- 75
mit/θ- 140
vaēya- 66
vaēm 83
vaxəḍra- 132, примеч. 200
van- 85
varāza- 22
varəsa- 141
varəṣna- 23
varəz- 66
vairiia- 78
vā(y)- 41
vi-naθ- 134
vī-nas- 134
vīra- 76
vouru- 76
ratu- 23, 82, 97, примеч. 123
ravan- 26, примеч. 45
Raṇḥā 26
rap- 53
rāiti- 44
rātay- 44
uruṭṣan- 58
uruṭṣar- 58
uruuāḍah- 134, примеч. 204
uruuāzā- 134, примеч. 204
uruuāzī- 135, примеч. 204
saoka- 90
sak- 134
sarah- 85, 92
sauua- 87, 93
sauuah- 87, 93
sātar- 134-135
sāstar- 135
siḏd- 124, примеч. 178
siḏdiia- 124, примеч. 178
siiauuu- 86
Siiauuaspī- 69
siiazd- 124, примеч. 178
sūr- 60
sūra- 59, 133, 135, 143
spaciṭra- 67
spas- 52, 90
sraxti- 135
zaraniia- 62
š(ii)ā- 89
ḥqmina- 60
har- 54
hazaṇra- 17
hāiti- 44

*hāta*y- 44
hu- 78
hupāta- 78

hū- 78
hunara- 47

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ (С МИДИЙСКИМ)

abiy 41
atāxam см. *vayam*
**Arta-uxta*- 77
Ἀρῶνδας 51
asa- 23, 52, примеч. 72, 95
Asagarta- 47
asabāra- 23
aspa- (мид.) 52, примеч. 72
Aspačana- 81
Aθura- 28, 142
axšaina- 61
Ba-ak-ši-iš 131, примеч. 199
Ba-ya-u 79
Bāxtri- (мид.) 29, 77, 131, 133
Čišpi- 81, 94
**Čiθravahišta*- 81
Čūšā- 17, примеч. 26
Dārayava^hu- 70, примеч. 99
dipi- 102, примеч. 134, 115
duvarθi- 129
farnah 126, 127
Gaubaruna- 70, примеч. 99
(H)uja- 17, примеч. 26
Narauvati- 46
hauma- 95
haumavarga- 78, 95
kāra- 9, примеч. 7
Māda- 74
Μάστοι 52
Μάσλειοι (мид.?) 52
Μάσλιοι (мид.?) 52
paiθ- 6
Parθava- 136

paru(v) 83
pāda- 79
-*pāvan*- 54
**Pāyavahu*- 79
**Pāyu*- 79
rautah- 135
Σατραβάτης (мид.) 104, 116, примеч. 157
skauθi- 72, 129
Skudra (мид.?) 31, 129-132
и примеч. 192 и 193, 144
Σπάκα (мид.) 67
**Tanūvazrka*- (?) 92
**tauatama*- (?) 93
Τεῦταμος 93
tunivant- 50
θarmi- 96
**θigra(ka)*- 129
-*varga*- 95
vayam 83
Vīⁿdafarna 45, 48, 51, 109, 111,
таблица
xauda- 72
**Xaudamant*- (?) 72
**xšaça*- (?) 116, примеч. 156
**xšaçaka*- (?) 116, примеч. 155
xšaçarpāvan- 86, 116, примеч. 155
**xšaθrapā*- 104, примеч. 140, 116
Xšaθrapāna 116
Xšaθrita 116 и примеч. 155
**xšaustra* (?) 116, примеч. 155
Xšayāršan- 50
Yauna 100

БОСПОРСКИЙ ИРАНСКИЙ (?)

Παιρισάδης 63, 79, 118

**šyati*- (?) 63

ΜΑΣΣΑΓΕΤΣΚΙΪ

Μασσαγέται 64

| Σπαργαπίσης 6, 51, 75

ΣΑΡΜΑΤΣΚΙΪ

Δάναπρις 53, 112, 119
Πουρθάκης 127
Σαάνων 87

| Σιάυακος 87
Σίανος 87

ΣΚΙΦΣΚΙΪ

**a-* (?) 41
**-a-* (?) 64, 123
άβί 41
άβιε 41
Άγάθυρσοι 41
Άγάθυρσος 41
Άγαρος 42
**aga-trša-* (?) 41
**Agdam-pāya-* (?) 65
άγλυ 42
**Agrasāka* 45
**adigar*(?) 43
άδιγόρ 43
**ādigar-* (?) 43
*Άκροσάκης 45
ΑΙΛΙΣ 44
αιόρ см. οióρ
Αióρπλατα см. Οióρπλατα
**Aminaka-* 60
**anayarši* (?) 47
Άνάριεϊς 46 и примеч. 70, 60,
примеч. 81
**anarya* (?) 46, 60, примеч. 81
**anāfa-ərəši-* (?) 47
Άνάχαρσις 90
**Anax'arəti* 46
**-anda-* (?) 69
**andaka* (?) 69
**andikara* (?) 43
Άνδριεϊς 46 и примеч. 70
άντακαϊός 47, 48

άνορ. 47
**ap-* 48
Άπί 56
Άπία 48
**arbu-* (?) 53
**arga-* (?) 49
**argauta-* (?) 49
Άργίμπασα 49
**argin* (?) 49
**argind-* (?) 49
*ΆρΓιμήασα 42, 49, 60, 93, 143
Άριάντας 51, 52, 70, 94, 109
Άριαπέιθης 52, 75, 78, 110,
таблица, 113
**ar(i)ya-* (?) 50, 51
**Ariyavant-* (?) 50
άριμα (?) 51
Άρίππασα 49
Άρίππασα 49
**Arvi-* (?) 50
**Arvimāyāsā'ū* (?) 50
**arp-* (?) 53
Άρπόξαις 45, 119
Άρτιμηασα 49, 50
Άρτίμπασα 49, 50
aryama- (?) 52
**Aryaraiša* 110, таблица
aspa- (?) 52, 67, примеч. 92
**Asū-* (?) 50
ΑΤΑΙΑΣ 54, 110, таблица
Άτέας 54, 110, таблица

Atheas 54
 **avahāta*- (?) 55
 Αὐχάται 52, 109, 111, таблица
Auchaetae 55
Auchetae 55
 **āp*- 48
āpra- 45, 53, 119
 **Āprasāka* (?) 45
Āsā- (?) 50
 Βαρουσθένης 56 и примеч. 77
 **bauru*- 56
 **baurustāna*- 56
 Βορουσθένης 53, 56, 112, 119
 **daryataia*- (?) 93
 **dāvajantī*- (?) 91
 **Φοιτόσυρος* 55, 59, 93, 109, 111, таблица, 143
 Ἐμίνακος/Ἐμινάκης 52, 60
 ἐνάρεις 46, 60, примеч. 81
 Ἐνάριες 46, 60, примеч. 81
 Ἐξαμπαίος 49, 110, таблица
 **farnah* 128 и примеч. 185
gaitosūra- (?) 59
 **gardana*- (?) 57
 **gan-/gn*- (?) 58
 **gau*- 69, 95
 **gau-rūta/rauta* 58
 ***gauṃarga*- 95
 Γελωνός 57
 Γέρροι 9, примеч. 7
 Γέρρος 57
 Γοιτόσυρος 59, 142
 **hadā-uxšan*- 43
 **hadī*- (?) 44, примеч. 68
 **hat/θja*- (?) 54, 110, таблица
 **hindu*- 143
 **honar* (?) 47
 **hu*- 62, 78
 **hu-marga*- (?) 78
 **hu-pājā*- 78
 **hucarza*- (?) 66
 **huxšaja*- (?) 62

Ἰάμαι 65
 Ἰγδαμπαίης 65, 77, 117, 118, примеч. 159
 Ἰδανθούρας 66, 108-109
 Ἰδάνθυρος 66, 108
 Ἰδάνθυρσος 41, 66, 108-109
 Ἰνδάθυρσος 66, 108-109
 Ἰνδάνθυρσος 66, 108
 -*ka* 69
 Καδοῦϊας 67
 Καδοῦϊδας 67
 ΚΑΝΙΤΑΣ 68
 ΚΑΝΙΤΗΣ 68
 ΚΑΝΙΤΟΣ 68
 **kapa*- 81, 109
 καρарύες 110, таблица
 **kasi* 72
 **kaθi*- 68
 Κατίαροι 69, 121
 **karəθawan*- (?) 70, примеч. 99
 Κολανδάκης 51, 109
 Κολάξαις 113, 119
 Κόπασις 90
 **krau*- (?) 72
 -ξαις (?) 53
 Λειπόξαις см. Λιπόξαις
 Λιπόξαις 73, примеч. 104, 119
 **Lūka*- (?) 74
 Λύκος (?) 74
 **-ma*- 64, 88
 **Madia*- (?) 74, 111, таблица
 Μαδύης 74, 107, 110, таблица, 111, таблица, 118
 Μάδус 74
 **maluwyam* (?) 75
 -μασποί (?) 52
 Ματυκέται 96
 **mazata*- (?) 63
 **mās* 75
Māya- (?) 50
 μελίτ.ιον 75
 μελόγιον 75

μέσπλη 42, 75
**minaka*- 60
Μυδής 74
Νάπης 76
Ναπίται 76
Ναπιτᾶν 76
Νάρες 46
Νιπόξαις см. Λιπόξαις
Νιτόξαις см. Λιπόξαις
Ἵοαρος 56, примеч. 76, 76
*Ο(α)ρν- 56
οιόρ 76
Οιόρπατα 78
Οιόσυρος 59, 142
Ἵοκταμασάδης 117, 118, примеч. 159
Ἵοκταμασάδης см. Ἵοκταμασάδης
**onar* (?) 47
Ἵορικός 58, 78, 111, таблица
Ἵορινος см. Ἵορικός
Ἵοριχος см. Ἵορικός
Ἵορίχος см. Ἵορικός
ὀρμάται 78
Παιρείσαλος см. Παίρισαλος
Παίρισαλος 118
Παίρισαλοῦς см. Παίρισαλος
**Pālaka*- (?) 79
Πάλακος 118 и примеч. 159
Πάλοι 80
Πάλος 80
**pālu*- (?) 80
**pāluka*- (?) 80
**Raṅṅi/aka-āp*- (?) 81
**Raṅṅtikapa*- (?) 81
rantī(?) 109
Παράλαται 7, 97 и примеч. 123, 110, таблица, 127
***paraθu*- (?) 51
**paθayah* 49, 61, 110, таблица
**paθnī*- 76, примеч. 106
**paγa*- (?) 49
**pāyah* (?) 49, 61, 110, таблица

Παντικάτης 68, 109
Παράλαται 97, 98, примеч. 127
**parustana*- 56
πατά 76
Προτοθύης 70, примеч. 99
Πρωτοθύης см. Προτοθύης
**prθu-tavaḥ* (?) 84
**prθu-tuvant* (?) 84
Ῥαπάκης 53
Σάιοι 84, 104, 123
Σαίταφάρνης 83, 84, 104, 110, таблица
**sana* 24, 85
*σανάπη 25, 85
σάναπτις 25, 85
**Sānavana*- (?) 85
Σάνευνος 85
Σαριακος 85, 143
Σατράκης 84, 104
**satrapā*- 104, примеч. 140
Σαυαίος 63, 86, 88
**Sauamaka*- (?) 88
Σαυδάραται (**Sawdarata*?) 123
Σαυλάιος 86
Σαύλιος 85, 87
Σαύμακος 63, 87
Silis 88, примеч. 114
Sinus см. *Silis*
**skidura*- (?) 88
Σκίλουρος 85, 118 и примеч. 158
**skīluru* (?) 88
Σκόλοτοι 89 и примеч. 115, 99 и примеч. 129, 111, таблица и примеч. 149, 112, 130, примеч. 196
Σκόπασις 90
**skuḍa*- 88, 89 и примеч. 115, 99, 111 и примеч. 149, 112, 131 и примеч. 198, 132-133, 144
**skula*- 88, 89, 99 и примеч. 129
Σκύλης 89 и примеч. 115, 111, примеч. 149
**Sōkapis*(?) 90

**spaka-* 67
spala- (Арахозия) 106, примеч. 144
Spalagadama (Арахозия) 106,
 примеч. 144
S/Špalahora 106, примеч. 144
S/Špaliriša 106, примеч. 144
**spanta-* (?) 61
**Spargaraiša-* 6, 90, 110, таблица
 Σπαργαρείθης 51, 75, 110, таблица
 σποῦ (?) 52, 110, таблица
**-ta(?)* 103, примеч. 136
 Ταβίτι 7, 91, примеч. 117, 92, 113
 Τάναις 58, 82, 91, примеч. 117,
 109, 112, 113
tanū- (?) 92
**θarantara-* (?) 92
**tarāriya-* (?) 94
 Τάρναις см. Τάναις
**tarūitaiyah-* (?) 93
 Τάξακις 94, 111, таблица
taṇatara- (?) 93
**tiḡrataiqa-* (?) 92
**Tiroxšaya* (?) 73, примеч. 103
 Τόξαρις 91, 111, таблица
**θrā-* (?) 94
 Τράπιες 94
 Τράπιοι 94
**θrāspi-* 94
 Τράσπιες 54
**Tṛaxšaka-* (?) 91, 111, таблица
**Tṛaxšara-* (?) 94
 Τύμνης 52
 Τύρας см. Τύρης
**Turasākata-* (?) 64
 Τύρης 94, примеч. 121

Τυρας см. Τύρης
 Θαγμασά 62
 Θαγμασάδας 60, 62, 63, 143
 Θαγμασάδης 62
 Θισαμάται 64, 123, 124 и примеч.
 178
θiš- (?) 64
**θišāmātā-* (?) 64
**Ugrasāka* (?) 45
**-ura* (?) 58
**ustāna-* 56
**uta-* (?) 49
**uaru-fštānā-* 56
**Uḡdam-pāya-* (?) 65
**vahu-* (?) 55
**-van* (?) 54
**-vant* (?) 50
**varg-* (?) 95
**varga-* (?) 95
**Varka-* (?) 74
**varu-* (?) 56, 76
**vār-* (?) 56 и примеч. 76, 76
**varaušθana-* (?) 56
**varu-stāna-* (?) 56
**vār-ustāna* (?) 56
**varuθana-* 56
**vātasura* (?) 59
**Vidant/Vi(n)dathuvarza-* (?) 66
**xarāspa-* (?) 95
**xšaija-* (?) 53, 62, 73, 104, 106,
 123
**x^haitu-* 52, 55, 59
**x^harya-* (?) 119

СРЕДНЕИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

АЛАНСКИЙ

ζρήν 62
 κάμ 62

| πάν 62
 | *spāna

БАКТРИЙСКИЙ

καδαγο 69
καδγο 69
κολαυο [kulah] 71
λαβιρ 102, примеч. 134
λιβι 102, примеч. 134

μιορανο 132, примеч. 200
*miždwan- 62
μοζδοοαο 62
μιορλο 132, примеч. 200
ορλαγνο 132, примеч. 200

ПАРФЯНСКИЙ

spāda 106, примеч. 144

СОГДИЙСКИЙ

c'βr 128
kpy 68
kt- 69
kt'k 69
kyn'k 24, примеч. 42; 44

mδw 23
s'γr 24
s'n 85
w'βr 128

СРЕДНЕПЕРСИДСКИЙ

ābīg 26, примеч. 47
babr 26, примеч. 47
babrag 26, примеч. 47
čahār 99, примеч. 129, 103,
примеч. 136
čarag 69
frēb 73

hāmīn- 60
kulāf 70
māγ 42
šan 85, примеч. 109
warān 78
wārān 76

ХОРЕЗМИЙСКИЙ

ckwndyk 72
mθx 96

saγm 24

ХОТАНСКИЙ

-*ev-* 53
hatāma- 128
haysān- 128
kata- 69
kava 68, 80
pau- 128

phara 128
pharu 128
phuva 128
sānā 85
svī 88
śaraima 71

НОВОИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ВАХАНСКИЙ

kut 69
-[*βi*]v- 53

-[*βi*]w-/ovd- 53
owd- 53

sirekh 24
skid 89, 111, 131, примеч. 198

| *sprəy* 90

ЙИДГА

-iw- 53
kʷei 69
ko/ap 68, 80
lad 74, 107

| *lidydo* 118, примеч. 159
vad- 66
velivo 73

КУРДСКИЙ

birā 88

| *sipa* 67

МУНДЖАНСКИЙ

kay 69
ko/ap 68, 80
-ov/-evd- 53

| *vod-* 66
vond- 66

ОРМУРИ

-aw- 53

| *čat* 69, примеч. 95

ОСЕТИНСКИЙ

arf 53
ægdaw 65
ærmæst 52
ærzæ 17
arf 119
arġawun 49
arġud 49
baræg 23
bon 62
daryn 124
færæt 51, 96
ford 82
fyn 129, примеч. 187
fun 129, примеч. 187
fūrd 82
gæn 85, примеч. 109
gænæ 85, примеч. 109
gesæ 20, примеч. 35
kæf 68, 80

| *kæntæ* 22
k'elæ 88
kom 62
mætyx 96
minæg 60
myræg 60
qīs 20, примеч. 35
rætæn 96
rod 58
rūd 58
run 129, примеч. 187
ryn 129, примеч. 187
sæn 25, 85, 142
sænæ 25, 85, 142
sær 92
sæwmtæ 88
saw 124
sawdar(æg) 124
(s)k'elæ 88

sk'ıl 88
sk'ud 89, 131, примеч. 198
sk'ıyd 89, 131, примеч. 198
soj 59, примеч. 79
sojınæ 59, примеч. 79
son 85
talm 96

tyn 129, примеч. 187
tunæ 129, примеч. 187
wær 78
wærikkæ 78
wærykk 78
zærın 62
zærınæ 62

ПАРАЧИ

-*ew-* 53

ПАШТО

adūm 66
aγar 42
āγund- 66
-*aw-* 53
čat 69, примеч. 95
palai 79
sary 24
srai 59, примеч. 77, 67
spor 23

zər 17
kab 68, 80
kanday 80
kəlai 69
maláx 96
maž 27
mənaγ 60
war 107, примеч. 147
yun 65

НОВО- И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРСИДСКИЙ

angal(a) 42
angıl 42
angıl(a) 42
čehår 99, примеч. 129, 103,
примеч. 136
Čangašāh 107, примеч. 146
xud 70
Xusrōēšāh 107, примеч. 146
kād 69
kolah 70
kulāh (новоперс.) 70
rasan 96

rūda 58
lab 118
maryzār 78
malax 96
nax 83
sabz 64
sarj 24, примеч. 44
sarv 96
seg 67
sōgand 90
šan 85, примеч. 109
hunar 47

САРЫКОЛЬСКИЙ

siregh 24

СИВЕНДИ

esbe 67

ШУГНАНСКИЙ

šičend- 88

| *x^vičand-* 88

НЕИРАНСКИЕ АРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩЕАРИЙСКИЙ

**mekš-* 17

| **sindhu-* 143

ПРАИНДОАРИЙСКИЙ

**akṣamapaṇa-* (?) 61

**giri-* 72

**Idamṛṣa-* (?) 66

**Kadvida-* (?) 67

**pālaka-* (?) 79

| **syūtra-* 124, примеч. 178

**śyazdh-* 124, примеч. 178

**tamimazd(h)ā-* (?) 63

**tīrvā-* 94, примеч. 121

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ

āgra- 45

acakravṛtta 16

ātya- 54

ānta- 47

andhā- 70

āndhas 51

abhi 41

ar- 53

arghā- 49

arpay- 53

āsva- 95

āsvin- 69

āsura- 17

asuryā- 16

asmākam см. *vayām*

ā- 78

āmād 45

āryakṛtī- 16

āśā- 50

ā-sad- 63, 78

-ura 58

urú- 76

| *ūtī-* 49

ūrj- 66

ūrdhvā 103, примеч. 135

ūrdhvākapālā- 16

ṛjiryā- 20, примеч. 33

ṛtú- 23

ṛbhí- 53

ṛbhukshán 53

kāya- 47

kāś- 68

kāśí- 68

kúlālakṛta- 16

késa- 19

késara- 20, 21

kovida- 67

kruś/kroś- 45

kṣam- 61 и примеч. 83

kṣamá- 61 и примеч. 83

kṣud- 87

khāra- 95

gaṇḍīra- 58

gārjara- 58

gandharvá- 21
gandharvavivāha- 22
grhá- 134, примеч. 204
gódhāyas- 57
cakrávṛtta- 16
chidura- 88
tanū- 92
tapanī 16
tam- 63
tar- 94
tavás- 84, 92
tavástara- 93
-ti 90
tīvrá- 94
tu- 94
turá- 94
trā- 94
dānu- 92
dī- 73
dū- 91
devapātra- 16
doṣa- 133, примеч. 202
dhī- 73
dhūti- 90
-dhyai 124, примеч. 178
nāpāt- 76
ṇṣpāyua- 78
pāti- 76 и примеч. 106
pātnī- 76, примеч. 106
pānthā-/pathi-/path- 80
-paṇa- 53
pāyas- 61 и примеч. 83
paraśú- 96
pārīṇas 126
pātra- 16, 127
pādi- 80
pāduka- 80

pāyú- 79
Pāyú- 79
pālaka- 80
purá 82, примеч. 107
purú- 83
puróhita- 82 и примеч. 107
pūti- 128
pṛthú- 82
prātá- 82
bandh- 23
babhrú- 56
bábhruka- 56
Bāhlika 115
bhar- 23
Bharama- 64
mākṣ- 17
mátsya- 75
madgú- 42
mádhu- 22
mántu- 46, 74, 107
maharṣi- 46
mātár- 140
māyā- 140
Māyā 140
māsa- 75
mināti 60
medhā- 63
yāma- 65
yāma- 65
raśanā- 96
lipi- 115
van- 85
vayám 83
varaṇa- 22
varāhā- 22
várga- 95
várya- 78

vālśa- 141
vār- 76
vāraṇá- 22
vi-naś- 134
vī- 41
vīrá- 76
vṛṣan- 23
véga- 66
vairahatyá- 76
Śaka- 103, примеч. 135
śaṇá- 85, примеч. 109
śámī- 63
śárman- 71
śávas- 87
śáṣpa- 64
śāstár- 135
śíras 85, 92
śiṣ- 64, 124 и примеч. 178

śúra- 133, 143
śodhya- 87, примеч. 113
śyāva- 86
śvás 88
sad- см. *ā-sad-*
śádevā- 16
sadevatvá- 16
sar- 64, примеч. 89
Sarāmā- 64
sarpá- 54
sahá 44, примеч. 68
sahásra- 17
sú- 78
sūtra- 124, примеч. 178
sedh- 124, примеч. 178
sthālī- 16
sraktī- 135
srótas- 135

МЕОТСКИЙ

Μαιῆται 140
Μαῖται 140

Μαιῶται 140
Τιργαταῶ 92

МИТАННИЙСКИЙ АРИЙСКИЙ

ṁa-śa-an-na 140

НОВОИНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ХИНДИ

Maha-Mai 140

ПРОЧИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ЛИДИЙСКИЙ

Šfard- 112

ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

ТОХАРСКИЙ А

āti 43
kursār 68, 110, таблица

warpiske 103, примеч. 135

ΤΟΧΑΡΣΚΙΪ Β

kursar/kwarsär 68, 110, таблица | *werpiške* 103, примеч. 135

ΑΡΜΥΑΝΣΚΙΪ

angl 42
berem 23
gini 58

tawn 91
Vahounik' 55, примеч. 74

ΓΡΕΧΕΣΚΙΪ

ἀγα- 41, 42
ἀγακλεής 42
ἀγκύλος 42
ἀθήρ 51, 70, 92
Ἀθρῖται 102
αἰγυλιός 20, примеч. 33
ἀκινάκης 24
ἄκρος 45
Ἀμύργιοι 78
*ἀναχαίρω 47
ἀνθερίξ 51, 70, 92
ἄνθος 51
ἀποστάντες 64, 125
Ἀραχωσία 46
Ἀρταῦκτης 77, 117
Ἀρνάνδας 51
Ἀσπαθίνης 81
-άτᾱ- 55
Βάκτρα 77, 117
βαρύς 56, примеч. 77
γένος 121 и примеч. 162
γεωργοί 95
Γωβρύης 70, примеч. 99
Δαρεῖος 70, примеч. 99
Διοπείθης 51
ἐπιχαίρω 47
ἐπίχαρσις 47
Γορφαία 100
ἥρως 9, примеч. 7

Θευσαρης 102
Θῆβαι 102
θύρσος 42, 66
Ἴνδοί 144, примеч. 216
Ἴνδική 144, примеч. 216
Ἴνταφέρνης 45, 48, 51, 108, 111,
таблица
Ἴνταφρένης 51, 109, 111, таблица
Κένταυροι 21
κέρας 92
κρύος 72
λογογράφος, λογογράφοι 29,
примеч. 50
λογοποιός 29, примеч. 50
λύκος 74
μαῖα 140
Μελάγγλαινοι 124
μινύθω 60
μοῖρα 89
νέμω 96
νόος 47
νοῦς 47
ξαθράπης 86
ξατράπης 86, 116
Ξέρξης 70, примеч. 99
Ὀδυσσεύς 97, примеч. 125
οἰκέω 96
Ὀλυσσεύς 97, примеч. 125
ὄναρ 47

Οὔξιοι 17, примеч. 26
παιάν 79
παιών 79
πάππα 81
πάππος 81
-πείθης 6, примеч. 4, 51
πιλοφορικοί 71
ποιμήν 81
Πυρετός 82
Ῥᾶ 26 и примеч. 45
ρόος 57
Σαγαρτία 47
σατρέπης 86, 116, 117
Σκόλοτοι 28, 89, примеч. 115, 99 и
примеч. 129

Σκύθης 89
Σκύθαι 28, 89 и примеч. 115, 99 и
примеч. 129, 101, примеч. 132,
111, примеч. 149, 131, 144
-σθένης 56
σθένος 56
Σόγδιος 77, 117
Ταννοξάρκης 92
ταῦρος 21
Τείσπης 81, 94
τιάρα 68
Τιθραύκτης 81
φέρω 23
φρήν 109
Ὠλίξης 97, примеч. 125

ФРАКИЙСКИЙ

Ἀμάδοκος 46
-δοκος 46
ζίλαι 85

σανάπαι 85
Σάτραι 124, примеч. 175, 132

АЛБАНСКИЙ

agój 42
agume 42

bie 23

ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАЛАТИНСКИЙ

**kairksās*- 21

**kairsās*- 21

ЛАТИНСКИЙ

acīnacēs 44
Caesar 20
**caesar* 20, 21
caesariēs 20, 21
celare 70, примеч. 99
cervus 92
Codomannus 72
daps 91

ferō 23
Kaesō 20
levir 97, примеч. 125
minuere 60
-*onem* 103, примеч. 135
plena 75
Ulixes 97, примеч. 125

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩЕРОМАНСКИЙ

-one 103, примеч. 135

**ratone* 103, примеч. 135

**razone* 103, примеч. 135

ИСПАНСКИЙ

avión 103, примеч. 135

camión 103, примеч. 135

-ón 103, примеч. 135

ratón 103, примеч. 135

razón 103, примеч. 135

ФРАНЦУЗСКИЙ

Gascon 9, примеч. 7

guerre 9, примеч. 7

Vasco 9, примеч. 7

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЙ

berid 23

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАГЕРМАНСКИЙ

**albi/a* 54

**skalks* 89

**werra* 9, примеч. 7

ПРАЗАПАДНОГЕРМАНСКИЙ

**paþa* 81

ДРЕВНЕСЕВЕРНЫЙ

tafn 91

ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ

angul 42

ГОТСКИЙ

baíra 23

gards 134, примеч. 204

АНГЛИЙСКИЙ

path 81

shear 89

shoot 89

war 9, примеч. 7

НЕМЕЦКИЙ

Busen 57

Brust 57

Hanf 85, примеч. 109

Heer 9, примеч. 7

hehlen 71

Hülle 71

ohne 46

Pfad 81

scheren 89

schießen 89

Schütze 89

Wehr 9, примеч. 7

НИДЕРЛАНДСКИЙ

pad 81

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ЛИТОВСКИЙ

gar̃das 134, примеч. 204

generolas 103, примеч. 135

kāpas 68

motė 103, примеч. 135

moteris 103, примеч. 135

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАСЛАВЯНСКИЙ

**šatriti* 86, 104, примеч. 140

**chol-* 89

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ

berŭ 23

gradъ 134, примеч. 204

ДРЕВНЕРУССКИЙ

братия 99, примеч. 129

кѡлие 99, примеч. 129

РУССКИЙ

бильярд 10, примеч. 10

братья 99, примеч. 129

бульон 10, примеч. 10

генерал 103, примеч. 135

деверь 97, примеч. 125

колья 99, примеч. 129

конопля 85, примеч. 109

мать 103, примеч. 135

пестрый 6

писать 6

портфель 10, примеч. 10

холоп 89

холостой 89

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

АККАДСКИЙ

Artasari 17, примеч. 26

Artasirari 17, примеч. 26

asguza 28, 98-99, 130

^D*as-sa-ra* 17, примеч. 26

Ašguz- 111, примеч. 149

ašguza (Aš-gu-za-a-a) 28, 89 и
примеч. 115, 98, 130

Ašpabāra 67, примеч. 92

Aššur 28, 141

Bartatua 84

Ispabāra 67, примеч. 92

Iš-ku-za 89

Iškuzāia (Iš-ku-za-a-a) 28, 89, 99, 130

Išpabāra 67, примеч. 92

ka-áš/kaš-ta-ri-ti 116

^D*ma-za-áš* 17, примеч. 26

sa-tar-pa/ba-nu 116

sa-ti-ri-a-a 117

Šik/graki(Ši-ik/g-ra-ki) 129

t/ṭuppu(m) 102, примеч. 134

Tik/grakki (Ti-ik/g-ra-᠎ak᠎--᠎ki᠎) 129 | ^mÚ-᠎ mi-in-ta ᠎-par-na- 109,
^mÚ-᠎ mi ᠎-in-ta-pa-ar-na- 109, | примеч. 148

АРАМЕЙСКИЙ

ššmr 116, примеч. 156

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ

Aškūz 112

'šknz 112

'škwz 112

МИНЕЙСКИЙ

MDY 102

НАБАТЕЙСКИЙ

DWŠR 102

АРАБСКИЙ

sarj 24, примеч. 44

Dahbān 102

Udra 102

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАСЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ

**čirqā* 24

**k(w)išwi/ə/a* 21

**swñē* 25, 85

ПРАВОСТОЧНОКАВКАЗСКИЙ

**GwēzV* 20

**māldwV* 23

**ɥaran/l-* 22

**uēlθi* 141, 142

**wěrsē* 22

**wHārᶇwə* 22

ПРААНДИЙСКИЙ

**B^wisV* 20, примеч. 35

АВАРСКИЙ

basi 22

burtina 141

saní 85

warani 22

АРЧИНСКИЙ

bošor 23

warti 141

БАГВАЛИНСКИЙ

mer 23

ГОДОБЕРИНСКИЙ

medi 23

ДАРГИНСКИЙ

walri 22

warhi 141

warse 141

	ЦЕЗСКИЙ	
<i>beḷo</i> 22		
	ЛАКСКИЙ	
<i>burḵ</i> 22		<i>warani</i> 22
<i>ciqa</i> 24		<i>warsi</i> 141
<i>sunū</i> 85		
	ЛЕЗГИНСКИЙ	
<i>ciṛχ</i> 24		<i>lit</i> 141
<i>lawar</i> 22		<i>med</i> 23
	ПРАНАХСКИЙ	
* <i>ṡārċiw</i> 20, примеч. 33		*- <i>in</i> 24
*= <i>ṡāχ-in</i> 45, примеч. 69		* <i>kan(a)t</i> 22
* <i>ford</i> 82		* <i>neḵV</i> 24, 44, 45, примеч. 69
* <i>hāhḵi</i> 24, 44		* <i>qēs</i> 20
* <i>hāhḵinig</i> 44, примеч. 69		* <i>vāri</i> 22
	БАЦБИЙСКИЙ	
<i>ṡajhḵi</i> 44		<i>juḡmatt</i> 22
<i>borš</i> 23		<i>ḵnat</i> 22
<i>buruḵ</i> 22		<i>mott</i> 22
<i>daḡē</i> 45, примеч. 69		<i>vajri</i> 22
<i>juḡa</i> 22		
	ИНГУШСКИЙ	
<i>dṡäḡa</i> 45, примеч. 69		<i>qes(кхес)</i> 20
<i>ford</i> 82		<i>vār</i> 22
<i>ḵant</i> 22		
	ЧЕЧЕНСКИЙ	
<i>borš</i> 23		<i>husamdā</i> 22
<i>börša</i> 23		<i>kow</i> 22
<i>ceṛg</i> 22		<i>ḵant</i> 22
<i>ceṛgkow</i> 22		<i>qes(кхес)</i> 20
<i>dā</i> 22		<i>qēsar-</i> см. <i>qes</i>
<i>deḡa</i> 45, примеч. 69		<i>vēre</i> 22
<i>hord</i> 82		<i>werta</i> 141
<i>husam</i> 22		
	ТАБАСАРАНСКИЙ	
<i>med</i> 23		<i>verč</i> 141
<i>maIj</i> (дубекский диалект) 23		
	ПРАЗАПАДНОКАВКАЗСКИЙ	
* <i>s^(v)ana</i> 24		
	ПРААДЫГЕЙСКО-КАБАРДИНСКИЙ	
* <i>saná</i> 142		
	АДЫГЕЙСКИЙ	
<i>sāna</i> 25, 85, 142		<i>sānas^və</i> 25

Сунт 22
sāna 25, 85, 142

КАБАРДИНСКИЙ
| sānafə 25

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

*bandy- 23
| *rdo- 23

bandy- 23
dro 23
| zutxi 48

MEГРЕЛЬСКИЙ
| rdo- 23
Zütchi 48
| zutxi 48

Angiachia 48
anžakia 48
bondy- 23
Porōnci 48

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРАУРАЛЬСКИЙ
| *kälz 17, примеч. 25
| *nime 17, примеч. 25
| *nulkz 19
| *so/a/eksz 19

ПРАФИННО-УГОРСКИЙ
| *asðrз 17
| *mekše 17
| *me[n]čз 19
| *nakrз 19
| *näŋVз 19
| *nukše 19
| *śarsa 17
| *śasra 17

ВЕНГЕРСКИЙ
| mēh 17
| nyuszt 19

МАНСИЙСКИЙ
| ātər 17
| mansin 19
| mänšəm 19
| nēr 19
| nēr 19
| noks 19
| otər 17
| otər 17
| tēt 19

ХАНТЫЙСКИЙ
| naγər 17
| naχər 17
| nälkj 17
| nāŋk 17
| nōγəs 17
| śārəs 17
| t'ārəs 17
| t'ōrəs 17

ПРАФИННО-ПЕРМСКИЙ
| *ajša 27
| *lüps-tV 27
| *wišз- 27

КОМИ

lištjini 27, 125, примеч. 180
mež 27
ňol 19
ňia 19
ňil 19
ňiv 19
ňiz 19

ozjir 17
ozjir 17
ož 27
suspu 19
šurs 17
vež 27
vož 27

ЛИВСКИЙ

na'ggār 19

МАРИЙСКИЙ

lüštáš 27, 125, примеч. 180
nulyo 19
nūlyo 19

mež 27
müks 17
užár 27

МОРДОВСКИЙ МОКША

azor 17
ažjä 27
lofca 27

meš 17
Rav 26, примеч. 45

МОРДОВСКИЙ ЭРЗЯ

azor 17
azoro 17
ažija 27
lovso 27

mäks 17
meks 17
Ravo 26, примеч. 45
ožo 27

УДМУРТСКИЙ

ňal-pê 19
ňal-pu 19
ňil-pu 19
šurs 17
šurêš 19
uzêr 17

uzjir 17
uzjir 17
vaiž 27
vajiž 27
vož 27

ФИНСКИЙ

lypsää 27
metso 19
mehiäinen 17
mehiläinen 17

nakris 19
nauris 19
vasara 72
vihreä 27

ЭСТОНСКИЙ

metsis 19
nagr 19
nairis 19

nakr 19
nugis 19
vasar 72

СИНО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ

**sok-žək* 42, примеч. 67

АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

МАЛАГАСИЙСКИЙ

trosa 133, примеч. 202

НЕКЛАССИФИЦИРОВАННЫЕ ЯЗЫКИ

ЭЛАМСКИЙ

Ik-šá-šá-qa 116, примеч. 155

'Mi-in-da-pár-na 109, примеч. 148

šá-ak-šá-ba-ma-na-me 116,
примеч. 155

Šá-ak-šá-qa 116, примеч. 155

Šá-at-tar-ri-tá 116, примеч. 155

Šu-šá-an 17, примеч. 26

Šu-iš-tur-ra 116, примеч. 155

tuppi 102, примеч. 134

Uk-šu-iš-tur-ra 116, примеч. 155

ШУМЕРСКИЙ

dub 102, примеч. 134

БАСКСКИЙ

abioi 103, примеч. 135

arratoi 103, примеч. 135

arrazoi 103, примеч. 135

katioi 103, примеч. 135

-oi 103, примеч. 135

SUMMARY

Sergey Kullanda in his book *The Scyths: Language and Ethnogenesis* analyses the extant remnants of the Scythian language preserved by various ancient traditions and modern tongues from the historical and ethnocultural angles. Chapter I *Scythian prehistory* outlines the prehistory of Indo-Iranians and Iranians from the evidence of historical linguistics and written sources. It appears that Indo-Iranian and later Common Iranian speakers inhabited the steppe and forest-steppe areas and were in contact with the Finno-Ugrians on the north and North Caucasians on the south. Hence it can be surmised that their homeland was situated no further east than the Caspian Sea and the Ural River.

Chapter II *Scythian culture and language* deals primarily with the analysis of the archaeological data and written sources pertaining to Scythian history. The provenance of such markers of early Scythian material culture as twin ritual bronze knives, mushroom- and stick-shaped fasteners, bimetallic battle-hammers, stirrup-shaped bits, mirrors with a loop-shaped handle, and stone dishes indicate that the Aral Sea area was the starting point of Scythian migrations. The same conclusion can be inferred from the analysis of the accounts of classical authors. The major part of the chapter consists of a comprehensive Glossary of the Scythian wordstock underlying further study.

Chapter III *Scythian history from the linguistic data* focuses on the use of linguistic materials for the study of Scythian ethnocultural history. It is argued that, despite the scarcity of the relevant data, a fairly adequate description of Scythian phonetics and linguistic contacts with other languages can be achieved. The original wordstock and borrowings are distinguished as well as Scythian loanwords in other languages. Judging by regular phonetic correspondences, Scythian belonged to the Southeast branch of Iranian languages, together with Bactrian and Pashto, and differed markedly from Sarmatian.

The most distinctive trait of Scythian phonetics is the change $d > \delta > l$, cf. Scythian Παράλαται, the name of the Scythian royal caste, and Avestan *paraḍāta*, the mythical dynasty of kings. There is also the change of the $*xš$ -cluster into a sibilant in the initial position. Thus, the famous Olbian decree in honour of a certain Protogenus mentions the tribe of Σάϊοι (from Iranian $*xšaja$ - ‘king’) and its king Saitapharnes (Σαιταφάρνης, from Iranian $*Xšaitafarna$ -, ‘[Possessing of] a bright/regal farnah’). The same change can be seen in the name of Σατράκης, the king of Central Asian Scyths, a contemporary of Alexander the Great mentioned by Arrian (Anab. Alex. IV, 4, 8). These examples can neither chronologically nor geographically pertain

to the Sarmatians. Moreover, the initial $Xš-$ of Sarmatian proper names is invariably rendered as Ξ : cf., for instance, $\Xi\acute{\alpha}\rho\theta\alpha\nu\omicron\varsigma$, $\Xi\alpha\iota\omicron\rho\sigma\acute{\alpha}\zeta\eta\varsigma$, etc., as well as the Ossetic reflex xs .

The Scythian change $*s > \theta$ instead of the standard change $*s > s$ can be seen in the second part of the names of Scythian kings recorded by Herodotus, Ἀριαπειθης (Herod. IV 76, 78) and Σπαργαπειθης , being clearly the reflex of Common Iranian $*pāiša-$ ‘outlook’. True, it is believed that θ -emerged in these names under the influence of Greek names with the element πειθης (Διοπειθης , etc.) Yet some words showing the change $*s > *θ$ (and finally t) were borrowed by Ossetic, for instance, $f\acute{a}r\acute{a}et$ ‘axe’ from $*para\thetau-$, going back to Common Iranian $*paraśu-$, etc.) where they should be treated as Scythian loanwords: the regular Ossetic reflex of $*s$ is s .

Judging from the rendering of the name of the Scyths both in Greek and Akkadian, by the time of Scythian campaigns in the Near East Common Iranian $*d$ had already changed to Scythian δ . However, Herodotus (I 103) mentions Μαδύης , the Scythian king of the 7th century BC. It means that at the same time Scythian had a plosive d not going back to Common Iranian $*d$. This fact can be accounted for by the change $*nt- > d$, typical of Southeast Iranian languages, cf. Yidga lad ‘tooth’ $< *danta-$, etc. In this case the name of Μαδύης should be explained as the reflex of Indo-Iranian $*mantu-$ (cf. Avestan $mantu-$, Old Indian $mantu-$ ‘counsellor; ruler’), not of Iranian $*madu-$ ‘honey; mead’. Scythian forms showing, according to generally accepted etymologies, $d- < *d-$ and $nt- < *nt-$ can be explained differently. Thus, the name of the Scythian king Idanthyrsos is recorded as Ἰνδά(ν)θυρσος in some of Herodotus’ manuscripts, and Common Iranian $*d$ survived in Scythian in the $*nd-$ cluster, etc.

The Scythian wordstock shows certain deviations from regular phonetic correspondences. Thus, the first part of the name of the king of Scythia Ὀκταμασάδης (Hdt. IV 80), Ὀκτα , seemingly renders either Aryan $*ukta$ or West Iranian $*uxta-$ ‘said, proclaimed’ (past participle from vak) but certainly not the East Iranian reflex of Aryan $*kt$, i.e. $\gamma\delta-$ (Ἰγδαμπαης , Σόγδιος , etc.). There is also some circumstantial evidence in favour of a non-Scythian origin of Octamasades’ name, i.e. the fact that it was borne by the son of the king of the Sindoi mentioned in an inscription from the Taman peninsula. Ταβίτι , the Scythian name of Hestia, the goddess of the hearth (Hdt. IV 59), is traditionally traced to the Iranian stem $*tap-$ ‘to burn; to heat’ though $-\beta-$ could hardly represent Iranian $-p-$. In this connection Holzer’s hypothesis of the existence of a certain Indo-European language reflecting Indo-European (including Indo-Iranian) unvoiced consonants as voiced and vice versa in early Eastern Europe is worth noting. It seems likely that the name of Tabiti was a substrate borrowing cognate to

the Indo-European stem **dh₂p-* ‘sacrificial meal’ (cf. Latin *daps* ‘sacrificial meal, feast’, Armenian *tawn* ‘feast,’ Old Icelandic *tafn* ‘sacrificial animal, feast,’ etc.), which does not contradict the image of the hearth goddess. The first part of the Scythian word **σανάπη* (*σάναπτιν* in the manuscript, *σανάπην* is Scaliger’s conjecture) ‘drunken woman’ recorded by Hesychius, i.e. *σανά* (the second part seems to be a reflex of the Indo-European stem **peh₃/ph₃* ‘to drink’), meaning ‘wine’ (cf. Ossetic *sæn/sæncæ* ‘id.’), can be traced to Proto-North Caucasian **swǝnē* ‘barberry; currants’ (Avar *sani* ‘barberry’, Lak *sunū* ‘pomegranate’, Adyghe *sāna*, Kabardian *sāna* ‘grapes; wine’) and, judging from its phonetic form and semantics, is a West Caucasian borrowing. It was also adopted, probably via Scythian, by the Thracian language; it seems all the more likely since the Thracians had their own word for wine: ζῖλαι. The word ἀκινάκης used by Herodotus to call Persian and Scythian swords cannot belong to the inherited Indo-Iranian wordstock where **ki* would have become *ci*. In Greek it is regarded as a loanword, either Iranian or Pre-Greek, with no suggested etymology. The word can be traced back to Proto-Nakh **hāh₁kīnekV* ‘iron *knife*’: **hāh₁kī* ‘iron,’ cf. Batsbi *ʒajh₁kī* ‘id.’ + suffix forming adjectives in + *nekV* ‘knife’, cf. Batsbi *nek* ‘knife’. The combination **hāh₁kī+in* accounts for the long iota in the Greek loanword *acīnacēs* implied by Latin prosody: it is the last word in the first line of Alcaic hendecasyllabic verse (Hor. Od. I, 27, 5) where the antepenultimate syllable is necessarily long.

The Scyths proper also contacted with the speakers of East Caucasian languages as evidenced by the phonetics of an Iranian loanword in East Caucasian, reconstructed as **uǝlθi* ‘felt; felt cloak’ (Archi *warti*, Tabasaran *verč*, Lak *warsi* ‘felt cloak’, etc.) – cf. Avestan *varəsa-* ‘hair,’ Old Indian *valśa-* ‘shoot; branch; twig.’ As indicated by S. Starostin, the phoneme **θ* can be reconstructed for a small number of East Caucasian stems, probably borrowings). In the source-language etymon in question it clearly goes back to **ś* < Indo-European **k̑*. Among the recorded Ancient Iranian languages the change **ś* > *θ* is characteristic only of Old Persian and Scythian. But the language of the ancestors of Persians still had **ś* when they had come to the Near East; otherwise they would not adopt the name of Assyria, i.e. *Aššur* as **Ašura*, hence Old Persian *Aθura*, given the presence in their language of *s* and *š* sibilants far more resembling the Akkadian phoneme. It appears therefore that the East Caucasian form could not be borrowed from Proto-Old Persian and Scythian remains the only likely donor language.

It seems likely that the ethnic name *Skudra/ā* known from Old Persian inscriptions and identified with the Thracians was the Median rendering of the early form of the Scyths’ name, **Skudā*, all the more so since there is yet another example of Eastern Iranian *δ* (*ḍ*) rendered by the “dental + *r*”

cluster in a Western Iranian language, namely the ‘Median’ *Bāxtrī-* corresponding to the Avestan *Bāxδī-*. The irregular correspondence *xtr-* – *xδ-* has not been explained convincingly. Given the two above-mentioned Median renderings of Eastern Iranian proper names, it can be assumed that the Medians, like the Greeks and the Assyrians, merely tried to imitate the sound of the foreign phoneme *ǰ* rendering it in an intervocalic position as a cluster of a voiced dental stop and a resonant (*dr*), and in a position after a voiceless consonant *x* as a cluster of a voiceless dental stop and a resonant (*tr*). The Scythian ethnic name could be transferred to the Thracians since there existed close links between the two nations. Thus, Hecataios and Herodotus mention the Thracian tribe Σάτραι, whose name is clearly a reflex of Iranian *xšaθra-* with a Scythian *xš-* > *s-* change in the initial position. It can be surmised that the process was somewhat similar to that of the Eastern Slavs acquiring the Scandinavian name Rus, the Slavic Bulgarians their Turkic name or the Romanized population of the would-be France their Germanic name.

Words of presumably Scythian origin can also be traced in Avestan. They show phonetic evolution differing from the Avestan proper. Thus, Kersaspa is called both *gaēsu* ‘curly’ (Y. 9, 10) and *gaēθu* ‘id.’ (Yt. 13, 61; 136), besides *sūra-* ‘strong, powerful’ (cf. Old Indian *śūra-* ‘id.’) one encounters *aiβi-θūra-* ‘mighty’ (Yt. 10, 6; 78; 13, 40; 75; Y 1, 18; 4, 6; 65, 12), etc. The *s/θ* are reflexes of Indo-Iranian **ś* (< Indo-European **k*). Among the recorded Ancient Iranian languages the change **ś* > *θ* is characteristic of Old Persian and Scythian. It can be shown, however, that these words are not Old Persian. The initial cluster *θr-* of the relevant Avestan lexical layer, going back to Indo-Iranian **sr*, is reflected differently in Old Persian where it shows the change **sr-* > **hr-* > *r*. Suffice it to compare Avestan *θraotah-* ‘stream,’ Old Indian *srotas* ‘id.,’ and Old Persian *rautah* ‘id.’.

Thus, it appears that the Scyths whose Eastern Iranian language was by no means akin to that of the Sarmatians migrated from the Aral Sea area first to Ciscaucasia and then to the North Pontic region. There they encountered the speakers of yet unidentified Indo-European and non-Indo-European languages and partially adopted their onomasticon (Ὀκταμασάδης), theonyms (Οἰτόσυρος, Ταβτί), and names of some realia (σανά-). This fact implies the assimilation of foreign elements in the course of Scythian ethnogenesis. On the other hand, Scythian loanwords can be tentatively detected in East Caucasian (**μῆλθι*), Avestan (*gaēθu-*, *θraotah*), Median (*Skudra*) and Thracian (Σάτραι, Σάϊοι, etc.).

The book is supplied with an appendix being a description of early Scythian archaeological sites.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ПРЕДЫСТОРИЯ СКИФОВ	15
Глава II. СКИФСКАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫК	28
Глава III. СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Основные архаические скифские памятники	147
БИБЛИОГРАФИЯ	157
УКАЗАТЕЛЬ СЛОВОФОРМ	186
SUMMARY	211

**КНИГИ, ИЗДАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ
ПОЖАРСКОГО (РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙ-
СТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ)**

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации,
оглавления, отдельные главы) вы можете найти на сайте

www.s-and-e.ru

ГЕОПОЛИТИКА, ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ:

1. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* / предисловие Г. М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева.
2. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. *Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750* / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко.
3. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: логика войны и мира. *Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace* / пер. с англ. А. Н. Коваля.
4. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. *Luttwak Edward N. Coup d'Etat: Practical Handbook* / пер. с англ. Н. Н. Платошкина.
5. *Люттвак Эдвард Н.* Подъем Китая vs. логика стратегии. *Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy* (выйдет в 2016 году).

6. *Фомин А. М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923.
7. *Кикнадзе В. Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века.
8. *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917).
9. *Котельников В. Р.* Отечественные авиационные поршневого моторы 1910–2009.
10. *Степанов А. С.* Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 – первая половина 1941 года).
11. *Свойский Ю. М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен.
12. *Садатоси Томиока.* Политическая стратегия до начала войны. Точка зрения Императорского Флота (*выйдет в 2016 году*).
13. *Рашид Ахмед.* Талибан / пер. с англ. М. В. Поваляева.
14. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов.
15. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964.
16. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление.
17. *Симонов Н. С.* Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и СМИ. 1940– 1969 гг.
18. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень Чешского социализма. Чехословакия: 1938–1968 гг. (*выйдет в 2016 году*).
19. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова
20. *Улуян Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.).

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

21. *Исэров А. А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830.
22. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг.
23. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817–1828 гг.
24. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг.
25. *Платошкин Н. Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация.
26. *Платошкин Н. Н.* Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года.
27. *Платошкин Н. Н.* Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ:

28. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники. Том I / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой.
29. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II / сост. М. В. Бибииков, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой.
30. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III / сост. И. Г. Коновалова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой.
31. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. Том IV / сост. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой.
32. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. Том V / под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой.

33. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой.
34. *Столярова Л. В., Капитанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.).
35. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы.
36. Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах / под ред. Г. В. Глазыриной.
37. *Пашуто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы.
38. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / под ред. Е. А. Мельниковой.
39. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / под ред. Г. В. Глазыриной.
40. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия.
41. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джексон.
42. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джексон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова.
43. *Джексон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе.
44. *Агишев С. Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях».
45. *Лидов А. М., Евсева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе.
46. *Евсева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия.
47. *Лидов А. М.* Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера.
48. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция.
49. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты.
50. *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.).

51. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский.
52. Полоцкие грамоты XIII - начала XVI в. Том 2 / под ред. Хорошкевича А. Л., Полехова С. В., Воронина В. А., Груши А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпина А. Г.
53. *Пулькин М. В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.).
54. *Капитанов С. М.* Московское царство и Запад.
55. Формирование территории Российского государства. XVI – начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева.
56. *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников).
57. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева.
58. Немецкие анналы и хроники X – XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова.
59. *Капитанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века.
60. *Юлиана Нориджская.* Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich Revelations of Divine Love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina.*
61. *Ауров О. В., Марей А. В.* Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование.
62. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование.
63. *Генрих Хантингдонский.* История англов / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского.
64. *Долеман Р. (Парсонс Роберт).* Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г./ перевод А. Ю. Серёгиной.
65. Святитель Хромотий Аквилейский. Проповеди /пер., вступ. ст. С. С. Кима.
66. *Марей Е. С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии.
67. *Ганина Н.* Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования.

68. *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века.
69. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова.
70. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога.
71. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917).
72. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной.
73. *Менькова И. Г.* Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки.

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

74. *Логинов К. К.* Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья.
75. *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии.
76. *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале.
77. *Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы.
78. *Лобанова Н. В., Филатова В. Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов.
79. *Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера.
80. *Ольговский С. Я.* Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья.

АНТИЧНОСТЬ. ВИЗАНТИНИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОЛОГИЯ:

81. *Позднев М. М.* Психология искусства. Учение Аристотеля.
82. *Суриков И. Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин.
83. *Суриков И. Е.* Античный полис.
84. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц.
85. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира.
86. *Суриков И. Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры.
87. *Gaudeamus Igitur*: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе.
88. *Ревзин Г.* Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями.
89. *Виноградов А. Ю.* Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики.
90. *Файер В. В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.
91. *Файер В. В.* Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке.
92. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко.
93. *Ермолаева Е. Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла».
94. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 1 / введение и комментарии С. И. Соболевского.
95. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 2–4 / введение и комментарии С. И. Соболевского.
96. *Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы.
97. *Кузьмин Ю. Н.* Аристократия Берои в эпоху эллинизма.
98. *Смирнов С. В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество).

99. *Прокл Диадокх*. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / пер. А. И. Щетникова.
100. *Квинт Смирнский*. После Гомера / вступ. ст., пер. с др. греч. яз., прим. А. П. Большакова.
101. Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и комм. И. Ю. Шабаги.
102. *Завойкина Н. В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией.
103. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко.
104. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия Византийской империи. *Luttwak Edward N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire / пер. с англ. А. Н. Коваль.
105. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреческого А. Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П. В. Кузенкова.
106. *Виноградов А. Ю.* «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа.
107. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Херсон. Том I / *Золотарёв М. И. и др.*
108. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть I.
109. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть II.
110. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть III.

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»:

111. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 1.
112. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 2.
113. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 3.
114. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 4.

115. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 5.
116. Аристей: Классическая филология и античная история, Журнал, выпуск № 6.
117. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 7.
118. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 8.
119. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 9.
120. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 10.
121. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 11.

ЕГИПТОЛОГИЯ:

122. *Лаврентьева Н. В.* Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства).
123. *Прусаков Д. Б.* Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации.
124. *Aegyptiaca Rossica.* Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой.
125. *Aegyptiaca Rossica.* Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой.
126. *Aegyptiaca Rossica.* Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

127. *Антонец Е. В.* Введение в римскую палеографию.
128. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.

129. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
130. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
131. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
132. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
133. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
134. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
135. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева.
136. *Вальков Д. Б.* Генуэзская эпиграфика Крыма.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

137. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура.
138. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2. Русь и Византия.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

Четыре тома избранных произведений О. А. Седаковой:

139. *Седакова О. А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том).
140. *Седакова О. А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том).
141. *Седакова О. А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том).

142. *Седакова О. А.* Четырехтомное издание избранных произведений: *Moralia* (4-й том).
143. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / под ред. А. В. Маркова, Н. В. Ликвинцевой, С. М. Панич, И. А. Седаковой.

Собрание сочинений В. В. Библихина:

144. *Библихин В. В.* Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I.
145. *Библихин В. В.* Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II.
146. *Библихин В. В.* Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

147. *Смышляев А. Л.* История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие.
148. *Зайков А. В.* Римское частное право в систематическом изложении. Учебник.
149. *Поливанова А. К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари.
150. *Рязановский А. Р.* Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён.

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НАШИ КНИГИ:

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, кор. 2,
с 10:00 до 19:00

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru

www.ozon.ru

www.sibran.ru

www.setbook.ru

www.urss.ru

www.libroroom.ru

www.kniger.by

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- Книжная галерея «НИНА» (м. «Кропоткинская», ул. Волхонка, д. 18/2).
www.kniginina.ru
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездниковский пер., д. 12).
www.falanster.ru
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Турчанинов пер., д. 4). www.vk.com/gnosisbooks
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайанова, д. 15, здание РГГУ).
www.knigirggu.ru

- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (м. «Академическая», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19).
- «ЦИОЛКОВСКИЙ» (м. «Новокузнецкая», Пятницкий пер. д. 8). www.primuzee.ru
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» (м. «Таганская»)-кольцевая, ул. Нижняя Радищевская, 2). www.kmrz.ru
- «Гиперион» (м. «Курская», Хохловский пер., д. 7/9 стр. 3). www.hyperion-book.ru
- «Гоголь books» (м. «Курская», ул. Казакова, д. 8, фойе «Гоголь-центра»).www.gogolcenter.com/gogol-books
- «PRIMUS VERSUS» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 27, стр. 1). www.dbiblio.org
- «Ходасевич» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 6).www.xodacevich.com
- «Православное слово на Пятницкой» (м. «Новокузнецкая», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы).www.pravслово.ru
- Крупные книжные магазины: “БИБЛИО-ГЛОБУС”, “МОСКВА” и др.

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Васильевский остров, Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н).
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55). www.aletheia.spb.ru
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9). www.dbulanin.ru
- «АКАДЕМКНИГА» (Литейный проспект, д. 57). Тел.: 8 (812) 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 8 (812) 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА» (Васильевский остров, ул. Менделеевская линия, д. 1). Тел.: 8 (812) 328-38-12.

- «Все свободны» (Набережная реки Мойки, д. 28). Тел.: 8-911-977-40-47.
- «Мы» (Невский проспект, д. 20).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Тверь

- «БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО» (Свободный пер., д. 28).

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая, здание Гуманитарного института, книжный киоск).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ул. Свердлова, д. 9, бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (проспект Ленина, д. 33, книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (ул. Предтеченская д. 31). Тел: 8 (8172) 72-61-28.

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Сурикова, д. 45). Тел: 8 (391) 227-03-90.

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (Набережная реки Ушайки, д. 18 а). Тел: 8-3822) 51-60-36

- «ПОЗИТИВ» (проспект Ленина, д.24 а). Тел: 8 (3822) 53-40-74

Новосибирск

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН» (Морской проспект, д. 22). Тел. 8 (3832) 35-09-22

Воронеж

- «КНИЖНЫЙ КЛУБ» (ул. 2-летия ВЛКСМ, д. 54 а, Торговый центр: «Петровский пассаж»).

Пермь

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ПИОТРОВСКИЙ» (ул. Ленина, д. 54).

Екатеринбург

- «Йозеф Кнехт» (ул. 8 марта, д. 7).

УКРАИНА

По вопросам приобретения книг на территории Украины обращайтесь:

- Швед Павел Владимирович. Тел. (068)358-00-84, e-mail: p.shved@gmail.com
- Оксана Кравченко. Тел. (057) 731-40-59, skype: okhuce@gmail.com

Харьков

- «Литера Нова» (м. «Советская», ул. Квитки-Основьяненко, д. 4/6, Академкнига 1, рядом с Органным залом).Тел.: (057) 731-40-59, e-mail: litera@khar-kov.ua
- «Литера Нова» (м. «Университет», ул.Чернышевского, д. 34, Академкнига 2). Тел/факс: (057) 758-89-67, e-mail: litera@litera-book.com.ua

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

• “KNIZHNIK Internationale Buchhandlung” (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору Издательства Роману Порошину: roland42@yandex.ru

Научное издание

Сергей Всеволодович Кулланда

СКИФЫ: ЯЗЫК И ЭТНОГЕНЕЗ

Редакторы *А.И. Золотухина, А.В. Усачева*

Дизайн обложки *Е.А. Горева*

Дизайн макета и верстка *Л.М. Шпаковский*

Подписано в печать 9.11.15. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 125 п. л.
Тираж 1000 экз. Первый завод 500 экз. Заказ №

«Русский фонд содействия образованию и науке».

Университет Дмитрия Пожарского.

119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.

www.s-and-e.ru.

ППП «Типография «Наука»».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.